КОТОВСКИЙ

Робин Гуд революции

ХХ военные тайны века

О.С. СМЫСЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История революции и Гражданской войны изобилует легендарными личностями. Нередко убийцы и преступники становились героями. Новая книга О. С. Смыслова рассказывает о благородном разбойнике Г. И. Котовском и его превращении в командира корпуса революционной армии. Особое внимание уделено тайне гибели знаменитого военачальника.

Эта книга — попытка развеять исторические штампы прошлого и современности, найти истину между правдами двух времен и показать непростую судьбу Робин Гуда революции.

Знак информационной продукции 16+

- Олег Смыслов
  - От автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Приложения
    - Оперативный портрет Котовского, подписанный кишиневским полицместером С. Славинским (1915 год)
    - Письмо в «Известия одесского Совета Рабочих Депутатов»
    - Из биографии Мишки Япончика (Википедия)
    - Доклад уездвоенкома М. Синкжова одесскому Окружному комиссару по военным делам
    - Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников
    - Ф. Каменецкий
    - А. Тукс
    - Е. И. Морозов
    - Протокол вскрытия М. В. Фрунзе
    - Кто убил Робин Гуда революции?
  - Основные источники и литература

- Иллюстрации

Олег Смыслов
Котовский. Робин Гуд революции

Комбату Сергею Николаевичу Берсеневу посвящаю…

От автора

Многие из нас пока еще помнят, кто такой Григорий Котовский, хотя в августе 2013 года исполняется уже ровно 88 лет со дня его гибели.

Прежде всего, мы помним Котовского, как легендарного героя Гражданской войны, как героя советского фольклора и художественной литературы. Помним, когда видим поблизости побритую голову, называя ее «стрижкой под Котовского». Чуть меньше, но мы помним его, как народного мстителя и разбойника. Мы помним его и потому, что про Котовского и сегодня пишут книги, статьи и снимают фильмы.

Однако с падением Советского Союза образ легендарного героя стал меркнуть. Былую народную славу Григория Ивановича сегодня стали перекраивать в духе времени на славу уголовную.

В наше время Котовского не просто разоблачают, а фактически развенчивают, объясняя это банально просто: он был обыкновенным грабителем и налетчиком, а свои налеты и грабежи прикрывал декларациями о стремлении справедливо разделить нажитое богатыми неправедно. Да, вот только беднякам от него перепадало совсем немножко. Грабил-то он больше для себя…

Словом, борьба за справедливость Григория Котовского в начале XX века сегодня опровергается, как опровергаются очень многие исторические события из нашего прошлого задним числом и с легкой руки современников.

Разоблачают Котовского и в период Гражданской войны, обвиняя его и во лжи, и в дезертирстве, и в тех же грабежах, не считаясь с фактами. Отдельная кавалерийская бригада Котовского была одной из самых боеспособных и надежных частей Красной армии. Но могло ли такое быть в природе, если бы этой частью командовал типичный уголовник?

Немало надуманного сохраняется и в истинной причине гибели Котовского, хотя и здесь все гораздо проще, чем можно было бы предположить. Ведь тайны мы придумываем сами…

Эта книга — всего лишь попытка прорваться сквозь исторические штампы прошлого и современности, между правдами двух времен к недосягаемой истине.

Глава первая
1925-й… Смерть командира

1

Летом 1925 года сорокачетырехлетний командир 2-го кавалерийского корпуса Красной армии Г. И. Котовский по воле судьбы оказался в совхозе «Чабанка» (от слова «Чабан» — пастух, преимущественно пасущий овец). Наступил именно тот самый возраст, когда поистине здоровый организм советского военачальника стал давать сбои. А ведь за всю свою жизнь Григорий Иванович никогда не знал отдыха…

«Врачи настаивали, чтобы командир корпуса начал лечиться, — писал самый первый биограф Котовского — В. Г. Шмерлинг. — 14 ноября 1924 года врачи и близкие взяли от Котовского «подписку» в том, что с 15 ноября он начинает «систематическое лечение до полного выздоровления, без всякого перерыва».

Но и на этот раз Котовский не использовал предоставленного ему отпуска. Он начал лечиться, выполняя предписанные процедуры, но через несколько дней опять с головой погрузился в свои повседневные дела — выезды в поле, совещания, хлопоты по хозяйству. «Систематическое лечение» прерывалось».

Как уточняет другой писатель и последующий биограф Котовского — Г. А. Ананьев, только жена комкора знала, «что могучий организм Григория Ивановича начинал понемногу сдавать, и огромные физические и нервные нагрузки ему уже становились в тягость. Все чаще и чаще беспокоил желудок. Тогда Ольга Петровна стала настаивать на серьезном обследовании, но Григорий Иванович всякий раз отмахивался:

— Чуть кольнет, и уже к врачам бежать? Время где для этого?

Но вот один из таких приступов случился в Киеве, и Котовский волей-неволей оказался в руках врачей. Консилиум вынес решение — провести обследование. Котовский, однако, сбежал, и тогда втайне от мужа Ольга Петровна сообщила о состоянии здоровья Григория Ивановича командующему Украинским военным округом.

Подчиняясь постановлению военного совета округа, Котовский выехал в Москву на обследование и лечение. Диагноз врачи поставили неутешительный — невроз кишечника».

Несколько слов о диагнозе. Невроз кишечника, как

утверждают специалисты, чаще всего встречается у людей с нарушениями психической сферы, при истерии, неврастении. Однако нередко, что, видимо, касалось и Григория Ивановича, невроз кишечника встречается у людей уравновешенных под влиянием эмоциональных переживаний, разнообразных отрицательных внешних влияний или глубокого личного конфликта.

Рекомендуемое лечение этой болезни — это чередование умственного труда с физкультурой и спортом, а также разумный летний отдых. Что касается физкультуры и спорта, то, как известно, у Котовского с этим проблем никогда не было. А вот разумного отдыха никогда не получалось. Поэтому, вопреки рекомендациям врачей, Григорий Иванович наотрез отказался от санаторного лечения. Однако по совету М. В. Фрунзе согласился, но лишь на короткое время, поехать в дом отдыха, что располагался в совхозе «Чабанка». И вот он вместе с семьей выезжает под Одессу, в Чабанку, в совхоз Цувоенпромхоза.

Чабанка. С лета 1988 года — это поселок городского типа Черноморское, расположенный всего в 25 километрах от Одессы, как ее курортный пригород. А вообще история Чабанки начинается со времен императрицы Екатерины. Само же название поселение получило в 1802 году, благодаря обосновавшимся здесь пастухам, охранявшим скот, которым кормились строители одесского порта.

Чабанка во все времена славилась очень мягким климатом, который обусловлен, прежде всего, Черным морем и бескрайними просторами южных степей. Не потому ли погода там всегда способствовала спокойному отдыху и хорошему лечению?

Дом отдыха оказался небольшим, всего на 30 человек. Семье же Котовских был предоставлен скромный одноэтажный флигель, обвитый плющом. Как подчеркивал Шмерлинг, «здесь можно было вдоволь насладиться морем и тишиной». Однако «Котовский никак не мог привыкнуть к безмятежной жизни дачника. Он писал из Чабанки в корпус: «Отдых морально удовлетворяет мало. Не могу привыкнуть к бездельничанью». Рано утром он появлялся на пустынном берегу и кидался в море. Он любил купаться в волнах. Раскрасневшийся, выходил на берег и долго стоял, подставляя грудь теплому бризу.

Во время отдыха Григорий Иванович также старался придерживаться определенного распорядка дня. До четырех часов он сидел у раскрытого окна за книгами. Он читал «Капитал» Карла Маркса. Обдумывал сценарий о пережитом, о днях Гражданской войны. Этим сценарием Котовский хотел увековечить память погибших героев кавалерийской бригады.

После обеда он с увлечением играл в крокет. Вначале ему мешала его огромная сила, но вскоре он в совершенстве овладел игрой, точно соразмеряя каждый удар.

Он часто бродил по окрестностям Чабанки, где завел дружбу с рыбаками. В этом селе уже десятилетиями жили поселенцы из Бессарабии. Их предками были чабаны, гонявшие скот из-за Днестра в Одессу. В Чабанке звучала молдавская речь. Часто по вечерам собирал Котовский вокруг себя селян и распевал с ними любимые молдавские песни».

Г. А. Ананьев лишь добавляет: «Регулярно с докладами о делах как в корпусе, так и в «бессарабской» приезжал в Чабанку Н. Н. Криворучко. Беседы их, как правило, были долгими, утомительными. Ведь корпус есть корпус. Жизнь его сложна, многообразна и не всегда так гладка, как хотелось бы. И Григорий Иванович, не считаясь с требованием врачей, с требованием Ольги Петровны не волноваться, не нервничать, принимал близко к сердцу и добрые известия, и неприятности».

Уже 6 августа 1925 года Котовский собирался вернуться в Умань, в родной корпус.

2

О политической жизни Советского Союза в августе 1925 года весьма колоритно рассказывает нижеследующий документ под грифом «Совершенно секретно», составленный в недрах ОГПУ: «Обзор политического состояния СССР за август 1925 года». Нет ничего интереснее, чем эти строки, чтобы понять ритм и дух той эпохи, в которой жил наш герой.

«РАБОЧИЕ

Август по сравнению с предшествующими месяцами дает снижение числа забастовок (по неполным сведениям, 24 забастовки против 44 в июле и 37 — в июне), что следует объяснить перезаключением коллективных договоров. В то же время брожение на почве низких расценок, высоких норм и общей неурегулированности вопросов зарплаты остается по-прежнему высоким и грозит в ближайшие месяцы значительно увеличить размеры забастовочного движения.

Рост промышленности, сопровождаемый усилением спроса на квалифицированную рабсилу, обусловливает при существующих ненормальностях в тарифной политике массовый переход квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие. Главным образом все это имеет место в металлической и

текстильной отраслях промышленности и отчасти в горной. Ряд конфликтов и забастовок продолжает иметь место среди строительных рабочих, ремонтных железнодорожных рабочих и грузчиков.

Металлическая промышленность

Забастовки на почве низких ставок. В августе среди металлистов отмечено 6 частичных забастовок на наиболее крупных предприятиях машиностроения. Почти все они имеют своей причиной низкие ставки, и хотя охватывают небольшие группы рабочих и отдельные цеха, все же носят острый характер. На Климовском заводе Машинотреста (Московская губ.) рабочие бастовали дважды (10 августа — 715 человек и 26–30 августа — 300 человек) на почве снижения администрацией расценок на 20–30 % вопреки коллективному договору, предусматривающему снижение не свыше 10 %. На Сормовском заводе (Нижегородская губ.) в течение двух последних месяцев имели место 8 частичных забастовок в разных цехах (4 в июле и 4 в августе) с требованием прибавки, несмотря на то, что таковая в начале июля была сделана в размере 10–15 %; на заводе «Электрик» в Ленинграде бастовало полдня 30 литейщиков на почве ограничения приработка. На брянском заводе «Профинтерн» бастовало 70 рабочих прокатного цеха, требуя уплаты за простои по вине администрации и увеличения зарплаты. Только забастовка на заводе им. Петровского Артемовского округа (Украина) имела другую причину — задержку зарплаты.

Ненормальности тарифной политики. Ряд конфликтов на металлозаводах вызывается всякого рода ненормальностями в тарифной политике (заводы Московской, Ленинградской и Брянской губерний, Украины). Сюда относится различная оплата групп одинаковой квалификации, существующая иногда на одном предприятии, непостоянство заработка ввиду неправильных расценок за работы и т. п. На заводе «Электрик», например, приработок колеблется для групп одинаковой квалификации между 45 % и 35 %. Разница в зарплате за разные месяцы колеблется иногда в значительных размерах (на заводе «Ильич» прессовщики выработали в июне 19 руб., а в июле — 46 руб.).

Уход квалифицированных рабочих. Разница в зарплате и нормах выработки на различных предприятиях создает сильную текучесть в составе квалифицированной рабсилы. Уход квалифицированных рабочих на лучше оплачиваемые места ввиду большого спроса на квалифицированную рабсилу принимает все большие размеры и местами создает угрозу ходу производства. По одной Москве переходы квалифицированных рабочих

отмечены по 11 машиностроительным заводам. Особенно значительно это явление на заводах Голун.

Каменноугольная промышленность

Забастовки. В августе среди горняков имели место 2 забастовки. На шахте № 7 (8) Боково-Хрустального рудоуправления причиной забастовки явилась задержка зарплаты. На руднике «Парижская коммуна» бастовали машинисты рудничной железной дороги на почве низких ставок. Конфликт улажен прибавкой к зарплате. Недовольство низкими расценками и высокими нормами весьма распространено и выливается иногда в призывы бастовать (рудник «Ветка» Сталинского комбината) или уход с рудников (Долженское рудоуправление). На Кизеловских копях (Урал) на почве низкой зарплаты наблюдается массовый уход рабочих.

Задержка зарплаты. Положение обостряется имеющей место на многих шахтах задержкой зарплаты. На Щербиновских рудниках (Украина) жены рабочих направились в управление с требованием ликвидации задолженности, агитируя среди рабочих за прекращение работы (рабочим были выданы ордера в рабкооп).

Текстильная промышленность

Забастовки. В текстильной промышленности в августе отмечено всего лишь 3 незначительных забастовки, что объясняется отпусками, перезаключением коллективных договоров, а по Иваново-Вознесенской губ. ожиданием разрешения вопроса по нивелированию зарплаты. Две забастовки (Рогачевская ф-ка Иваново-Вознесенской губ. и 1-я Республиканская ф-ка Костромской губ.) имели своей причиной малую прибавку: по последней, несмотря на 5 % недавнюю прибавку, реальный заработок почти не увеличился, так как одновременно были повышены и нормы. На Середской ф-ке Иваново-Вознесенской губ. бастовали 2 часа трепальщики ввиду полученной неправильной информации от своего делегата, посланного в комиссию по нивелированию зарплаты, о том, что он в комиссию не допущен.

Ненормальности тарифной политики. Одной из серьезнейших причин недовольства среди текстильщиков является непостоянство норм и расценок и их различие при одних и тех же условиях работы для разных групп и предприятий. На многих фабриках за одну и ту же работу назначаются разные расценки (ряд фабрик Московской и Иваново-Вознесенской губерний). Вопрос об уравнении зарплаты в настоящее время обсуждается в Иваново-Вознесенском губсоюзе текстильщиков, и

настроение рабочих всецело зависит от его разрешения. При этом отношение рабочих к комиссии по нивелированию зарплаты часто недоверчивое. На беспартконференции рабочих одной из иваново-вознесенских фабрик в ряде выступлений указывалось, что при недоброкачественном сырье и плохом оборудовании уравнять зарплату невозможно и нивелировка не даст никаких результатов. По некоторым предприятиям отмечаются случаи ухода квалифицированных рабочих на почве неодинаковых ставок.

Требования повышения зарплаты. Наряду с этим увеличивается число требований о реальном повышении зарплаты. Последнее в значительной степени объясняется сильным ростом зарплаты для групп высококвалифицированных механиков, ремонтных рабочих и др., заработок которых доходит до 200–300 руб., при наличии еще довольно низкого уровня зарплаты для основной массы текстильщиков. Следует еще отметить рост недовольства низкой зарплатой в связи с вздорожанием ряда продуктов (особенно мясных и молочных) в Центральном промышленном районе.

Строительные рабочие

Ряд забастовок и серьезных конфликтов отмечается среди строительных рабочих, за август отмечено 6 забастовок. Наиболее серьезной была забастовка 365 рабочих на Рабочем поселке 18 августа в Иваново-Вознесенске: рабочими были предъявлены требования о повышении зарплаты на 25 %. По Москве имели место 4 забастовки, из коих 3 на почве низкой зарплаты и 1 — на почве задержки зарплаты. Кроме того, бастовали строительные рабочие в Туле. На почве низкой зарплаты и злоупотреблений при подсчете ее на постройках наблюдались уходы рабочих.

Железнодорожные рабочие

Среди железнодорожных рабочих имели место 3 забастовки (в Пензенской, Новгородской и Мурманской губерниях) на почве низкой зарплаты. Забастовки эти охватывают рабочих по ремонту пути. Конфликты большей частью ликвидированы прибавкой зарплаты. Кроме того, отмечалось сильное брожение среди железнодорожников (главным образом рабочих железнодорожных мастерских) на Украине вследствие перехода с оплаты отдельных «штука-час» на «штуку-рубль», что вызвало понижение заработка. В ряде случаев переход отменен. В конце июля на почве ненормальностей с установлением расценок бастовали рабочие Январских железнодорожных мастерских (Одесский округ).

Грузчики

В августе отмечается усиление брожения среди грузчиков после частичного затишья в июне и июле. Обращает на себя внимание забастовка грузчиков Мариупольского округа, бастующие потребовали повышения расценок при погрузке экспортного ячменя; к бастующим присоединились грузчики, грузившие уголь для экспорта. Среди бастовавших было 70 грузчиков-коммунистов. Предполагавшаяся замена бастующих безработными не имела успеха, так как последние отказались, боясь мести со стороны бастующих. Профорганы своевременно мер не приняли. Забастовка ликвидирована вмешательством губкома.

Недовольство фабкомами и ячейками РКП

Недовольство фабкомами и ячейками продолжает отмечаться на большинстве предприятий. Особенно яркое выражение недовольство это нашло во время перевыборов новых фабкомов по текстильным предприятиям Иваново-Вознесенской губ. С одной стороны, здесь отмечен сугубо осторожный подход со стороны рабочих к выдвинутым кандидатурам. В некоторых случаях рабочие проваливали списки ячеек, выставляя свои кандидатуры, среди которых, однако, было немало членов РКП (Нижне-Середская ф-ка Гостреста, Ново-Вознесенская м-ра и др.). С другой стороны, отмечалось пассивное отношение к перевыборам. На ф-ке «Рабкрай» на выборном собрании присутствовала лишь одна третья часть рабочих. На некоторых фабриках отмечается безразличное отношение к перевыборам цеховых профуполномоченных. На Родниковской м-ре (Иваново-Вознесенской губ.) на Красильно-аппретурной ф-ке из 1500 рабочих присутствовало 150 человек.

На многих предприятиях рабочие открыто заявляют о своем недовольстве ячейками РКП. На заводе ХПЗ в Харькове среди группы рабочих-котельщиков были разговоры: «Все, за что мы боролись, теперь погибло. Заводоуправление управляет нами, коммунистами; что заводоуправление, что комячейка — один черт». Открытые партийные собрания рабочими на многих предприятиях почти не посещаются.

КРЕСТЬЯНСТВО

Политсостояние деревни

Политсостояние деревни в отчетном периоде характеризуется следующими важнейшими моментами: 1) дальнейшим распространением идеи крестьянского союза; 2) ростом

недовольства новым курсом партии в деревне среди бедняцких слоев и отчасти среди деревенских коммунистов (Сибирь); 3) уменьшением кулацкого террора и, с другой стороны, отчетливо выраженным стремлением к организации кулацко-зажиточной части деревни, блокирующейся с различными антисоветскими элементами деревни из «бывших людей», выделением кулацкого актива, организующегося в группировки, активно проявляющие себя в жизни деревни.

Крестсоюзы. По неполным сведениям, за август по всем районам СССР отмечено 38 случаев агитации за крестьянские союзы. Из них наибольшее число случаев падает на Центр (10 случаев в 5 губерниях) и Украину (9 случаев в 5 округах).

Характерно также усиление тенденции к организации крестсоюза по Северо-Западу (в 3 губерниях — 8 случаев).

По-прежнему идея крестьянского союза выставляется различными слоями крестьянства. Много случаев, когда эта идея выставляется на почве плохой работы [таких] общественных крестьянских организаций, как ККОВ, КНС, кооперация и соворганов, и сопровождается резкой критикой этих организаций. («КНС не является общественной организацией на селе, а лишь организацией паразитов» — Мелитопольский округ. «Чтобы избежать разорения, а также чтобы была сплоченность между отдельными хозяйствами, нужно открыть Союз землероба, который может сплотить крестьянство в единую общую коммунально-обработанную силу. Комвзаймы этого не могут сделать» — Ленинградская губ., из письма зажиточного крестьянина.) Зачастую выдвигается мысль о «замене» ККОВ и кооперации крестсоюзом. Много проектов крестсоюзов направляются крестьянами — представителями различных слоев деревни в редакции местных и центральных газет. Интересно, что гдовская (Ленинградская губ.) «Деревенская газета» поместила заметку зажиточного крестьянина, заканчивающуюся призывом к организации Союза землеробов (см. Приложение № 2).

Нередко крестьянский союз выставляется как организация борьбы с городом, с рабочим классом. Характерно заявление селькора Смоленской губ. в письме в «Крестьянскую газету»: «Ведется агитация за организацию крестьянских союзов для борьбы с рабочими фабрик, живущими лучше, чем крестьяне, и уже много крестьян высказываются за свержение советской власти и признание царя».

Наряду с этим более ярко проявляется стремление к политической организации крестьянства. Характерен случай, имевший место в с. Соленом Екатеринославского округа, где крестсоюз противополагается «казенной организации» —

Крестинтерну.

В Саратовской губ. говорят о необходимости организации крестсоюза, чтобы власть была в руках крестьянина. В ДВО в Бурято-Монгольской республике председатель сельсовета агитирует на собраниях Совета за создание «крестьянской партии».

Особо следует отметить, что идея крестсоюза находит своих сторонников среди крестьянской молодежи, не исключая и комсомольцев. В отмеченном выше случае по Саратовской губ. вернувшаяся из Красной армии молодежь агитирует за крестсоюзы. На Кубани имел место случай, когда на собрании, посвященном профдню, комсомолец задал вопрос — почему РКП не приступает к организации крестьянских союзов.

За отчетный период отмечались 2 попытки приступить к организации крестсоюза: в Екатеринославском округе (Украина) и в одном из сел организовался «кружок защиты селянства», собирающийся по ночам и дискредитирующий ячейку РЛКСМ и местный соваппарат. В Крыму близ ст. Сейтлер также отмечена попытка организовать крестьянский союз.

Отношение деревни к новому курсу Советской власти

Настроение бедноты. В ряде выступлений беднота рассматривает новый курс политики Советской власти в деревне как «поправение» власти; зачастую бедняки причину поворота видят в том, что «у власти много меньшевиков», что партия работает по меньшевистской программе.

Настроение сельских коммунистов. Местами (особенно по Сибири) недовольство новым курсом Советской власти захватывает и коммунистов; характерно заявление члена РКП пос. Мангут Омской губ.: «У меня дух партизана, и я не согласен с новым курсом. Если будет война, я не пойду ни за что воевать, пусть идут омские коммунисты-интеллигенты». В Алтайской губ. секретарь Некийской ячейки РКП заявляет: «У нас теперь так ребята говорят: работу РКП нужно в деревне бросить, так как она здесь больше не нужна». Углубление подобных настроений приводит к дальнейшему обострению классовой борьбы и к учащению случаев красного террора.

Настроение середняков. В отношении середнячества характерным является все еще значительное распространение настроений антагонизма к городу и к коммунистам — работникам соваппарата, что проявляется в резкой и нередко злобной критике Советской власти и ряде ярких выступлений против недостатков соваппарата, «притесняющего» крестьянство (см. особенно яркое выступление на беспартийной конференции в

Ашевской вол. Псковской губ.). Наряду с этим в ряде районов, особенно на Украине, середнячество в значительной своей части поддерживает зажиточную часть деревни в ее борьбе против изолированной бедноты (Украина, Сибирь).

Рост активности кулачества

Активность кулачества продолжает неуклонно расти. Она проявляется прежде всего в консолидации антисоветских сил деревни (создание антисоветских группировок), в ряде случаев кулацкого террора (численно уменьшившегося за последние два месяца), в резкой антисоветской агитации (а местами, как в Амурской губ. ДВО, в явных попытках организовать восстание против Советской власти), во влиянии на соваппарат, а частично и в использовании его в интересах зажиточной части деревни.

Кулацкие группировки. Особенное внимание заслуживают кулацкие группировки. В состав группировок в большинстве случаев входят не только кулаки и зажиточные крестьяне, но и антисоветская часть интеллигенции, бывшие офицеры, бывшие помещики, которые зачастую возглавляют группировку. За отчетный период можно констатировать не только количественный рост группировок (особенно по Украине), но и определенную организационную работу — разъезды членов группировок, стремление связаться с другими группировками или с отдельными лицами в соседних селах, попытки объединить кулачество нескольких сел. Организационную работу кулацких группировок характеризуют следующие факты: в Харьковском районе Прилукского округа (Украина) в с. Деймаковка, где существует группировка кулаков, на тайных собраниях обсуждающая земельные, правовые и другие вопросы, была отмечена попытка устроить объединенное совещание кулаков трех соседних сел.

В с. Янишевка Первомайского округа имеется группировка, устраивающая ночные собрания, на которые приезжают неизвестно откуда верховые; были случаи, когда собравшиеся посылали подводу за бывшим помещиком, проживающим в другом селе. В Сибири в Новониколаевской губ. в с. Каменка группировка на тайных собраниях обсуждает вопрос о готовящемся восстании. В ДВО в Николаевском у. Приморской губ. в одной из волостей имеются три группировки, связанные между собой.

Однако антисоветская деятельность кулацких группировок не ограничивается организационной работой. Она выявляется также: 1) в распространении провокационных слухов (о скорой войне, о перевороте, приходе белых и т. п.) и антисоветских листовок и в

агитации; 2) в дискредитировании партийных, советских и общественных организаций; 3) в обсуждении на тайных собраниях политических вопросов; 4) в активной борьбе с комсомолом (не останавливающейся и перед террором); 5) в единичных пока попытках организации ячеек крестсоюза (отмеченный выше «кружок защиты селян» в Екатеринославском округе, Украина); 6) в борьбе против землеустройства (Украина, Северный Кавказ и другие районы); 7) в подготовке к перевыборам сельсоветов.

Много случаев, характеризующих антисоветскую агитацию группировок. Интересна агитация антисоветской группы из кулаков, бывших дворян, помещиков и бывших офицеров за «крестьянскую революцию» (Черниговский округ). Обращают внимание группировки: в Старобельском округе, зачитывающая на собрании монархические прокламации, и в Одесском округе — группа молодежи, именующая себя «фашистами» и устраивающая тайные собрания.

Хлебозаготовки и налог

Падение хлебных цен. С августа заметное влияние на настроение деревни начинают оказывать вопросы хлебозаготовок и налога. Появление нового хлеба на рынке привело местами к резкому падению хлебных цен. В Астраханской губ. цена на рожь дошла до 40 коп., в Саратовской — до 55 коп. и т. д. Госхлебозаготовители и кооперативы, не ожидая такого падения цен, объявили о приеме хлеба по довольно высокой цене, а затем стали скупать по более низкой цене. Так, в Шахтинском округе РИК объявил о приеме хлеба по 1 руб. 30 коп., но вследствие распоряжения краевого центра принимал по 80 коп. В Воронежской губ. цены за короткое время пали в 3–4 раза, и кооперативы стали воздерживаться от закупки. Часть госхлебозаготовителей кое-где была захвачена общим паническим настроением и начала резко снижать цены, обгоняя в этом рынок (Курская губ., Кубань).

Возмущение крестьянства падением цен. Снижение хлебных цен вызвало возмущение крестьянства, особенно бедноты, вынужденной немедленно повезти хлеб на рынок. В Рязанской губ. крестьяне Никовского района обвиняют в снижении цен государство, которое «осенью вынуждает путем налога продавать хлеб за бесценок, а потом его придется покупать по взвинченным ценам, продавая все за бесценок для спасения жизни». Аналогичные разговоры отмечены по Воронежской и Костромской губерниям. Местами высказывается пожелание, чтобы государство установило твердые цены на хлеб.

Хлебозаготовительные организации стц. Янаул (Башкирия) получили анонимные письма за подписью «беднота», в которых им угрожается поджогом и избиением, если они не поднимут цены на хлеб до летнего уровня; в письме говорится, что цены были снижены, как только беднота повезла хлеб на рынок. В Мелекесе Самарской губ. крестьяне, возмутившись низкой ценой, предложенной Хлебопродуктом, в количестве 100 человек пришли к зданию УИКа, требуя установления твердых цен. Не добившись ответа, часть крестьян увезла хлеб домой, крича: «За продналогом приезжайте к нам с винтовками».

Недочеты заготовительной кампании. В работе госзаготовителей за короткий промежуток времени, прошедший с начала кампании, отмечается ряд недостатков. В ряде районов имеет место нездоровая конкуренция между государственными и кооперативными заготовителями (Белоцерковский, Павлоградский и Херсонский округа на Украине, Терский округ на Северном Кавказе, Астраханская губ.). В Белоцерковщине собираются работать одновременно 6 госзаготовителей в то время, как, по данным окрЗУ, в округе ожидается недобор хлеба. Заготовители, не подготовленные к падению цен, местами заключили невыгодные договора с частными скупщиками. В Самарской губ. (Поволжье) Хлебопродукт заключил договор с частными торговцами на поставку 8000 пуд. ржи по цене 1 руб. 30 коп., а в день заключения договора цена пала до 80 коп., на чем торговцы хорошо заработали. В Самарской губ. и в Донском округе отмечен ряд случаев кредитования частных торговцев госхлебозаготовителями с пользой для первых.

Ссуды под урожай. Ссуды под урожай, выдававшиеся Госбанком крестьянам, в значительной своей части попали местами не бедноте, а зажиточным (Кубанский и Донской округа). В то же время беднота, не получив ссуды, должна была соглашаться на кабальные условия частных хлеботорговцев (см. Приложение о хлебозаготовках № 3).

Недовольство высокими разрядами урожайности. Наряду с положительными отзывами крестьянства о снижении налога, имеется ряд сообщений о резком недовольстве налогом, главным образом ввиду установления высоких разрядов урожайности. Местами это приводит к тому, что налог не ниже прошлогоднего, а иногда (Московская и Вятская губернии) выше его. Крестьяне Себежского района Псковской губ. заявляют: «Скидка налога в 40 % — это очковтирательство, ибо наряду с этим повысили разряд с 1-го на 4-й». В Первомайском округе (Украина) имеет место сильное волнение крестьян в связи с высоким налогом; по настоянию крестьян РИКом посланы телеграммы губисполкому и

в центральные партийные и советские органы. В ДВО в связи с рядом неурожаев прошлых лет недовольство крестьян налогом на этой почве очень сильно, причем особо резкое недовольство проявляют бывшие партизаны.

Наиболее характерно недовольство высокими разрядами урожайности для Украины, Белоруссии, Киргизии и ДВО.

Следует еще отметить сильное недовольство крестьян неравномерностью разрядов урожайности в смежных районах и селениях, что отмечается почти во всех районах. На этой почве зарегистрированы единичные случаи отказа от внесения налога и ряд коллективных ходатайств о снижении налога перед губернским центром (Украина, Белоруссия и ДВО).

Недовольство скидками бедноте. Во многих районах крестьяне отрицательно относятся к скидкам, предоставленным неплательщикам и беднякам, говоря, что власть поощряет и разводит «лодырей». Крестьяне Тульчинского округа (Украина) говорят: «Мы в этом году не понесем налог, а то голодали весь год, а те, кто не спешил внести в прошлом году, получили скидку. Так и мы будем ждать, пусть забирают лишнее». Аналогичные факты отмечены и в других районах, причем выдвигаются требования репрессивных мер к злостным неплательщикам.

АНТИСОВЕТСКИЕ ПАРТИИ И ГРУППИРОВКИ

Меньшевики

В Москве арестовано несколько человек активных меньшевиков — работников Московской организации РСДРП.

Правые социалисты-революционеры

В мае целиком арестована сталинградская организация. В Ростове-на-Дону целиком ликвидированы северо-кавказская организация партии эсеров во главе с Северо-Кавказским краевым комитетом, областные комитеты ростовский и краснодарский, местные организации в Пятигорске, Нальчике и Ставрополе.

В Москве, Твери и Самаре произведены аресты активных эсеров. В Москве при этом обнаружена при обысках часть архива ЦБ за 1922–1923 гг. и около 2 пуд. типографского шрифта. В Сталинграде изъята свежая партлитература.

Левые эсеры

Жизнь в Информационном бюро объединения левых эсеров замерла ввиду отъезда некоторых лидеров. Предполагается наладить партработу в артели «Муравейник», которую решено заполнить исключительно левыми эсерами, удалив из нее под

различными предлогами беспартийных членов. Часть беспартийных крестьян предполагается распропагандировать, чтобы через них наладить в деревне работу по организации крестьянских союзов.

Созданное организационное бюро левых эсеров-народников активности не проявляет.

Анархисты

Отмечается местами агитация анархистов среди крестьян в целях подрыва Советской власти (Череповецкая губ., Кирилловский у.). В области Коми агитацию среди крестьян ведут ссыльные анархисты. Здесь намечается выпуск нелегального анархического журнала.

В Саратовской губ. под влиянием анархической агитации замечается отказ крестьян платить сельхозналог. Местная подпольная анархическая организация имеет широкие связи со всеми анархистами России, а также и с заграницей.

Отмечаются попытки анархистов разложить комсомол (Нижегородская, Тамбовская губернии). В Севастопольском же округе существует подпольная анархическая организация, состоящая преимущественно из членов РЛКСМ.

Местами отмечаются анархические объединения с целью постановки эксов и террористических актов (область Коми, Астраханская, Амурская губернии).

Монархисты и кадеты

На Украине в последнее время усиленно распространяются по почте прокламации монархического содержания. Одна из них «Сбросим ненавистное иго» подписана «Группой действия вольной русской национальной мысли», издана в Венгрии. Три прокламации от имени «Союза спасения России» изъяты из анонимных писем «до востребования». В Саратове получена листовка из Парижа от имени «Международной лиги борьбы с большевистским интернационалом». Зарегистрированы также в Ярославле случаи присылки из-за границы писем с вложением антисоветской монархической литературы. В Киеве продолжает существовать «Боевая группа Союза молодежи». Местами распространяются монархистами провокационные слухи вроде близкого объявления войны СССР, о восстановлении монархии и т. п. (Тульская, Саратовская губернии).

Сионисты

В связи с усилившейся за последнее время на Украине деятельностью сионистов были произведены аресты

руководителей сионистской Трудовой партии. Арестована 1-я конференция Центрального округа «Гашомер-Гациор», причем захвачено много материалов.

Особенно сильно возрос сионистский Социалистический союз молодежи (ЦСЮФ), насчитывающий до 5000 членов, и Единая всероссийская организация сионистской молодежи в 6000 членов. Обе организации перешли от внутренней организационной работы к открытым публичным выступлениям в клубах и других местах массовых еврейских собраний.

На состоявшемся в Балте собрании евреев-кустарей выступавшие ораторы-сионисты резко критиковали национальную политику Советской власти.

ДУХОВЕНСТВО

Тихоновцы. Местоблюститель патриаршего престола Полянский в целях поднятия своего авторитета выпустил воззвание против обновленцев, в котором занял непримиримую позицию к обновленчеству. Среди части епископата все же еще имеется недовольство Полянским за выпады его против католицизма и «подлизывание к власти».

В последнее время тихоновцы в борьбе с обновленцами обратили большое внимание на деревню, стремясь к ее завоеванию.

Ряд епископов направляется в деревню, производят богослужения и в проповедях стараются доказать свою правоту.

Обновленцы. Активность тихоновцев подтягивает также и обновленческий епископат, занятый в настоящее время главным образом подготовкой к собору. В то же время среди обновленцев замечается большое течение к примирению с тихоновцами и к восстановлению единства церкви. Так, обновленцами предложено даже тихоновцам принять участие в соборе, что встретило, за небольшим исключением, непримиримое отношение тихоновцев.

Автокефалисты. Стремление к автокефалии налицо в Украине. Основным мотивом выставляется необходимость идти в ногу с жизнью: «Всюду идет украинизация, значит, не должна отставать и церковь». Движение здесь принимает шовинистический оттенок и направлено против Москвы, хозяйничающей на Украине; в других местах стремление к автокефалии вызывается недовольством политикой верхов (Актюбинск, Ульяновск, Брянск, Джетысуйск).

В Каменец-Подольском округе группа липковцев-автокефалистов распространяет слух о скором приходе Петлюры. На автокефалию указывают как на средство спасения от

Советской власти (Уманский, Н[овгород] — Северский и Павлоградский округа).

Антисоветская агитация. Антисоветская агитация со стороны духовенства не прекращается: слухи о скорой и гибельной для Советской власти войне, о близком государственном перевороте и т. п. В ряде губерний духовенство ведет борьбу против РКП и РЛКСМ (Украина, Брянская, Пензенская губернии). Духовенство распространяет слухи о скором пришествии царя (Кирилла, Николая Николаевича).

Религиозный фанатизм и суеверие. Обновление икон и слухи о чудотворных мощах разливаются широкой волной. За истекший месяц зарегистрировано больше 1000 случаев по Иваново-Вознесенской, Брянской, Оренбургской, Уральской, Ульяновской губерниям и на Дальнем Востоке. «Чудотворная» икона в Ульяновской губ. дает монахам чистого дохода около 2500 руб. в месяц.

В Воронежской губ. (с. Никольское) появилась «прозорливица», предсказавшая в июле конец мира. Под ее влиянием прекратились работы, начались покаяния и так называемый свальный грех: сожительство со снохами, тещами, чужими женами.

БАНДИТИЗМ

Центральный район. Западный район. В районе по-прежнему активны мелкоуголовные банды. Всего оперирует 14 уголовных банд с общей численностью в 93 человека.

Внутренний район. За последнее время наблюдается некоторое оживление деятельности банд в районе Брянской, Смоленской и Гомельской губерний и в Могилевском и Витебском округах Белоруссии. Всего действует в районе 17 банд с общей численностью в 117 человек (из них 5 политических — 36 человек). В результате борьбы с банддвижением задержан главарь шайки налетчиков Орлов, ликвидирована шайка Старовойтова и добровольно сдалась банда Антоненкова-Смирнова.

Всего за рубежом насчитывается 6 банд с общей численностью, по неполным сведениям, в 993 человека (из них четыре крупных группы Балаховича при 140 пулеметах). Банды появились в Бобруйском и Мозырском округах. Не проявляя себя активно, они производили разведку скрываясь в лесах.

Северо-западный район. По-прежнему проявляет себя мелкоуголовный бандитизм (2 банды — 9 человек) грабежами по дорогам в Череповецкой губ. и усилением конокрадства в

Новгородской губ. Банда Оберона в отчетный период активности не проявляла.

Украина. Всего во внутреннем районе оперирует 19 банд с общей численностью в 173 человека, из них 6 банд политических (78 бандитов и 3 пулемета) и 6 уголовно-политических (36 бандитов). Наряду с понижением неорганизованного мелкоуголовного бандитизма политические банды Кушнира, Овчарука и др. проявляют свою прежнюю активность: банда Кушнира в 15 человек при одном пулемете сделала налет на квартиру ударной группы по б[орьбе с] бандитизмом; банда Овчарука (в 25 человек при одном пулемете) — на м. Лунинец, где ограбила райисполком, почту и милицию, захватила дела военного стола, секретную переписку и 3000 руб. Ограбления и попытки к ограблению поездов указывают, что до сих пор транспорт и пути сообщения Украины нельзя считать благополучными по бандитизму.

Борьба с бандитизмом дала ряд положительных результатов. Ликвидированы банды Лымаря, Ляшука, Заграничного, «Керенского» и часть банды Овчарука; убиты главари банд Пухалко, Ляшука, Дроганщика; арестованы пособники банды Овчарука в числе 21 человека.

Крым. Политический бандитизм отсутствует, уголовный проявляет тенденцию к возрастанию, проявляет себя в ограблении крестьян и курортных больных на дорогах.

Северный Кавказ. Всего действует 16 банд с общей численностью в 82 человека. Объявление края «неблагополучным по бандитизму» дало свои результаты. По Донскому и Черноморскому округам уже отмечается некоторое затишье бандитизма. Арестованы многие участники и некоторые главари шаек. Обращают внимание следующие налеты: налет на разъезд Гадюгаевский Северо-Кавказской ж. д., ограбление кассы станции узкоколейной железной дороги, убийство члена Кизлярского окрисполкома Яхонтова.

За отчетный период имели место случаи проявления бандитизма между пограничными обществами Андийского округа (Дагреспублика) и пограничными обществами Чечни (убито 2, ранено 6 [человек], чеченцами угнано 165 голов скота) и между чеченцами Шатоевского округа и жителями Анжелтинского общества (Дагреспублика), сопровождавшиеся убийством и угоном скота.

Ликвидация Гоцинского. Следует также отметить, что в процессе проводимой операции по разоружению Чечни нам населением выдан известный имам Нажмутдин Гоцинский, арестован правая рука Гоцинского Атаби Шамилев-Умаев,

добровольно сдался шейх Аксалтинский и захвачены другие видные главари.

Закавказье. Политический бандитизм в Закавказье сходит на нет. Из 13 банд общей численностью в 129 человек: политическая банда — 1(12 человек — Азербайджан) и уголовно-политическая — 1 (36 человек — Грузия). Сдаются добровольно главари политических банд (главарь банды и активнейший организатор восстания 1924 г. Адейшвили, другой участник восстания Жоржолиани, Кимбаршвили и др.).

Наряду с этим мелкоуголовный бандитизм имеет тенденции роста, проявляясь в скотокрадстве и мелком грабеже крестьян. Борьба с бандитами дала следующие результаты: арестованы 3 бандита, подготовлявшие ограбление кассира Тквибульских рудников, везшего 60 000 руб. для раздачи рабочим; арестованы также участники ряда налетов и ограблений. На почве нетактичного подхода органов НКО, пытавшихся конфисковать часть имущества примиренного бандита — организатора банд Астана-паши Бабакшиева, последний присоединился к банде Ага-Малы Амар-оглы, находящейся в настоящее время в Турции.

Поволжье. Всего в Поволжье оперирует 16 уголовных банд (141 бандит). Крупные банды имеются в Саратовской губ. (2 банды — 42 бандита), в Сталинградской (2 банды — 25 бандитов). Обращают на себя внимание также и некоторые уезды Самарской губ., где оперируют бандшайки невыясненного командования по 6–10 человек, проявляющие себя вооруженными ограблениями и налетами на волисполкомы. Из крупных налетов надо отметить ограбление Саратовского отделения Промбанка на 105 000 руб., налет на волисполком в с. Чесноковке, где похищены винтовки, произведен полный разгром волмилиции, ячейки РКП и архива. Отношение населения к бандитам резко отрицательное. Были случаи самосудов над бандитами. Ликвидирована банда конокрадов в 18 человек, оперировавшая в Преображенском кантоне Башкирской республики.

Казакистан. В Казакистане уголовщина имеет тенденцию роста. Всего действует 16 банд с общей численностью 157 человек. Выделяется Джетысуйская губ., где в Адаевском у. развит бытовой бандитизм (4 банды — 46 участников). Неоднократно повреждалось полотно Ташкентской ж. д. путем хищения стальных костылей в районе Кызыл-Орда. Особенную активность проявили остатки шайки Аимбет Байимбетова и вновь организовавшаяся шайка Булатова-Мурзашева. Ликвидированы банды Сармулдинова Мынжана и Кеншеахметова Амангелия.

Сибирь. Внутренний район. По развитию бандитизма выделяется Иркутская губ. (3 банды — 36 сабель) и Якутия (одна

банда — 86 человек). В Зиминском у. Иркутской губ. дерзкие налеты совершают банды Кочкина-Черных, Замазчикова и Развозжаева; последняя пополнилась за счет нескольких местных крестьян и 5–6 дезертиров 21 дивизии. За отчетный период бандшайки произвели налет на поезд № 550 [на] ст. Зима Забайкальской ж. д.; налет на улус Курунта (банда Развозжаева), где ограблены крестьяне, совработники, захвачен секретарь ячейки РЛКСМ, обстрелян караул, охраняющий железнодорожный мост. Зиминский у. Иркутской губ. и Аларский и Эхирит-Булагатский аймаки Бурято-Монгольской АССР объявлены на «исключительном положении» ввиду развития бандитизма.

ДВО. За рубежом. Всего насчитывается 13 банд с общим числом бандитов в 646 человек. Из них политбанд — 7 — 344 бандита, хунхузшаек — 3 — 264 бандита (неполное число), остальные уголовные. Руководство организованной полковником Размахиным бандой перешло к Терехову, проживающему в Шанхае. Банда, разбившись на мелкие группы, расположилась по беженским хуторам. Против наших поселков Буссо – Сухотино (100 верст выше Благовещенска по Амуру) по-прежнему сконцентрировано до 130 белобандитов, вооруженных винтовками, револьверами и гранатами.

Внутренний район. Всего имеется 27 банд с общим числом участников в 629 человек. Наряду с некоторым затишьем бандитизма в Амурской губ., где имеются политбанды в 17 человек и 4 уголовных, отмечается развитие банддвижения в Приморской губ. и отчасти в Забайкальской (4 уголовных банды), которое усиливается за счет местных русских банд и крупных хунхузшаек. В первой из них оперирует 9 банд — 339 бандитов (из них одна политбанда в 14 человек, 3 хунхузшайки в 290 человек, остальные уголовные). В Камчатской губ., самой неблагоприятной по бандитизму, достигнуты благоприятные результаты. После переговоров сдался главарь банды Карамзин со штабом и 35 бандитами, одновременно выслав делегацию с приказом оперирующим в Оймяконском районе сдать оружие. Банда Иванова-Новгородова, до прибытия нашего отряда пытавшаяся занять Верхоянск, выразила согласие ликвидироваться. На территории ДВО развито хунхузничество. Крупные шайки численностью до 150 человек выявляют себя ограблениями приисков, шахт и кор-поселков, главным образом в Приморской губ. Обращает внимание налет хунхузшайки Н.Ф. (до 30 человек) на нашу заставу в районе Рассыпная и налет на охрану тоннелей 107–109-й верст. Нами ликвидирована банда Михайлова и хунхузшайка Н.К., в результате чего 46 бандитов убито и захвачено 15 винтовок.

Зампред ОГПУ Ягода

Начальник Информотдела ОГПУ Прокофьев

Верно: Секретарь Информотдела ОГПУ Соловьев»{ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1048. Л. 41–75.}.

3

Собираться в Умань Котовские начали за неделю до отъезда. Ольга Петровна, жена комкора, вот-вот должна была рожать. А вечером 5 августа, то есть накануне, Григория Ивановича пригласили на «костер» в расположенный рядом Пузановский пионерский лагерь. Как подчеркнет в своей книге Шмерлинг, «на отдыхе у Григория Ивановича завязалась крепкая дружба с пионерами, раскинувшими свой лагерь в Лузановке. Несколько раз Котовский ездил к ним в гости. А пионеры приезжали к нему в Чабанку. Они пришли строем, под барабанную дробь. Пионеры постановили избрать Котовского почетным пионером. Они принесли с собой красный галстук, который тут же повязали Григорию Ивановичу. Все смеялись над тем, что галстук оказался явно не по размерам могучей шеи Котовского».

Потом отдыхавшие по соседству красные командиры устроили по случаю отъезда Котовского проводы. За стол сели только в одиннадцать вечера, где сразу же зазвучали громкие речи и тосты. Уставшая за день жена Григория Ивановича ушла немного пораньше готовить постель. Котовский остался. В третьем часу ночи 6 августа командиры стали расходиться. Григория Ивановича задержал только что приехавший к нему старший бухгалтер Центрального управления военно-промышленного хозяйства. А вскоре в тишине прогремели два коротких револьверных выстрела, и снова наступила тишина. Распластанное тело Котовского было обнаружено на углу главного корпуса дома отдыха. Он лежал лицом вниз, пульса уже не было… На выстрелы сбежались отдыхающие и помогли внести тело на веранду.

Так, при таинственных и мало известных до сих пор обстоятельствах, оборвалась жизнь легендарного Григория Котовского, которого знал едва ли не каждый как в дореволюционной России, так и в Советском Союзе. В одном случае он был неуловимым преступником, а в другом — храбрым командиром и военачальником.

Ранним утром 6 августа вся Одесса уже знала о случившемся. На похороны Котовского из Москвы выехала делегация Реввоенсовета, которую возглавил С. М. Буденный. А во всех

центральных и местных газетах обыватели читали приказ РВС следующего содержания:

«6 августа в городе Одессе убит командир 2 кавалерийского корпуса тов. Котовский, Григорий Иванович.

Тов. Котовский — революционер-подпольщик, с первых дней Гражданской войны стал в ряды Красной гвардии, а затем армии, командуя вначале горсточкой храбрых кавалеристов-партизан бессарабцев против оккупационных румынских войск. В дальнейшем этот отряд развернулся под его руководством в дивизион, полк, бригаду и, наконец, дивизию — 3 Бессарабскую.

Имя тов. Котовского и руководимые им части Красной конницы пользуются широкой известностью в армии и стране, в особенности же среди трудящихся Украины, где они были в борьбе с германскими оккупантами, петлюровскими бандами, Деникиным и белополяками вписали в историю Гражданской войны и Красной конницы ряд геройских подвигов.

Не раз пули врагов ловили этого героя-командира в открытом бою. Не раз шпионы и бандиты готовили ему смерть из-за угла. Он оставался жив там, где, казалось, смерть была неизбежна.

И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов. Случай беспримерный. Тот, у кого поднялась рука на такого-человека, — или безумец, или предатель, какого еще не знала страна. Революционный суд воздаст должное преступнику, но не вернет стране и армии того, чье имя было грозой врагов, чья шашка была надежной защитой советской земли.

Красная армия и Красная конница потеряли одного из лучших командиров. Союз Светских Социалистических Республик лишился преданнейшего делу революции бойца.

Прощай, дорогой товарищ!

Красная армия сохранит о тебе память навсегда. На твоих боевых подвигах воспитывались сотни командиров. Они будут и впредь примером для бойцов Красной армии в грядущих битвах за рабоче-крестьянское дело.

В увековечение памяти тов. Котовского 3 Бессарабской кавалерийской дивизии, организатором которой был тов. Котовский, присвоить его имя и впредь именовать «3 Бессарабская кавалерийская дивизия имени тов. Котовского».

Народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР М. Фрунзе».

В тех же газетах будет напечатана и телеграмма Фрунзе, которую он отправил непосредственно во 2-й кавалерийский корпус:

«Сегодня мной получено донесение о смерти тов. Котовского. Известие это поражает своей неожиданностью. Выбыл лучший

боевой командир всей Красной армии. Погиб бессмысленной смертью в разгаре кипучей работы по укреплению военной мощи своего корпуса и в полном расцвете сил, здоровья и способностей. Знаю, что ряды бойцов славного корпуса охвачены чувством скорби и боли. Не увидят они больше перед собой своего командира-героя, не раз разводившего их к славным победам. Умолк навеки тот, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шашка была лучшей ее оградой. Рука преступника не остановилась перед тем, что она поднимается против лучшего из защитников республики рабочих и крестьян. Она решилась на позорнейшее, подлейшее дело, результат которого будет на радость нашим врагам.

Вся Красная армия сверху донизу переживает те же чувства тяжелой утраты и боли. От имени всех бойцов Красной армии и Красного Флота, от имени рабоче-крестьянского правительства Союза ССР выражаю осиротелым бойцам корпуса горячее братское соболезнование. Пусть память и славное имя почившего героя-командира вечно живут в рядах бойцов его корпуса. Пусть и в мирное время, и в грозный час военных испытаний служит оно путеводной звездой в жизни и работе корпуса. Почившему комкору 2 вечная слава!»

4

В ноябре 1937 года жена Котовского Ольга Петровна напишет Владимиру Григорьевичу Шмерлингу письмо, которое начинается вполне по-свойски: «Дорогой Володя!

Вы просите меня написать Вам подробно, т. сказать расшифровать мое последнее письмо. Я ждала с нетерпением появления книги — правды о Котовском без надуманного, ложного. Книга вышла правдивой, за исключением причины убийства Котовского. Раскрытие шпионской организации открыло мне глаза и на причину гибели Григория Ивановича.

Если мы проследим за взаимоотношениями между Григорием Ивановичем с одной стороны и Якиром, Гарькавым, Гринштейном, Ливензоном, Гусаровым, Примаковым, — с другой стороны, то они логически вели к одной цели.

Лично Григорию Ивановичу все они льстили, побаивались его прямоты, оказывали ему всяческое внимание, а в его отсутствие всеми способами старались дискредитировать его.

Снабжение в то время было вообще слабое, но из того, что было, наша бригада вообще ничего никогда не получала. Я помню, когда перед операцией против Петлюры было

катастрофическое положение с седлами и Григорий Иванович обратился непосредственно в штаб Армии, и для бригады дивизия получила 600 седел, но бригада не получила ни одного седла, а они были распределены между пехотными бригадами и штабом дивизии.

В письме Григория Ивановича ко мне об описании боя с петлюровцами и 8-й червонной Примакова, у Григория Ивановича закрадывались сомнения, что они хотели, считая, что фронт уже окончен, прикончить бригаду, ее славу полным разгромом бригады и гибелью Котовского, — все же победы присвоить себе. В Южном походе всю тяжесть боев вынесла на себе бригада; Якир же оберегал себя и впадал в истерику, — а получил орден Красного Знамени, который скрывал от Григория Ивановича, при нем никогда не носил.

На участке Жмеринка — Комаровцы лошади у нас голодали, т. к. дивизия не снабжала фуражом и мы сами взялись за снабжение. На польском фронте трусость и растерянность Якира была «притчей во языцех» у бойцов. Котовский в беседе с Якиром подшучивал над его трусостью, а их компания характеризовала Григория Ивановича не как партийца, а как военного профессионала.

Григорий Иванович тяжело переживал такое отношение к себе. Он говорил мне: «сначала были меньшевики, а сейчас стали большевиками, а попросту карьеристы, благо родственничек Троцкий помогает».

Польский фронт окончен. На борьбу с Махно бригада входит в состав группы Примакова. Примаков делает ряд грубейших ошибок в операции против Махно и тогда его отстраняют от руководства этой операцией, а Котовский продолжает эту борьбу. Но время и место упущено, и бригаде пришлось измором брать Махно, кот. только с горсточкой переправился в Румынию.

По приезде после похода бригады в Тарашу, приехал к нам Примаков. Он с Григорием Ивановичем долго говорил наедине, а затем Примаков раздраженный вышел и уехал сейчас же. Григорий Иванович говорил мне, что он принципиально разошелся во взглядах с Примаковым и работать с ним не может, о чем и доложит командующему. Вскоре мы вышли из группы Примакова.

После разгрома и ликвидации Антонова, Троцкий вызвал к себе Григория Ивановича, кот. так рассказывал мне об этой встрече: «Троцкий встретил меня стоя и изучал меня пронизывающим взглядом, кот. я твердо выдержал и со своей стороны изучал его. Он первый отвел глаза от меня и сказал, что решил оставить меня в Тамбове. «Если Вы организовали бригаду

Котовского непобедимой, то я назначаю Вас начдивом, у Вас будет дивизия Котовского», — сказал Троцкий. Я ответил, что мной руководит не личная карьера, а преданность партии в борьбе за социализм, и я всюду буду выполнять волю партии и правительства».

По выходе от Троцкого, поехал к т. Фрунзе, кот. в это время приехал в Москву. Григорий Иванович предполагал, что его оставление в Тамбове — происки Якира и Примакова. Михаил Васильевич Фрунзе настоял на возвращении Котовского на Украину. Здесь вскоре снова Якир и Примаков столкнулись с Котовским.

Григорий Иванович назначается командиром 9-й дивизии, кот. входит в состав 3-го корпуса, кот. командовал, кажется, Кутяков. Комкор сейчас же приказывает расформировать бригаду, а комсостав направить в резерв штаба корпуса. К этому времени бригада только что получила Красное Знамя от ВЦИКа за ликвидацию антоновщины. Григорий Иванович в ответ на этот приказ подает командующему мотивированный рапорт о демобилизации его, на что не получил разрешения, а был приказ отменен и снят командир корпуса.

В это время появилась на Украине диверсионная банда под командованием атамана Тютюнника-Палия. Она оперировала в расположении дивизии Примакова, снабжаясь трофеями от 8-й дивизии, пулеметами и т. п. Банда подходила к Киеву (была около Тетиева). Т. Фрунзе вызвал Котовского к проводу и приказал ему ликвидировать банду. Т. к. мы только что прибыли на Украину, бой с бандой вела 8-я дивизия. Котовский просил т. Фрунзе идти только со своей бригадой, на что получил разрешение. Банда Тютюнника-Палия была ликвидирована бригадой.

Он говорил мне, что когда он прибыл в Тетиев доложить т. Фрунзе о выполнении боевой задачи, то встретил там Якира, Гарькавого, Дубового и в их встрече он почувствовал какую-то злобу и досаду на него. Ему казалось, что они завидовали его успеху. Он раздумывал, что неужели в смертельной схватке с классовым врагом может иметь место личная зависть, карьеризм.

Так постепенно у Григория Ивановича складывалось мнение об этих «товарищах». Их двуличность по отношению к себе угнетала его, а их поведение на фронте создавало о них мнение, что на героизм они не способны, и по свойственной ему прямоте, он им говорил об этом.

Особенно его поразило барахольство Якира: нашей бригадой была взята Б. Церковь, где находился нетронутым дворец Браницкой. Григорий Иванович распорядился, чтобы до моего

приезда никто не распоряжался там, а мне оставил распоряжение — носильные вещи распределить между сотрудницами бригад, а ценные вещи с комиссаром бригады учесть и сдать прибывшим гражданским властям. Когда через несколько часов я прибыла в Б. Церковь, то во дворце застала только несколько чемоданов, не увезенных еще Фирой Голубенко, да на лестнице столовой серебряный нож, очевидно, кем-то оброненный.

Гражданские власти потребовали возврата от дивизии фамильного серебра и золотых вещей Браницкой, на что Якир ответил, что все забрал Котовский. Я протестовала, чем кончилось, не знаю, т. к. с пер. отрядом пошла в Сквиру.

Тогда же к нам явился какой-то гражданин, отрекомендовался родственником жены Якира из Одессы и предложил взять на сохранение наши ценные вещи, т. к. он едет с сопровожатыми и везет вещи Якира, Голубенко и т. д., а так как вещей у нас ни ценных ни безценных не было, то Григорий Иванович попросту выгнал его.

В 1922 г., когда я приезжала в Киев демобилизоваться, то заходила к Якир и видела столовое серебро Браницкой у них за обеденным столом.

Они старались во всем полить грязью Котовского, даже в мелочах: когда Григорий Иванович взял карлика Фому, вырвал его из ужасающей нищеты, чтобы сделать его полезным человеком и помощником матери-вдове, то они пустили злую шуточку — Котовский мечтает стать настоящим барином, завелся шутом-карликом.

1923 г. Троцкистская опозиция. Начало дискусии в частях застает Григория Ивановича по дороге из Баку, куда он ездил по делам Сахар, завода. В дороге он узнает, что Примаков из Москвы едет в дивизию с письмом Троцкого. Путь Григория Ив. лежал в Москву, но он не стал задерживаться и спешил в корпус.

Григорий Иванович по характеру был прямой. Военные хитрости он применял с болью в душе. Он стремился к открытой борьбе. По приезде в корпус, он сейчас же выехал в Бердичев, где уже начата была дискуссия комиссаром дивизии Бройге, кот. отстаивал позицию Троцкого. Часть див. заняла позицию «сидения на двух стульях», Григорий Иванович со свойственной ему страстностью обрушился на тех и других. Он считал, что шатание политруководства дивизии ослабит дивизию, и добился отозвания Бройде и др. В то же время он ежедневно успевал быть на собраниях и в частях, и в городе — всюду он резко выступал против оппозиции.

У нас на заводе администратором был бессарабец Попов, кот. в пылу спора ударил троцкиста, а тот пришел жаловаться к

Котовскому, но получил от него внушительную словесную баню, что не знал как выбраться из дома. С тех пор Григорий Иванович не так доверчив был к людям; он анализировал каждого и если он подозревал в симпатии к Троцкому, то избавлялся от такого работника.

Так на сахарный завод поступил агроном Пятаков, брат ныне расстрелянного врага. Он присмотрелся к его работе и через месяц предложил уйти, дав ему название «гнилой интеллигент, примазавшийся к советской власти». По приезде из Киева он рассказал мне, что Якир занял позицию «сидения на двух стульях», а дома у него тяжелая обстановка, и хотя Якир пригласил его обедать, но он ушел. Жена Якира зудила Якира, что открыто не стал на сторону Троцкого, кот. дал им такое положение. Григорий Иванович поражен был поведением двуличным Якира в таком важном принципиальном вопросе. Он тогда мне говорил, что такие люди партии вредны, опасны, ибо в любую тяжелую минуту они могут изменить.

И когда вновь Якир назначен был на Украину командующим — я спросила Гришу, почему он и другие комкоры не протестовали против его назначения. Он сказал, что он, Якир, уже в Москве переварился, да и они все его хорошо знают и вовремя расшифруют его, если он изменит генеральной линии партии, но не пришлось ему расшифровать негодяя.

Котовский был убит в 3 ч. утра с 5 на 6/VIII, в 6 ч. утра на месте были гражданские и судебные власти, а комкор прибыл только в 14 час. и учинил допрос всех. Судебная экспертиза настаивала на скорейшей отправке трупа в Одессу для вскрытия, но он запретил, т. к. он должен всех допросить и осмотреть труп сам, ведь т. Фрунзе не дает ему покоя с запросами.

Только после резкого моего протеста и угрозы донести о его поведении т. Фрунзе, он соизволил дать разрешение на отъезд. Весь процесс следствия велся под углом простой уголовщины. Через год суд. Почему ждали год?

Прочтите постановление суда, где характерен его «логический конец». Почти одновременно с убийством Григория Ивановича, в Умани был убит д-р Дадашвили из-за личной мести. Через месяц суд убийцу приговорил к расстрелу. Комкора Котовского убивает военнослужащий Зайдер; суд устанавливает заранее обдуманное убийство, да так задумано, что за день до убийства на заводе жена убийцы вывозит вещи куда-то, а убийцу Котовского присуждают к 10 годам и 5 лет высылки, а через год он свободно гуляет по Харькову, где живет командующий Якир и председатель суда, судивший убийцу — Карлсон.

Бойцы Красной армии, изучая боевые действия бригады

Котовского, естественно, спрашивают — как и за что убит Котовский и им по заданию политуправления округа несут околесицу, что в пьянке Зайдер застал Котовского на месте преступления со своей женой и застрелил его. Это что? — К физической смерти еще моральная, уничтожить и облить грязью. Но Котовского народ знает, как преданного партийца, как борца за социализм; и им нельзя умолчать о нем, — так на всех торжественных собраниях в дивизиях они выступали о Котовском, и говорили как о лихом кавалеристе, никогда ни слова как о партийце.

Судьба детей Котовского не интересовала его «товарищей-соратников».

На меня они смотрели как на верного пса Котовского и они в этом не ошиблись. Их месть порой была мелочной. Старые бойцы-котовцы помнят, что после разгрома Петлюры в Паланке они представили список к представлению к награде (Григорий Иванов, предоставлял это право полковым комиссиям, а затем утверждал списки) и в том числе меня представили. Григорий Иванович зачеркнул меня, сказал, что хотя я и заслужила, но эта награда будет горька, ибо бросят в упрек «товарищи», что Котовский наградил свою жену орденом. После смерти Григория Ивановича, они снова подали характеристику к 10 годовщине Кр. Армии к награждению меня орденом — вычеркнута. К десятилетию дивизии им. Котовского бойцы снова ставили вопрос — вычеркнута и т. д.

На праздновании десятилетия АМССР я по болезни не могла быть, но считала, что Гришутка должен быть, тем более что предстояло открытие памятника на могиле отца. Я отправила Гришу с бывшим бойцом. У руководителей АМССР Старого и Воронович нашлось нахальства не дать места на трибуне сыну Котовского. Григорий Иванович Петровский увидел Гришу и взял его на все время празднества, и с собой привез его домой в Киев.

Мучительно было все это пережить за 12 лет. Первый год до суда я день и ночь искала пути раскрытия убийства — дошла до галлюцинации. Процедура суда убедила меня в пристрастии суда. Я замкнулась. Я ждала, что правда выявится, но до 1937 г. считала, что Котовский убит румынской сигуранцей, а они только рады были, что нет судьи их совести, который знает их мелкие душонки, а теперь у меня твердое убеждение, что они его поспешили убрать с дороги, а затем убрали и убийцу, как липший язык.

Ведь неслучайно, что после нашего приезда в Чабанку, туда приехала отдыхать мать Фельдмана — одного из расстрелянной восьмерки. Она могла описать всю обстановку, кстати сказать

очень подходящую для убийства Котовского.

Трудно, конечно, описать всю мелкую травлю. Интуиция любящей глубоко женщины и матери подсказывала мне избегать этих людей, вот почему я никогда ни зачем не обращалась к ним, и если встречалась, то только в официальных случаях.

Интуиция меня не обманула. Все эти лица докатились до своего логического конца. Вот все, что я хотела Вам дополнить.

С приветом Котовская…»

Безусловно, Ольга Петровна Котовская имела полное право на изложение собственной версии гибели мужа. Но то, что она заблуждалась, — факт бесспорный…

5

В январе 2001 года сын знаменитого героя Гражданской войны Григорий Григорьевич Котовский ответил на многие вопросы, интересующие наших современников. Александр Беляев, опубликовавший интервью в «Независимой газете», в частности, поинтересовался и историей гибели его отца:

«— Ходят слухи о противостоянии Котовского и Якира. С чем это было связано?

— Об этом очень мало написано. Отношения Котовского с Якиром были очень сложными. Оба они были из Бессарабии. Якир происходил из богатой еврейской семьи, которая держала аптеку. Жена Якира Сара Лазаревна была дочерью богатого торговца-оптовика, который владел магазинами готового платья в Одессе и Киеве. Продвижение Якира в годы Гражданской войны проходило с подачи Троцкого, с которым он был в родстве. Конечно, Якир способный и по-своему талантливый человек, но это родство сыграло очень важную роль.

У меня после пожара на даче, к сожалению, пропали документы, переданные мне старыми котовцами, о том, что даже свой первый орден Красного Знамени Якир получил незаконно. (Я, правда, эту инициативу котовцев не поддержал.)

Во время Гражданской войны произошло несколько столкновений отца с Якиром. Так, в 1919 году на крупной станции, кажется, Жмеринке, взбунтовался отряд из бывших галичан. Якир, оказавшийся в это время на станции, сел в штабной вагон и укатил. Тогда Котовский применил следующую тактику: его бригада начала быстрым аллюром мотаться по всем улочкам местечка, создавая впечатление огромного количества кавалерии. Небольшими силами он подавил это восстание, после чего на паровозе догнал Якира.

Отец был страшно вспыльчивым, взрывной натуры человек (по рассказам мамы, когда домой приходили командиры, они прежде всего спрашивали: «Как затылок у командира — красный или нет?» — если красный, то лучше было не подходить). Так вот, отец вскочил в вагон к Якиру, который сидел за письменным столом, и крикнул: «Трус! Зарублю!» И Якир спрятался под стол… Конечно, таких вещей не прощают.

Был и такой случай. В 1920 году во время войны с Польшей, с белополяками, во время их успешного наступления на Киев был взят город Белая Церковь, где была главная резиденция графов Браницких, крупнейших землевладельцев среди поляков в дореволюционной России. Вслед за войсками в Белую Церковь вернулись и Браницкие.

Во время контрнаступления Красной армии бригаде Котовского было поручено взятие Белой Церкви. Блестяще проведя эту операцию, Котовский с бригадой пошел дальше, а в Белую Церковь подошел обоз бригады, в составе которой был перевязочный отряд мамы.

Как она вспоминала, Браницкие так поспешно покинули свой дворец, что в дворцовой столовой на столе оставались чашки с горячим кофе. Мама велела своим медицинским сестрам и санитарам пройти в гардеробную и разыскать постельное белье, чтобы нарезать из него своего рода перевязочный материал типа бинтов. Когда она вошла в графскую спальню, то обратила внимание на стоявший в комнате большой кожаный чемодан. Раскрыв его, мама увидела в нем кружева и перламутровую ложку в золотой оправе.

Вдруг позади нее раздался крик: «Не трогайте, это мое!» Мама обернулась и увидела жену Якира. «Пожалуйста, — сказала Ольга Петровна, — мне ничего не надо. Мне нужны только бинты». (Несколько позже ей рассказали, что при Якирше, как называли ее красноармейцы, находились двое агентов из фирмы ее отца, которые чемоданы с «трофеями» отвозили в Одессу.)

Через несколько дней разразился скандал: ЧК обнаружила, что было похищено столовое серебро Браницких. Сара Лазаревна указала на Котовскую, которая первая со своими санитарами побывала во дворце. Конечно, сразу стало очевидно, что это не так. Прошли годы. В 1924 году отец с матерью возвращались из Москвы в Умань через Харьков, где тогда жил Якир, находившийся в должности командующего украинским военным округом.

Котовские были приглашены Якиром на званый обед, во время которого мама обратила внимание на столовое серебро с вензелем «Б». «Так вот где серебро Браницких», — громко

воскликнула она, всегда очень острая на язык. Воцарилось неловкое молчание, а Якир побагровел, как рак.

— Вы полагаете, что и эти эпизоды сыграли свою роль в смерти вашего отца?

— Подобно этим было довольно много других эпизодов. Но если я отвечу на ваш вопрос положительно, то это будет означать, что я считаю Якира одним из организаторов убийства Котовского. Однако у меня нет никаких доказательств. Важно другое: что происходило в следующее пятилетие после убийства отца. Вначале все материалы затребовал к себе Фрунзе. Затем, через три месяца, М. В. Фрунзе погибает, и дело Котовского возвращается в Одессу.

По моему глубокому убеждению, одним из основных мотивов убийства отца оказалась его дружба с М. В. Фрунзе. Отец сблизился с ним в 1922 г. Исследователи жизни и деятельности отца связывают эту дружбу с их этнической принадлежностью — оба были полумолдаване. Но не это главное. В их жизненном пути было много общего: и происхождение, и образованность, и знание иностранных языков (кроме русского и молдавского отец немного говорил по-французски, по-немецки и по-еврейски), и тяжелые годы каторги и ссылки.

Смелые побеги, а главное — сходная мотивация вступления на путь борьбы с царизмом. Оба стали военными профессионалами в горниле Гражданской войны. Постепенно Котовский становится правой рукой Фрунзе в армии. Как рассказывала мама, в 1925 году Фрунзе принял решение назначить отца своим заместителем (Наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета). После отдыха в июле — августе в Чабанке, около Одессы, отец по возвращении в Умань должен был передать командование корпусом Н. Н. Криворучко и выехать в Москву. Но был убит в ночь накануне отъезда из Чабанки.

Напомню, что именно в эти 1924–1925 годы шла острая борьба за власть между группировками Сталина и Троцкого.

После снятия последнего с поста Наркомвоенмора его позиции постепенно ослабели, но влияние и в армии, и в других властных структурах все еще было велико. Выдвижение Фрунзе внесло новый момент в эту борьбу. Смерть Котовского в один год с М. В. Фрунзе вызвала вздох облегчения не одного политика в Москве и в Харькове, тогдашней столице Украины.

Дело в том, что Котовский всегда был «трудно управляемым», постоянно демонстрирующим независимость в мыслях и поступках. Сохранилась его любопытная докладная записка Фрунзе, в которой он излагал план воссоединения Бессарабии с Россией еще в 1924 г. Он предлагал, что с одной из своих

дивизий переправится через Днестр в Бессарабию, в течение нескольких дней разгромит румынские войска при поддержке большинства населения, которое восстанет при известии о появлении Котовского. Советское правительство при этом объявит Котовского вне закона, а он создаст в Бессарабии новую власть, которая выскажется за ее воссоединение с Россией.

Этот вполне реалистический план был отвергнут Фрунзе из-за опасности серьезных международных осложнений. В 1923 году Котовский выиграл крупнейшие после окончания Гражданской войны военные маневры, после чего на совещании в Москве высшего комсостава выступил с предложением преобразовать ядро кавалерии в автобронетанковые подразделения.

Однако этот план не был принят из-за противодействия Ворошилова и Буденного. (Кстати, в 1949 году С. М. Буденный во время встречи с матерью и мной в Кишиневе на праздновании 25-летия восстановления молдавской государственности признал правоту отца, поскольку этот план начал осуществляться накануне ВОВ.)

Короче говоря, Котовский в 1925 году входил в «первую пятерку» комсостава Красной армии. Одновременно Котовский получил известность как блестящий хозяйственник-рыночник, восстановивший ряд промышленных предприятий и создавший на Правобережной Украине сеть сбытовой и потребительской кооперации, как основатель крупных сельскохозяйственных предприятий — коммун. Сохранилась высокая оценка Котовского как хозяйственника в записке Куйбышева, адресованной Кирову. А Дзержинский вообще предлагал демобилизовать Котовского и назначить начальником Трудфронта, организации по восстановлению промышленности.

И только Фрунзе отстоял Котовского в армии. При условии перевода Котовского в Москву тандем Фрунзе — Котовский мог бы изменить конфигурацию расстановки политических сил. Какая из двух основных соперничавших группировок могла быть причастна к убийству отца? Окончательный ответ дать сегодня нельзя. Но я склоняюсь к версии о «троцкистском следе».

Косвенным доказательством этого является судьба убийцы Котовского, которого «прикрыли силовые структуры» Харькова и Одессы. (Кстати, еще в 1926-м, уже после гибели Котовского, Сталин дал ему блестящую характеристику, ставшую известной биографам отца лишь после ВОВ, в которой он назвал его «храбрейшим среди скромных наших командиров и скромнейшим среди храбрых».)

— Как произошло убийство Котовского?

— В совхозе Чабанка, о котором я уже упоминал, накануне

возвращения в Умань Котовский зашел в правление. Он дружил со специалистами совхоза, поскольку в юности сам закончил сельскохозяйственное училище. Возвращался домой поздно вечером. За несколько шагов до дома раздалось три выстрела. Когда мама выбежала из дома, она увидела отца, который лежал вниз лицом, широко раскинув руки и ноги. Пульса не было. Пуля попала в аорту, и смерть наступила мгновенно.

Когда Котовского внесли на веранду, объявился и сам убийца. Это был Мейер Зайдер. Упав перед мамой на колени, он бился в истерике: «Это я убил командира». Потом он скрылся и был схвачен только на рассвете. Кто такой Зайдер? До революции он содержал в Одессе публичный дом. Своей жене, бывшей проститутке, покупал драгоценности. Однажды во время оккупации Одессы, когда город был наводнен деникинцами, петлюровцами, поляками, французами, англичанами, он дал прибежище на ночь Котовскому, который в то время выполнял задания подпольного большевистского ревкома. В 1922 году, когда публичный дом был закрыт, Зайдер, памятуя обещание Котовского отблагодарить его сторицей за помощь в 1918-м, явился в Умань.

При помощи Котовского стал начальником охраны Перегоновского сахарного завода близ Умани. В злополучном августе 1925 года Зайдер приехал в Чабанку на машине, вызванной для переезда Котовского, якобы помочь семье командира собраться в дорогу… Следствие тянулось очень долго. Его вел некто Карлсон (или Каупельсон?), вскоре возглавивший НКВД Украины.

Только осенью 1926 года суд вынес приговор — убийце Котовского дали 10 лет (по иронии судьбы в тот же день этот же суд приговорил другого подсудимого за убийство зубного врача и ограбление — к расстрелу). В харьковской тюрьме бывшего содержателя публичного дома делают завклубом с правом свободного выхода.

Уже через два года после приговора его выпустили на свободу, и он стал работать сцепщиком железнодорожных вагонов. В 1930 году, когда 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия праздновала юбилей и на праздник были приглашены ветераны-котовцы, они сказали маме, что Зайдер приговорен ими к смертной казни.

Мама возражала: Зайдера ни в коем случае нельзя убивать — он единственный свидетель смерти отца, тайна которой была не разгадана. Мама сообщила о намерении котовцев в особый отдел дивизии. Однако властями ничего не было предпринято. Зайдера задушили, его тело положили на рельсы, чтобы имитировать

несчастный случай, но поезд опоздал. Главным организатором убийства Зайдера был котовец-одессит Вальдман, расстрелянный в 1939 году.

— Создается впечатление, что кому-то было очень нужно убрать всех свидетелей убийства Котовского?

— В 1936 году матери дали понять, что убийство Котовского было политическим. И сообщил ей об этом маршал Тухачевский.

Во время приема в честь участников съезда жен командного состава Красной армии он подошел к ней и, пристально глядя в глаза, сказал, что в Варшаве вышла книга: ее автор утверждал, что Котовского убила советская власть.

Кстати, в 1969 году я нашел эту книгу в библиотеке Варшавского университета, где в самом деле утверждалось, что Котовского убила советская власть, поскольку он был человеком прямым и независимым и, обладая огромной популярностью в народе, мог повести за собой не только воинские подразделения, но и массы населения Правобережной Украины. (Действительно в ходе коллективизации по инициативе снизу только на Украине более 120 колхозов и совхозов были названы его именем, хотя официальная пропаганда практически забыла о нем.) В 1940 году мама по совету секретаря Союза писателей и члена ЦК ВКП(б) В. Ставского направила в ЦК письмо о пересмотре в судебном порядке дела об убийстве Котовского. Мама изложила многие обстоятельства гибели отца, но никакой реакции властей не последовало.

Имя отца оставалось популярным в народе, однако поначалу властями его память не очень-то культивировалась. В 1935 году Алексей Толстой задумал написать об отце сценарий фильма и книгу. Он вел переписку с матерью, и она послала ему несколько писем Котовского. Однако в дело вмешался Гарькавый, командовавший тогда Ленинградским военным округом и хорошо знавший отца по Гражданской войне.

Гарькавый представил Толстому Котовского как «рубаку» и посоветовал написать книгу об обороне Царицына. Так родился у Толстого «Хлеб». Остается добавить, что в Гражданскую Гарькавый служил комиссаром у Якира, а его жена была сестрой жены Якира. Я не оставляю надежды, что когда-нибудь в недрах архивов ФСБ будет найдена разгадка тайны убийства Котовского. Меня натолкнул на это разговор со знакомым военным следователем в 1946 году. Он вел дело захваченного в Маньчжурии атамана Семенова.

В конце 20-х годов этот следователь, проходивший в Киеве военную службу, бывал в нашей семье. От него я узнал, что в сверхсекретном архиве органов госбезопасности он познакомился

с делом Котовского. Оказывается, что еще при жизни отца, в 20-е годы, в Москву о нем поступали агентурные сведения. Стало быть, Котовский был одним из тех людей, за которыми ЧК официально следило».

Но и это мнение сына комкора иначе как субъективным не назовешь…

6

Как известно, в тетрадях (журналах) записей лиц, принятых Сталиным в период с 1924 по 1953 год, каждый божий день с точностью до минуты фиксировалось время пребывания в кремлевском кабинете Сталина всех его посетителей. Однако за 1925 год в них можно найти всего два приема: за 7 декабря и 14 декабря. Больше никаких записей нет.

И все-таки любопытно: а где находился Иосиф Виссарионович в момент гибели Котовского и как он отнесся к этой трагедии?

12 июля 1925 года Сталин отправляется в отпуск, о чем информирует своего соратника В. Молотова в письме: «Сегодня уезжаю в Сочи». Уже находясь на курорте, в очередном послании Молотову (9 августа 1925 г. — несколько дней спустя после смерти Котовского), вождь напишет: «9) В какой обстановке убит Котовский. Жаль его, незаурядный был человек». А 23 февраля следующего года, в очередную годовщину Красной армии, Сталин скажет о Котовском особенно красиво и емко, как он умел говорить всегда:

«Я знал т. Котовского как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Буденный прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вел свою кавбригаду на отчаянно-смелые налеты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел «крошить» их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского. Вечная ему память и слава».

Глава вторая
«Бессарабец»

1

У Григория Ивановича Котовского было две даты рождения. Так, один из исследователей его биографии, Ф. Зинько, рассказывает: «В автобиографии, собственноручно написанной Котовским в 1916 году в Одесской тюрьме, значится, что он родился в 1881 году. А в другой автобиографии, опять же написанной собственноручно, он утверждает, что датой его рождения был 1887 год. В 1922 году при вступлении в партию он вновь подтверждает эту дату». Роман Борисович Гуль в книге «Красные маршалы» начинает свое повествование о Котовском именно с даты рождения: «В 1887 году в местечке Ганчешти Кишневского уезда Бессарабской губернии… родился мальчик Гриша — будущий известный вождь красной конницы». Согласимся, что разница в датах рождения Котовского немаленькая. Однако подлинной датой следует считать 1881 год.

Известный историк Борис Соколов пишет: «Когда и где родился Григорий Иванович Котовский? Это окончательно выяснилось только после так называемого «освободительного похода» Красной армии в Бессарабию и Северную Буковину в июне 1940 года. После того как Бессарабия превратилась в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, советские историки стали искать следы знаменитого «бессарабца», как называл себя Котовский. В метрической книге обнаружилось, что Григорий Котовский, будучи четвертым ребенком в семье, родился 12 июня (по новому стилю — 24 июня) 1881 года в местечке Ганчешты (по-молдавски оно произносится Ханчешты; сейчас это не село, а город) Кишиневского уезда Бессарабской губернии в семье механика винокуренного завода Ивана Николаевича Котовского, происходившего «из мещан Каменец-Подольской губернии города Балты», и его жены Акулины Романовны. По некоторым данным, она родилась в семье раскольников белокриницкой иерархии и при замужестве стала православной. Поскольку этот толк возник в Белокриницком монастыре вблизи Черновиц, а этот город входил тогда в состав Австрийской империи, то белокриницкую иерархию часто называли австрийской».

Забегая вперед, можно отметить следующий факт. Григорий

Иванович Котовский в течение всей своей жизни будет изменять многие факты своей биографии, а попросту — фальсифицировать ее. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в самом конце его жизни, полной легенд, мифов и былей.

2

Любопытно, что на одном из сайтов Интернета — «Однофамильцы» — дается следующий анализ фамилии «Котовский»:

«Эта фамилия в 60 % имеет польское происхождение и происходит либо из самой Польши, либо из граничащих с ней стран (Украина, Белоруссия). Почти все представители таких фамилий относились к польской шляхте.

В 10 % носитель такой фамилии может быть потомком древнего русского княжеского или боярского рода. В обоих случаях фамилия указывает, как правило, на место, где жили дальние предки человека, или же тот город и село, откуда, по легендам, происходит этот род, но может происходить и от имени дальнего предка человека. Кроме того, в 30 % случаев такая фамилия была получена предком священнослужителем, когда он выпускался из семинарии. В этих случаях фамилия давалась по воле руководства училища и могла быть образована от названия местности церковного праздника, имени святого».

На другом сайте — «UFOLOG.RU» — можно отыскать иную версию происхождения фамилии «Котовский»:

«Фамилия Котовский восходит к топониму Котово — это город в России, административный центр Котовского района Волгоградской области. Город расположен на реке Малая Казанка (бассейн Дона) в 229 км от Волгограда. Вероятно, предок обладателя фамилии Котовский был уроженцем этого города, либо долгое время проживал в нем.

Согласно другой версии, фамилия Котовский относится к числу так называемых «кошачьих» фамилий. В этом случае она образована от прозвища Кот. Котом могли назвать человека лукавого, хитрого».

Но, как говорится, все это лирика…

3

Отец нашего героя — Котовский Иван Николаевич — работал заведующим машинного отделения винокуренного завода,

хозяином которого был князь Манук-Бей. Известно, что ежемесячное жалованье отца семейства составляло 50 рублей. Спустя десятилетия биографы Григория Ивановича будут писать, как трудно жилось его семье. Она, мол, жила бедно и сводила «концы с концами». Безусловно, богатой семью Котовских назвать нельзя. Но и бедной она никогда не считалась. Этот вывод можно сделать исходя из зарплат того времени. Например, рабочие заводов, деревенских мануфактур, чернорабочие и грузчики получали от 8 до 15 рублей в месяц. Рабочие столичных металлургических заводов — от 25 до 35 рублей. И, наконец, квалифицированные рабочие зарабатывали ежемесячно от 50 до 80 рублей. Словом, отец нашего героя получал зарплату, как квалифицированный рабочий. При этом нельзя не учитывать, что семья Котовских была не самой маленькой: пять детей. Но, опять-таки, Иван Николаевич Котовский имел собственный дом с виноградником, садом и огородом. То есть имел свое собственное жилье и возможность питаться со своего собственного огорода.

Первый биограф Котовского Шмерлинг про Ивана Николаевича писал так: «Ганчештский спиртовой завод был выстроен на плавунах, без свай и без фундамента, из больших серых камней. Спирт гнали из кукурузы. Тяжелый запах разносился далеко от мрачных корпусов. Высокая кирпичная труба, упиравшаяся в голубое небо, почернела от копоти. По дороге к заводу непрерывным потоком тянулись широкие арбы, наполненные кукурузой.

Иван Николаевич Котовский остался работать на заводе главным механиком… (На постройку завода он и его брат архитектор Петр Николаевич приехали из Каменец-Подольской губернии. — *Примеч. авт.)*. Вначале жил с семьей в заводской казарме, а потом построил близ местечка, по соседству с усадьбой бедняка Федора Ромашкана, небольшую хатенку, такую же, как у молдавских селян. Над дверью, как полагалось, повесили подкову «на счастье». Вокруг хаты разбили небольшой виноградник..

…Каждое утро, как только раздавался гудок, Иван Николаевич шел торопливой походкой на завод. Свое свободное время он обычно проводил дома: что-то мастерил, ухаживал за молодыми, посаженными им деревьями, а вечером, когда жена нянчила детей, читал ей вслух журнал «Нива». Главного механика Котовского ценили за знания, исполнительность и исключительную честность. В Ганчештах все относились к нему с уважением, а рабочие на заводе часто просили его быть крестным отцом их детей. Через два года семья главного механика увеличилась — родилась дочь Мария. Но ее рождение принесло большое горе семье: от родильной горячки скончалась мать. На

руках Ивана Николаевича остались малолетние дети и грудной ребенок. Иван Николаевич тяжело переносил утрату. Несмотря на свою молодость, он даже не помышлял о вторичной женитьбе».

Мать Григория Ивановича Акулина Романовна запомнилась современникам как высокая, голубоглазая блондинка. Скромная и красивая женщина, укачивая детей, своим приятным голосом всегда негромко напевала русские песни. Григорию было всего два года, когда в княжеском пруду утонул его старший брат Николай. После такого потрясения его мать уже не смогла оправиться. Она заболела горячкой и, преждевременно родив, умерла. Теперь воспитанием Григория занялась дочь бельгийского инженера, молодая вдова и его крестная мать — София Михайловна Шалль. Посильную помощь ей в этом оказывала также старшая сестра мальчишки — Софья, жена управляющего винокуренным заводом Горского.

До сих пор почти ничего не известно про происхождение Котовских. В. А. Савченко по этому поводу говорит следующее: «Григорий Котовский утверждал, что его отец, Иван Николаевич Котовский, был не православным балтским мещанином, как всегда указывал в документах, а сыном потомственного дворянина, полковника, имевшего много боевых наград и служившего под началом генерал-фельдмаршала Михаила Воронцова. Он одержал легенду о том, что его дед был уволен из армии, с должности командира полка, за сочувствие Польскому восстанию 1863–1864 годов. Легенда, пущенная в жизнь, чудесным образом обрастала подробностями, и вот уже православный имперский полковник поддерживает «красное» левое крыло восставших, которое возглавляли Ярослав Домбровский и Зыгмунт Сераковский.

Григорий Иванович рассказывал, что после смерти опального полковника его дети, Петр и Иван, лишились большого имения в Каменец-Подольской губернии (недалеко от Винницы), что было несколько раз заложено, что Петр и Иван перебрались в Бал ту и, покинув дворянство, приписались к сословию мещан. Но исследователи родословной Григория Ивановича так и не смогли найти следы мифического полковника-«полонофила» и объяснить невиданный для 60–70-х годов XIX века поступок — добровольный переход из потомственных аристократов в мещане. Но в Подолии имелся дворянский род Котовских (украинского происхождения), но и крестьянских, и мещанских семей с подобной фамилией были десятки. Ведь бесфамильные подольские крестьяне в конце XVIII века очень часто брали себе фамилии своих панов.

Крайний эгоцентрист и «нарцисс», Котовский всю жизнь не

мог смириться с тем, что отец его происходил «из мещан города Балты», а не из «графьев». Даже после Октябрьской революции, когда принадлежность к дворянству только вредила карьере и была «опасной для жизни», Котовский указывал в анкетах, что происходил из дворян, а дед его был «полковником Каменец-Подольской губернии»».

То же самое утверждает и Феликс Зинько: «…во многих изданиях говорится о дворянском происхождении Котовского. По полицейским же данным, он происходит из мещан. Полагаю, полицейская версия точнее».

Иван Николаевич Котовский умер в начале 1893 года: «… вернулся с завода домой измученный, в мокрой одежде.

Весь день провел он за ремонтом парового котла. Сам вполз в него, долго возился, а потом вышел на сквозной ветер» (Шмерлинг). Как результат — простуда, перешедшая в чахотку. Около года тяжелой болезни и смерть. Тогда-то Григорий Котовский и остался сиротой.

4

Автор биографической книги о Котовском Г. А. Ананьев по-своему изобразил детство Григория: «Когда Гриша подрос, отец соорудил у дома голубятню. Турманы, дутыши и любимые сизари доверчиво садились на Гришины плечи, ворковали, клевали с руки зерно, а потом, подчиняясь лихому свисту, стремглав взлетели ввысь. А соседские мальчишки стояли с разинутыми ртами, и каждый из них много бы отдал, чтобы стать владельцем вот таких вот таких же красивых голубей.

Гриша знал, что почти все, у кого голуби (таков уж закон голубятников), пытались заманить и турманов; и трубастых саксонских, и сизарей в свои голубятни — осадить и загнать, пусть потом выкупает. Но чаще всего выкупать приходилось им самим — голуби Котовских возвращались домой, увлекая за собой чужаков.

Птица платила верностью за ласку и заботу.

Иван Николаевич не запрещал сыну ходить в бараки к рабочим, прощал ему детские шалости, не журил и за драки между «заводскими» и «верхнеуличными», в которых Гриша почти всегда участвовал. Отец справедливо считал, что жизнь — лучший учитель. (…) Гриша рос крепышом. И так получалось, что в любых играх, любых шалостях он оказывался первым. А сверстники стали воспринимать это как должное. Иной бы, может, и сам хотел стать первым, да побаивался силы и

подчинялся.

Отец часто брал Гришу с собой на завод. Чтобы тот видел, как трудно достается людям хлеб…»

Сам Котовский, вспоминая детство, не отличался многословием: «…был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, часто ночью сорвавшись с постели, бежал к матери (Акулине Романовне), бледный и перепуганный, и ложился с ней. Пяти лет упал с крыши и с тех пор стал заикой. В ранних годах потерял мать…»

В Ганчештах Григорий Иванович окончил народное двухклассное училище. Его поведение и успеваемость там отличались не в самую лучшую сторону.

«Во время годичной болезни Ивана Котовского князь Манук-бей выплачивал больному полное жалованье, — подчеркивает В. А. Савченко, — и оплачивал все визиты врачей. По протекции и на средства владельца поместья «Ганчешты» Григория Ивановича Манук-бея, крестного Гриши, сирота поступил в 1895 году в Кишиневское реальное училище, пособие на учение было даровано Манук-беем и одной из сестер Котовских.

Гриша, оказавшись без присмотра в таком крупном городе, как Кишинев, стал прогуливать занятия, хулиганить и через три месяца был со скандалом изгнан из училища. Соученик Котовского, Чаманский, ставший полицейским, вспоминает, что Гришу ребята называли Березой — так в деревнях зовут смелых, драчливых парней с повадками лидеров. После изгнания из реального училища Манук-бей устраивает непутевого Гришу в Кокорозенское сельскохозяйственное училище и оплачивает весь учебный пенсион».

Помимо известной версии рождения Григория Котовского существует и другая, почти фантастическая… Однако и она имеет право на жизнь. Несколько лет назад, в Москве, двоюродную правнучку Григория Ивановича разыскал Дмитрий Сергеев. Именно ему Галина Филатова рассказала совершенно другую историю про знаменитого Котовского.

«Ее прадед Михаил Шалль был сводным братом и ближайшим другом Котовского. Семейное предание о Котовском в семье Шаллей предавалось из поколения в поколение, достигло наших дней. Фрагменты из него, записанные со слов Галины Всеволодовны, предлагаем вашему вниманию. Добавив, что эти сведения о Котовском никогда и нигде не публиковались…

В 187…-м году из Бельгии в Российскую империю приехал честолюбивый разночинец — Йозеф (впоследствии Иосиф) Шалль… Прибыл он по приглашению царского правительства — наладить производство опия для медицинских нужд. Этим Шалль

и занялся в Бессарабской губернии — судя по всему, удачно.

Внешностью Йосиф обладал броской и привлекательной для дам: темноволосый, черноглазый, слегка смуглый, крепкого сложения — похожий на Дэвида Суше, исполнителя роли Пуаро в одноименном сериале. При этом — стоит отметить! — наголо брил голову. Был недурно образован, умен, энергичен, обладал деловой хваткой. А также склонностью завязывать романы при любом удобном случае. В итоге это привело к браку с местной красавицей по имени Софья. Брак был неравным: жена — дворянка, муж — из разночинного сословия. Семейство Софьи посчитало союз мезальянсом, отказалось ввести в свой круг Шалля и его супругу. Мсье Шалль простился со статусом холостяка, но не с привычкой к амурам. Дамы по-прежнему вызывали у Иосифа приятный интерес, дарили его благосклонностью. Итог — от Шалля забеременела жена главного инженера опиумной фабрики, которой Шалль руководил. У дамы родился сын — в местечке Ганешты Бессарабской губернии.

Супруг дамы (согласно преданию — Иванов) отказался признать ребенка. Младенца отдали кровному отцу, чья законная жена Софья была на сносях и вскоре должна была родить. Иосиф Шалль дал сыну-приемышу имя Григорий, отчество Иванович и фамилию — Котовский. Отчество младенец получил в память о кровной матери (Иванова). А насчет фамилии Котовский существует такая версия: гулену Иосифа за глаза звали «Котом». К этому располагал и первый слог его фамилии: «ша» по-французски «кот, кошка»… Шалль был в курсе прозвища. И поскольку бастард был результатом «похождения Кота», Иосиф дал сыну фамилию Котовский. А через несколько месяцев у Котовского родился сводный брат — сын Софьи Шалль, названный Михаилом…

В семье отца Гришу и Мишу воспитывали одинаково. Проказниками они были первостатейными, часто доводили маменьку (жену Иосифа Шалля) до слез. Был случай, когда она битый час пыталась сманить сорванцов с яблони тарелкой котлет — без толку! И еще одна занятная деталь: братья с юных лет переняли от отца привычку брить голову».

Почему эта версия имеет право на жизнь? А все очень просто: «Сын героя Григорий Котовский утверждает, что, мол, при воссоединении Бессарабии с Советским Союзом в церкви местечка Ганчешты в метрической книге обнаружена запись о рождении отца, датированная 12 июня 1881 года. Да вот беда — во время Великой Отечественной войны метрическая книга погибла», — пишет Ф. Зинько.

Князь Григорий Иванович Мирзоян Манук-бей, полный тезка Котовского, был крестным отцом будущего героя Гражданской войны. Внук известного армянского дипломата Манук-бея считался одним из богатейших землевладельцев Бессарабии.

Борис Соколов в своей книге о Котовском так описывает богатства князя: «Ему принадлежало более пяти тысяч десятин плодороднейших земель. В имении был огромный тенистый парк, фруктовые сады, виноградники — все, чем издавна славится бессарабская земля.

Чуть в стороне от Ганешт, на пригорке, окруженном дубовой рощей, высился белый дворец Манук-бея. На территории поместья находились также маленький охотничий замок, белая столовая и помещения для слуг. На третьем этаже дворца располагались солярий и фонтан с золотыми рыбками и экзотическими растениями. В доме крестного Григорий Котовский в детстве бывал часто».

Е. Замура и О. Власова уже в наше время побывали в этом поместье, назвав в своем материале впечатление от этой поездки удручающим: «…эта живописная зона словно бы пострадала от нашествия варваров. (…)

Уроженец Болгарии, турецкий дипломат, российский разведчик, румынский предприниматель, Манук-бей Мирзоян изменил Турции во имя армянского патриотизма, зная, что в Армении ему не жить никогда.

Манук-бей Мирзоян родился в болгарском городе Рущуке, получил образование в Яссах, после смерти отца стал богатым наследником и при помощи своих финансов продвигал политические решения. В результате тонкой дипломатической игры агента российского влияния в 1812 году Бессарабия вошла в состав России. В возрасте 43 лет разведчик сменил подданство.

«Манук-бей был обвинен турками в предательстве, в 1815 году переехал в Сибиу, а позже вместе с семьей — в Кишинев, — рассказывает научный сотрудник музея в Хынчешть Татьяна Лисовская. — Он получил за заслуги орден Святого Владимира III степени и присягнул на верность России. В Молдове Манук за 300 тысяч золотых лей купил у титулярного советника Ионицэ Ямади поместье в Хынчешть, ставшее родовым. Для строительства нужно было много леса, поэтому приезжий армянин и присмотрел имение в южных Кодрах, близ Прута. В вотчину Хынчешть тогда входило около 40 сел.

Как умер Манук — достоверно неизвестно: по одной версии, сел на лошадь и получил инфаркт, по другой — карета попала в

овраг. Случилось это 20 июня 1817 года, возможно, не без участия Порты. Самый богатый человек на Балканах похоронен в Кишиневе, в Армянской соборной церкви на улице Романэ. Плита хорошо сохранилась. (…)

Работая против Порты, Манук добился от России обещания, что Бессарабия станет приютом для армян — жертв турецкого геноцида. Считается, что он сначала хотел построить армянский город-государство на берегу Дуная, но в 1810 году, путешествуя по Бессарабии, присмотрел близ Рени место для армянского города Александрополя. Благословение получил у императора Александра I. Город для армян так и не был построен, зато Кишинев стал полуармянским и оставался таким до Второй мировой войны. О той эпохе напоминают улица Армянская, Армянское кладбище (переименованная в Центральное), Армянская соборная церковь на улице Романэ, кладбище и церковь в Долине Роз. (…)

Строительство, которое Манук начал в 1816 году, продолжили его сын Мурат (Иван) и внук Григорий, основавший, кстати, хынчештский винзавод. Все делали с размахом. «Охотничий замок и дворец проектировал и строил в 1891 году знаменитый Александр Бернардацци, стены дворца и потолок расписывал Иван (Ованес) Айвазовский, — удивила нас хранительница руин Татьяна Лисовская, проведшая экскурсию по музею. — От росписи, увы, не осталось и следа. В первой комнате музея — экспонаты, связанные с Манук-беем и его семьей. На фотографиях — некогда целые здания. Вот башня, которая сегодня наполовину разрушена, вот Белая столовая. Была здесь церковь, уничтоженная после войны…»

Все настолько обветшало, что показывать неприлично даже своим туристам, не говоря уже об иностранцах. Из зданий, входящих в комплекс, жив-здоров один-единственный Охотничий замок, в котором размещен краеведческий музей. О том, как здесь было замечательно еще в 80-х, можно судить по фотографиям. Каждый зал дворца был оформлен в своем стиле — турецком, молдавском, армянском. Были большая картинная галерея, библиотека, зимний сад, бил фонтан. Сейчас от дворца, построенного в духе французского классицизма, остались одни стены, которые вот-вот обвалятся».

Работникам музея доподлинно известно, «что Григорий Котовский, уже будучи на нелегальном положении, постоянно с какой-то непонятной навязчивостью, рискуя свободой, возвращался в усадьбу Манук-бея, где его караулила полиция. Что он там искал? Возможно — клад? Известно, что под зданием дворца пролегают лабиринты подземелий. Говорили, что там

Манук-бей спрятал сокровища, вывезенные некогда из Турции.

Во времена юности Котовского усадьба восхищала роскошью. Все строения соединялись с дворцом стеклянными галереями. В парке били фонтаны, в пруду плавали лебеди. Все это делало информацию о кладе вполне правдоподобной. Нет сомнений в том, что Григорий Иванович был в курсе этих легенд и что у него хватило бы цинизма на ограбление своего благодетеля.

В катакомбах между тремя церквями в 50-х годах были скульптуры, указывающие направления ходов. В советское время статуи были варварски разграблены и разрушены. Сейчас о планировке подземных лабиринтов, ведущих от флигелей к дворцу, можно только гадать, схем не сохранилось. Но о двух больших подземных ходах информация есть. Один, покороче, заканчивается у большого пруда, чуть ниже усадьбы. Другой тянется через весь город и проходит под домом культуры».

Итак, Г. И. Манук-бей пристраивает Григория Котовского в Кокорозенское сельскохозяйственное училище, которое располагалось в селе Кокорозены Чеколтенской волости Оргеевского уезда… Сельхозучилище или, как ее еще называют, школа, была открыта бессарабским земством 1 мая 1893 года на арендованной монастырской земле, — увлекательно пишет Шмерлинг. — В школе готовили младших агрономов, специалистов по виноградству и табаководству для частных хозяйств. Школа помещалась в самой глубине Бессарабии, далеко от железной дороги. Осенью и весной, а часто и в зимнее время, трудно было добраться до Кокорозен. Неделями и месяцами школа была отрезана от внешнего мира. Проселочные степные дороги превращались в сплошное месиво густого, липкого чернозема. В декабрьскую распутицу с трудом добирались до Кокорозен новички, приезжавшие в школу держать приемные экзамены. (…)

Пятнадцатилетние мальчики, принятые в школу, должны были изучить здесь за четыре года общеобразовательные предметы: арифметику, географию, химию и ботанику; пройти теоретический курс земледелия и скотоводства, а самое главное, приобрести необходимые практические знания. Школе принадлежали богатые угодья. Она славилась своими пашнями и садами.

С декабря по март ученики школы проходили в классах специальные предметы, Закон Божий, историю; ранней же весной занятия переносились в поле. На огороде, пчельнике, на табачной плантации, в питомнике, при сушке фруктов и овощей работали ученики. Каждому отводился небольшой участок, на котором он в течение года производил все работы: вспашку и посев, уборку,

молотьбу и очистку семян.

Практические занятия не прекращались и зимой. Ежедневно ученики подготовительного класса пилили и кололи дрова, чистили скотный двор; ученики же старших классов очищали семена, приготовляли веники, резали свеклу, солому, кукурузные стебли, ремонтировали инвентарь, изготовляли гайки, подковы. Ученики школы разделялись на казенно-коштных и своекоштных. Те и другие жили в школе на полном пансионе. Жили они в главном трехэтажном здании. Летом учебный день начинался с восхода солнца; зимой же и осенью ученики вставали в шесть часов утра.

Григорий Котовский учился с увлечением. Помимо книг, подростка интересовали и способы прививки виноградной лозы, и выведение и кормление шелковичных червей. Ученики школы по очереди в течение месяца, а то и больше, исполняли обязанности дежурных по какой-либо отрасли хозяйства. Они вели все необходимые записи, по вечерам составляли наряд на работы, а по окончании месяца — отчет о своей деятельности. Григорий доил коров и заботливо выращивал телят. Он тщательно следил за чистотой коровника, за правильностью кормления скота, умело варил сыры и аккуратно вел записи в молочной книге. Принимая дежурство, он надевал чистый фартук с металлической бляхой, на которой было выведено: «Дежурный по молочной», и сразу становился серьезным и степенным.

Преподаватель молочного дела всегда ставил Котовского в пример другим. Этот ученик не уйдет спать, пока не осмотрит всех коров, не проверит, хорошо ли они привязаны, и не подложит им на ночь чистую подстилку. Григорий любил работать и на мельнице. Он часами пропадал у паровика и жерновов, исполнял обязанности то кочегара, то механика и особенно ловко насекал камни».

В сельхозшколе, по воспоминаниям современников, Григорий Иванович ежедневно занимался гимнастикой, гирями и боксом. Очень любил футбол. Обладая хорошим музыкальным слухом и сильным голосом, Котовский играл в оркестре и пел в хоре. Особенные успехи будущий комкор показывал в изучении немецкого языка и агрономии. Из художественной литературы предпочитал произведения приключенческого жанра: романы Луи Буссенара и Фенимора Купера.

«.. Зимой 1900 года, — продолжает Шмерлинг, — Григорий Котовский одним из первых закончил кокорозенскую школу. Это был четвертый выпуск, который отмечался торжественным актом. Бывшие питомцы кокорозенской школы, уже работавшие в разных хозяйствах, быстро завоевали себе репутацию толковых

агрономов и виноделов. (…)

Котовскому шел двадцатый год. Это был высокий, стройный и мускулистый юноша, с первого взгляда обращавший на себя внимание. Голос у него был музыкальный и задушевный, а небольшие, слегка прищуренные глаза светились умом.

Школа была окончена, но для получения диплома выпускники должны были больше полугода проработать практикантами в помещичьих хозяйствах.

Двадцатого декабря 1900 года Котовский прибыл на станцию Кайнары и направился на хутор Валя Карбуна, в имение помещика Мечеслава Скоповского».

Как вспоминал спустя годы наш герой, «из всей прожитой мною жизни время пребывания моего в кокорозненском сельскохозяйственном училище является самым светлым, ярким и радостным…» Эти строки оказались в одном из писем Котовского. А вот как он напишет о тех же годах в автобиографии: «Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существующего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные, неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов».

В подтверждение сказанного у Шмерлинга описан такой эпизод: «До сих пор одну из аллей в парке при школе называют «аллеей Котовского». Рассказывают, что Григорию, в наказание за шалости, при посадке этой аллеи было приказано вырыть все ямы для белой акации. Мальчик обрадовался этому наказанию, а ямы копать ему помогли товарищи».

Но кроме этого случая был и явный бунт, о чем рассказал в своей книге Г. А. Ананьев: «И лишь один раз отважился Григорий на открытый протест. Ребята тогда работали на сборе початков кукурузы. Физическая нагрузка большая, а питание — все те же клецки да галушки. Полуголодные подростки начали роптать, а однажды даже подняли шум у окна раздачи, требуя добавки. Когда же на шум прибежал надзиратель Комаровский, чтобы успокоить учащихся, Котовский первым потребовал справедливого к ним отношения.

Этот «бунт» усмирял урядник. Зачинщику грозило исключение. Но, к счастью, все закончилось предупредительным письмом опекуну Горскому — мужу сестры Софьи».

6

Известно, что Котовский в графе «национальность» всегда с

гордостью будет писать абсолютно никогда несуществующую — «бессарабец». Видимо, так он подчеркивал свою великую любовь к родине и свое бессарабское происхождение…

Бессарабия считалась одной и самых многонациональных губерний Российской империи. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Бессарабией называется часть нынешней Румынии — (Валахия с Бабадачской областью по Дунаю). По другим источникам, Бессарабия — это историческая область в Юго-Восточной Европе между Черным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии. Ее название происходит от имени валашского воеводы Басараба I Великого (1289–1352, который правил с 1310 г.). В наше время территория Бессарабии принадлежит Украине и Молдове.

К слову сказать, население Бессарабской губернии к концу XIX века составляло более 1 628 000 человек. Среди них православные занимали почетное первое место: это более 1 368 000 человек. Из этого числа менее миллиона насчитывали румыны, которых при русском царе называли «молдаванами».

Только после начала первой русской революции 1905 года в Кишиневе было основано Бессарабское молдавское общество, и только потом румынский язык был назван молдавским. Тогда же Бессарабское земство приняло решение о преподавании в начальной школе молдавского языка, правда, с сохранением обязательного преподавания русского.

Думаю, ничего нет удивительного в том, что Бессарабия в те времена была почти исключительно сельскохозяйственной губернией. Примечательно, что три процента всего урожая зерновых в Российской империи приходилось именно на эту губернию. Также она славилась бахчеводством, садоводством, табаководством и виноделием. При этом четвертая часть всех крестьянских хозяйств Бессарабии не имела собственной земли и вынуждена была арендовать ее на кабальных условиях. Не более пяти десятин земли имели около 40 процентов крестьян.

Всего же в Бессарабии трудилось 190 тысяч сельскохозяйственных рабочих, из которых 85 тысяч прибыли из других регионов России.

Губернатор Бессарабии князь С. Д. Урусов в своих «Записках» давал такую характеристику этому краю: «…в котором среди богатой природы царствовали лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население; легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много

добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов — такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку».

Советский зоолог и географ Лев Семенович Берг о молдаванах Бессарабии также судил по личным наблюдениям: «Молдаване — это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию и соседние с Бессарабией части губерний Подольской и Херсонской; в небольшом числе живут они также в Екатеринославской губернии. Сами себя они называют молдован (во множественном числе молдовень), а Румынию — Молдова. От румын Валахии, или валахов, отличаются незначительными диалектологическими признаками… Следует заметить, что в Румынии молдаване теперь пишут латинскими буквами, в Бессарабии же — русскими…

Молдаване среднего роста и недурно сложены. Волосы и глаза обычно черные. Череп брахицефалический, нос узкий. Иногда попадаются профили, напоминающие римские. Мужчины носят длинные волосы, но бороду все бреют.

Все православные и чрезвычайно религиозны. Испытания, перенесенные этим народом в течение его многовековой истории, наложили печать на его характер. Молдаване — миролюбивый, покорный и меланхолический народ. В них не заметно живости, разговорчивости и веселой латинской расы. Они медлительны, склонны к созерцанию и бездеятельности».

По мнению Б. Соколова, «Котовский, хотя и не был молдаванином по крови, внешне на них очень походил. Григорий Иванович был брахицефалом, то есть короткоголовым человеком, у которого ширина головы близка к ее длине. Он носил длинные волосы и усы, но никогда не носил бороду, как настоящий молдаванин. Полысел он на сибирской каторге, возможно, из-за недостатка витаминов, после чего начал брить голову. Одевался по-молдавски (тогда, когда не приходилось прибегать к маскараду) — в кафтан, подпоясанный широким кожаным поясом…»

Кроме всего прочего, Григорий Иванович неплохо знал румынский язык и всю жизнь оставался приверженцем молдавской кухни. И все это, вне всяких сомнений, шло от земли бессарабской, его родины. Все это было в его сердце…

И тем не менее он был единственным в Советском Союзе официальным бессарабцем по национальности.

Глава третья
«Моим героем с юности был Дубровский»

1

Как утверждает Ф. Зинько, «дореволюционные дела Котовского полностью «испарились» из архивов: после гибели из него стали лепить большевистского героя без страха и упрека, а прошлое Котовского в Бессарабии и Одессе тянуло на банальную уголовщину. Пусть даже с неким эсеровским душком. Кстати, именно в кассу этой партии Котовский частенько отдавал свою добычу. Небольшая часть доставалась беднейшим крестьянам, самому же, кроме коня и оружия, ничего не надо было».

Вот в этом «ничего не надо было» и кроется тайна той разбойничьей жизни Григория Ивановича, которой он станет жить после окончания училища. И по сей день эта тайна до конца не раскрыта. Ведь еще никто из биографов Котовского точно не ответил на самый главный вопрос: почему до революции он жил вне закона Российской империи, а после, вдруг круто изменившись, принял новую власть и стал ее героем? Ну не может же рецидивист, познавший тюремные нары, побеги, вольную жизнь и огромные деньги, через много лет вдруг, как в сказке, сразу стать положительным героем. Это невозможно в принципе. А здесь совершенно уникальный случай такого перерождения.

Вспомним знаменитого героя А. С. Пушкина Дубровского. Ведь он стал разбойником только потому, что у него отобрали имение и обрекли на смерть отца. То есть именно эти события и стали причиной его жизни вне закона.

Как писал один из видных теоретиков в области уголовного права А. Н. Трайнин, «преступность же самая значительная сторона в социальной жизни, но преступность обладает иным весьма важным свойством: она отражает и резюмирует все влияние окружающей среды. Оттого преступность неубывающая, а тем более преступность растущая — грозное свидетельство неблагополучия в самих основах современного общества». Словом, все-таки общество…

Как свидетельствуют биографы Котовского, в роли помощника управляющего в имении «Валя-Карбуна» близ станции

Кайнары у молодого помещика Мечислава Скоповского, поляка по происхождению, он проработал всего два месяца. Его изгнали за обольщение жены помещика. Историк Борис Соколов на основе изученного им биографического материала о Григории Ивановиче излагает свое личное видение тех событий.

«В автобиографии Котовский так объяснял свой уход от Скоповского: «…И здесь с ужасающей ясностью сталкиваюсь с огромной нищетой того, кто создает все богатства помещику, с беспросветной жизнью батрака, с его 20-часовым рабочим днем; я сталкиваюсь с батраком, у которого нет во всей его тяжелой, кошмарной жизни ни одной светлой, человеческой минуты — с одной стороны. И со сплошным праздником, полной роскошью жизни, жизни паразитов, безжалостных, беспощадных эксплуататоров — с другой». Будто бы помещик прогнал его за то, что он слишком гуманно относится к батракам, которых, правда, по 20 часов в день трудиться никто не заставлял — иначе бы они просто спали в поле. Однако, учитывая, что некоторое время спустя Котовский оказался в имении того же Скоповского, вряд ли тот подозревал его в излишней симпатии к батракам. (…)

После фиаско в «Валя-Карбуне» Котовский устроился помощником управляющего имением Максимовка Одесского уезда, принадлежавшем помещику Якунину, но опять был изгнан за хищение 200 рублей хозяйских денег. По этой причине Котовский так и не закончил шестимесячную практику и не получил ни положительных отзывав помещиков, ни документов об окончании училища.

В начале 1902 года наш герой вновь вернулся к помещику Скоповскому, который за это время развелся с женой и, за устранением предмета раздора, готов был простить Котовского. Может быть, за него успел похлопотать незадолго до смерти влиятельный в губернии Манук-бей. Но Григорий Иванович «по-своему» отблагодарил помещика за доброту. Он опять похитил 77 рублей, вырученных от продажи свиней, и сбежал. По версии, придуманной впоследствии Котовским, конфликт со Скоповским вышел из-за того, что помещик не хочет платить жалованье батракам, а помощник управляющего вступился за них. В наказание слуги помещика избили Григория Ивановича, связали его и бросили умирать в поле на февральском ветру, но он чудесным образом развязался. (…)

После смерти своего покровителя практикант, поняв, что университет в Германии ему больше не светит, пустился во все тяжкие. Эх, если бы Манук-бей догадался завещать хотя бы малую толику состояния своему крестнику, судьба Григория Котовского и история юга России, возможно, сложилась бы иначе.

Советский биограф Котовского Владимир Шмерлинг контаминировал два периода работы Котовского у Скоповского в один и нарисовал героико-романтическую картину их ссоры, ничего общего с действительностью не имевшую: «Как-то зимой Скоповский приехал в имение. Помещик был не в духе, вероятно, после большого проигрыша. Он ходил по имению и ко всему придирался. В казарме он застал отдыхающих рабочих.

— Я не потерплю у себя дармоедов! — рассвирепел Скоповский. Пинком ноги он поднял одного из лежавших, а когда тот вытянулся перед ним, схватил его за рубаху, начал трясти и бить хлыстом.

— Как вы смеете так обращаться с людьми?! — чуть заикаясь, заговорил Котовский.

Скоповский гневно посмотрел на Котовского (он не привык к возражениям), взмахнул хлыстом и ударил практиканта по щеке.

— Бунтовщик, ты будешь народ бунтовать?!

Удар помещичьего хлыста разъярил Котовского. Не помня себя, он схватил Скоповского, поднял его и с размаху выбросил в открытое окно. На Григория накинулись слуги помещика и начали избивать дубинками и плетками; одолев его, они связали Котовского и бросили в сарай. Потом к сараю подъехала подвода. Приказчик повез Котовского в степь. Григорий просил развязать ему руки и ноги, но приказчик не соглашался: барин приказал сбросить практиканта связанным, не доезжая верст пять до станции.

Приказчик выполнил приказание помещика. Оставленный в степи раздетым, без пальто. Котовский долго ползал по снегу, пока ему не удалось разорвать веревки. Он весь горел возмущением и обидой; он не ожидал такого дикого произвола, такой несправедливости. Он шел по степи и мысленно произносил слова клятвы: отомстить за все Скоповскому и другим помещикам-извергам.

Скоповский же не успокоился. После случившегося он долгое время ходил в кровоподтеках и пластырях. Горя местью, он сочинил донос на непокорного практиканта. Помещик обвинил Григория во всевозможных злоупотреблениях, а главное, в том, что Котовский настраивал против него батраков».

Однако если бы управляющий действительно побил Скоповского, да еще нанес бы ему ясно видимые телесные повреждения, то помещик прежде всего обвинил бы Котовского именно в этом, за что последнему мог грозить реальный тюремный срок. Но помещик в своем заявлении указал на кражу 77 рублей выручки от продажи свиней. Ни о побоях, ни о подстрекательстве крестьян к бунту он не упоминал.

Другой советский биограф Котовского, Геннадий Ананьев, дает версию происшествия, приведшего к окончательному изгнанию Котовского из «Вали-Карбуны», несколько ближе к действительности, хотя и оснащает происшествие фантастическими деталями из рассказов самого Григория Ивановича: «По распоряжению помещика Котовский переправил в Кишинев большую партию свиней и, выгодно продав их, вернулся в имение. Но вместо того, чтобы немедленно отчитаться перед хозяином, пошел проведать больного батрака и отдать купленные для него лекарства. И надо же такому случиться, что и Скоповский пожаловал в барак. И не один, а с ключником и конюхами. Помещик считал, что батрак симулирует, поэтому решил наказать. С бранью слуги Скоповского накинулись на больного батрака, начали бить, заставляя идти на работу.

— Прекратите! — не выдержав, крикнул Котовский и оттолкнул конюхов от больного.

Скоповского это вмешательство взбесило, и он приказал связать управляющего.

…В степи телега остановилась, Котовского сбросили на снег.

— Развяжите! — потребовал Котовский, понимая, что его хотят оставить на верную гибель.

— Барин не велел, — спокойно ответил приказчик. Февральский холод начал пробирать до самых костей, но, как ни напрягался Григорий Котовский, ему никак не удавалось даже хоть чуть-чуть ослабить веревки. Выход один — найти какое-нибудь дерево и тогда, поднявшись, перетереть веревку о шершавую кору. И Котовский покатился по снегу, проклиная Скоповского и его холуев.

— Дерево нужно. Дерево, — отчаянно повторял Котовский. — Тогда спасусь!»

И конечно же Григорий Иванович дерево нашел и спасся. Как бы иначе он стал героем Гражданской войны?

Несомненно, случай с батраком, которого избил хозяин и за которого заступился Котовский, Ананьев заимствовал у Владимира Шмерлинга. Но у Шмерлинга цель наказания, которому подверг помещик Котовского, заключалась в унижении строптивого управляющего, но не в его убийстве. По версии Шмерлинга, Котовского сбросили с телеги недалеко от железнодорожной станции, и если бы даже он не сумел развязаться сам, его наверняка вскоре нашли бы пассажиры, идущие или едущие на станцию или со станции. Умереть он не мог. По версии же Ананьева, Скоповский рассчитывал, что Котовский умрет мучительной смертью от холода, и только находчивость спасла Григория Ивановича».

Вывод современного российского историка до банальности прост: «История с избиением Котовским помещика, а слугами помещика — самого Котовского понадобилась советским биографам «последнего гайдука» для того, чтобы объяснить его уход в лес и сколачивание разбойничьей шайки классовой ненавистью, а не банальной жаждой приключений и легких денег.

На самом же деле Скоповский, отчаявшись дождаться возвращения беглеца, подал на него в суд, но полиция не смогла найти вора, да и не особенно искала».

И все-таки первая и главная причина конфликта с первым помещиком — «шерше ля фам» (т. е. ищите женщину). Как утверждает двоюродная правнучка Котовского Галина Филатова, отстаивая свою версию биографии героя Гражданской войны, «в положенные лета Гришу и Мишу отдали учиться в Каракозовское сельскохозяйственное училище. Миша окончил училище с хорошими отметками, Гриша — с отличием! У приемыша оказался потомственный талант к управлению сельхозпредприятиями. Поэтому сразу после учебы Котовский был взят на должность управляющего крупным поместьем.

Но привычками пошел в отца. Завязал интрижку с супругой знатного помещика (своего работодателя), был изобличен, по приказу рогоносца избит и вышвырнут со службы. Легко отделался: рогоносец поначалу приказал убить Котовского, но раздумал. Испугался мести Шаллей: родня Григория славилась крутым нравом. Управление всем циклом опийного производства — от выращивания мака до его продажи — на тот день перешло к Михаилу Шаллю. На пару с отцом Михаил ввел на предприятии строжайшие порядки: воровство и связи с наркоторговлей пересекались железной рукой. В общем, рогоносцу было чего страшиться, дай он приказ убить Котовского.

Григорий вернулся в семью, где на семейном совете решили: Котовскому надо уехать из дому, пока скандал не уляжется. Тем более что его защитниками были лишь отец и брат. Родственники Софьи Шалль (весьма влиятельные) относились к байстрюку без симпатии».

2

Украинский историк В. Савченко продолжает уголовный путь Котовского не менее увлекательно: «В том же году молодой практикант оказывается в помощниках управляющего большого имения Максимовка Одесского уезда помещика Якунина. Но уже в октябре он был выгнан из Максимовки за похищение 200 рублей

хозяйских денег, так и не закончив своей шестимесячной практики. Захватив деньги и инсценировав кражу со взломом, девятнадцатилетний Котовский направился в Одессу, манящую соблазнами. Он растратил все деньги в Одессе и был не только с позором выгнан из имения, но и не получил документов об окончании училища. (…)

Тогда же Котовский снова нанимается помощником управляющего к помещику Скоповскому, который к этому времени развелся с женой. На этот раз, узнав, что ему грозит скорый призыв в армию, Григорий присваивает 77 рублей, полученные от продажи помещичьих свиней, и ударяется в бега. Во время разборок со Скоповским помещик нагайкой отхлестал Котовского, а помещичьи холуи жестоко избили юношу. По словам самого Котовского, его, избитого и связанного, бросают в февральской степи. Но документы говорят о другом… Помещик не наказал беглеца физически, так как не мог его поймать. Скоповский подал на бежавшего с деньгами Котовского в суд, однако полиция полгода так и не смогла найти беглеца.

В это время (март — апрель 1902 года) Котовский пытается устроиться управляющим к помещику Семиградову. Но помещик соглашается предоставить ему работу только при наличии рекомендательных писем от предыдущих нанимателей. И Григорий Котовский подделывает документы о своей «образцовой» работе у помещика Якунина. «Низкий» слог и полная безграмотность этого документа заставили Семиградова усомниться в авторстве и перепроверить подлинность рекомендации. Связавшись с Якуниным, Семиградов узнал, что симпатичный молодой агроном — вор и мошенник.

За подлог Григорий Котовский получил четыре месяца тюрьмы. Отсидев этот срок, Котовский недолго был на свободе. В октябре 1902 года его арестовывают по делу о растрате денег Скоповского. Помещик представил следствию бумагу, в которой подсудимый сознался в содеянном…

Котовский был посажен в «грабительский коридор» кишиневской тюрьмы, где, по его словам, содержались «сливки преступного мира». В камере Григорий заболел «нервной горячкой» и попал в тюремный лазарет. Вскоре он освобождается до суда из-под стражи «по болезни». Григорий Котовский возненавидел своих обидчиков, поняв, что опороченное имя закрыло ему путь в «приличное общество». Позже, в 1916 году на суде он объяснял свое «падение» тяжелым детством и неспособностью общества «подать руку оступившимся»».

С 1903 года Григорий Котовский хотя и меняет места своей работы, меняет профессии, однако его по каким-то причинам

более не преследуют «за растрату денег» и «воровство». Сначала он служит лесным объездчиком в селе Молешты Бендерского уезда у помещика Авербуха, потом обыкновенным поденным рабочим в имении помещика Недова и, наконец, рабочим на пивоваренном заводе Раппа в Кишиневе. Следующий арест Котовского произошел в январе 1905 года… За уклонение от призыва на военную службу. По этому поводу в истории известно вынесение следующего решения: «…Балтское уездное полицейское управление, рассмотрев переписку о задержанном в Кишиневе балтском мещанине Григории Ивановиче Котовском, нашло, что Котовский подлежал отбытию воинской повинности в 1902 году, но к исполнению таковой до сих пор не являлся, скрываясь в разных местах, а потому постановило: названного Григория Котовича, в целях воспрепятствования дальнейшего уклонения от исполнения воинской повинности, содержать под стражей при полиции, впредь до открытия заседания Балтского воинского присутствия 3 февраля 1905 года, о чем ему объявить, а копию сего постановления препроводить товарищу прокурора по Балтскому участку.

Пом. исправника: Журавский».

Как подчеркивает Б. Соколов, в феврале 1905 года Котовского направили «в 19-й Костромской пехотный полк в Житомир. Но он там не задержался. В Житомире находился запасной батальон полка, а его боевые части в это время перебрасывались в Маньчжурию. Но принять участие в боевых действиях он уже не успел. Котовский, однако, не знал, что война вот-вот закончится, и совершенно не горел желанием оказаться на фронте. Уже 31 мая 1905 года он бежал из полкового лазарета и в связи с дезертирством был исключен из полковых списков. 4 июня 1905 года он нелегально вернулся в родную Бессарабию».

Эти и другие факты из прошлого, к сожалению, подаются современному читателю без каких-либо комментариев, которые хоть немножко могли бы разъяснить ту атмосферу, в которой происходили конфликты Котовского с помещиками, а также его уклонение от службы в армии и дезертирство. Такие пояснения, например, можно найти в книге известного французского историка, специалиста по русско-советским исследованиям Н. Верта: «1901 г. оказался неурожайным, ему предшествовал 1900 г. достаточно средний по результатам. Повсюду в деревне давало себя знать перенаселение; и так уже нищенская оплата сельских тружеников упала еще ниже; традиционная задолженность крестьян-бедняков усилилась. Даже крупные помещики почувствовали на себе последствия кризиса: мировые цены на зерно снизились, что заметно повлияло на их доходы, так

как не рос внутренний рынок. (…)

Лишенные возможности модернизировать свои хозяйства, доведенные до нищеты перенаселением и низкими урожаями, крестьяне вынуждены были по высоким ценам арендовать земли у помещиков или захватывать их силой. В 1902 г., впервые с 1861 г., поднялась настоящая волна беспорядков в деревне. На Украине и Среднем Поволжье разразились бунты. Ведомства царского правительства насчитали только за период с 1902 по 1904 г. 670 «крестьянских восстаний». Обычно они начинались с разгрома помещичьих усадеб, затем крестьяне занимали поля и угодья своих помещиков, присваивали себе скот и сельскохозяйственный инвентарь».

Весьма красочно картина последствий того кризиса в России дана в донесениях посла Франции М. Бомпара (1904): «Все классы общества пришли в смятение: в стране совершаются политические убийства, идут забастовки, крестьянские бунты, новые слои общества, охваченные идеями радикализма и обновленного народничества, превратились в оппозицию государству».

Как пишет Верт, назначенный в апреле 1902 года министром внутренних дел Плеве на все сложности обстановки реагировал политическими и административными мерами. Как результат в 1902–1904 годах в Кишиневе и Одессе прокатились массовые еврейские погромы. Для подавления же крестьянских восстаний и рабочих забастовок власти использовали армию. Именно этим и можно объяснить уклонение от службы в армии нашего героя. Никаких других объяснений в данном случае быть не может. Что же касается Русско-японской войны, то она, как чуждая национальным интересам, с самого начала воспринималась русской общественностью как бессмысленный конфликт, результат некомпетентности власти. Именно тогда умами оппозиционеров овладел дух пораженчества.

Достаточно вспомнить события Кровавого воскресенья, когда 9 января 1905 года армия открыла огонь по народному потоку, шедшему к Зимнему дворцу. А ведь тогда тысячи мужчин, женщин и детей несли иконы и хоругви, пели псалмы и «Боже, царя храни!» И армия стреляла в народ. Мог ли Котовский служить в такой армии? Думаю, что ответ здесь будет звучать однозначно отрицательно.

Сегодня мало кто может припомнить такую партию под названием «Бунд». Эта еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польши и Литве, просуществовала недолго: с 90-х годов XIX века до 40-х прошлого. Но именно эта партия, возглавившая массовое еврейское рабочее движение,

занималась и организацией армейской пропаганды. Как подчеркивает историк Й. Петровский-Штерн, «Бунд призывал своих активистов не бояться армии еще и потому, что агитация среди солдат, пусть даже и в стихийной форме, давала свои результаты. Уже в самом начале 1900-х годов командованию северо-западных округов пришлось признать, что нижние чины читают бундовские листовки, обсуждают их между собой и, в обход всех приказов и распоряжений, не спешат доносить о них начальству.

Призывную кампанию 1902 г. Бунд отметил пространным воззванием, отражавшим его концепцию: солдат есть рабочий в шинели. Воззвание призывало будущих солдат к классовой, преимущественно рабочей, солидарности, формулируя ее в откровенно марксистских метафорах: «Пусть казарма для вас будет школой, где вы научитесь владеть оружием, чтобы умело направить его против наших властителей. Пусть царизм встретит в вас не новых защитников, но новых могильщиков!» Пропагандистские усилия Бунд подкреплял непосредственной работой с новобранцами. Так, в Житомире за два дня до призыва (декабрь 1902 г.) еврейские призывники провели сходку в лесу, закончившуюся демонстрацией и пением революционных песен на улицах города». Далее автор книги «Евреи в русской армии» пишет: «К 1905 г. еврейские солдаты, с их допризывным опытом пропагандистской работы, оказались в роли ведущих армейских агитаторов. Военные власти испытывали растерянность: полиция требовала от военно-судного управления привлечь агитаторов к ответственности за антиправительственную деятельность, тогда как сами воинские начальники не находили в их действиях состава преступления и полагали, что они не обязаны заниматься преступлениями, совершенными за пределами армии». Почему Котовский не мог стать, так скажем, жертвой такой пропаганды? И тем более в те самые дни, месяцы и годы, когда происходили все вышеперечисленные исторические события. Кроме того, Григорий Иванович до самого конца своей жизни, в отличие от других, будет как-то особенно дружественно относиться к людям еврейской национальности. И это при том, что погибнет от руки близко стоявшего к нему еврея.

В своем последнем интервью заслуженный артист России Владислав Галкин, сыгравший главную роль в сериале «Котовский», так охарактеризует своего героя: «Сильная историческая личность, один из интереснейших персонажей начала прошлого века. Личность разносторонняя, многогранная, яркая. Мотивация его некоторых поступков объяснения практически не находит.

Это человек, который, с одной стороны, вызывает недоумение, некий шок, а с другой — уважение и интерес.

За все время своего бандитизма, с 1900 г. и до момента, когда его освободила революция, он не убил ни одного человека. Он сам всячески препятствовал такого рода действиям и, как мог, старался их предотвратить. И при всем том — это человек совершенно индивидуальной актерской природы…

Ну и надо учитывать, что человек встал на этот путь волею судьбы — это не был его свободный выбор.

Это, скорее всего, было стечение обстоятельств. Он был слаб по отношению к женщинам. Но при этом любил по-настоящему только одну.

Вся его преступная деятельность — это не то, чего он хотел и о чем мечтал. Он хотел заниматься сельским хозяйством, был прекрасным управляющим, но встал именно на путь разбоя. А началось с того, что, не удержавшись, завел роман с женой помещика, у которого работал управляющим. И эта женщина его приревновала к другой — и обвинила в воровстве драгоценностей. Его жестоко избили и связанного выкинули в лес. После чего Котовский решил «поправить ситуацию» и сжег поместье дотла. Этот факт явился началом его криминальной истории. С этого началась его бандитская жизнь».

Примечательно, что в далекие советские времена биографы Котовского, возможно, в чем-то приукрашивали жизнь своего героя. Наши с вами современники довольно легко «разоблачают» Григория Ивановича в преступлениях. Словом, у каждого из них была и есть своя правда, да вот истина находится где-то посредине.

3

Однажды в разговоре со своей женой Григорий Иванович сказал: «Моим героем с юности был Дубровский». И в этом нет ничего удивительного. Войти в этот образ помогла Котовскому первая русская революция. Ирония по этому поводу нынешних историков-«разоблачителей» так и останется иронией. Ибо невозможно понимание прошлого исключительно с современной колокольни.

В июне 1905-го Котовский нелегально возвращается на родину, в Бессарабию. Беспорядки с погромами помещичьих усадеб пришли и сюда. Одни местные крестьяне вели разговоры о самовольной запашке земель помещиков, другие просто приступили к самовольной порубке леса. За это их, безусловно,

наказывали, и порой жестоко. Именно в это время Григорий Иванович собирает группу крестьян, куда вошли около десяти человек: Маноля Гуцуляк и Прокопий Демьянишин из села Трушены, Игнатий Пушкарев и Захарий Гроссу из села Бужоры и другие. Известно, например, что Игнатий Пушкарев уже успел отсидеть «за участие в аграрных беспорядках». Другие также были отобраны Котовским не «за красивые глаза».

Наш современник историк Савченко в своем разоблачении Котовского едва ли сдерживается от сарказма: «Отряд налетчиков Гриши Котовского — «атамана Адского» — базировался в Бардарском лесу, который находился у родных Ганчешт и Кишинева. Образцом для подражания атаман избрал легендарного молдавского разбойника XIX века Васыля Чумака. Уже 1 декабря 1905 года на большой дороге между Кишиневом и Оргеевом отряд Котовского конфискует деньги и ценности у дворянина Дудниченко, затем у купца Когана. Через двенадцать дней Котовский со своей группой в Бардарском лесу конфискует деньги у ганчештских купцов, а 22 декабря на дороге на Кишинев экспроприировал деньги у шестерых помещиков и купцов. Всего в декабре (время наибольшей разрухи в Российском государстве, локальных вооруженных восстаний в городах и селах) «котовцы» провели двенадцать нападений на купцов, царских чиновников, помещиков (в том числе на кишиневскую квартиру Семиградова).

В декабре 1905 года, когда Котовский грабил на больших дорогах, в соседнем городке Комрат восстали крестьяне и ремесленники. Они обезоружили и арестовали представителей местных органов власти и десять дней обороняли «Комратскую республику трудящихся». Но отряд Котовского и не думал помогать революционерам, хотя находился в нескольких десятках километров от этих событий. У Котовского были иные цели и задачи… Хотя рассказывают, что Котовский называл свою группу «черноморцами», якобы проводя какие-то аналогии с восстанием на броненосце «Потемкин».

С января 1906 года в банде Котовского уже 15–18 хорошо вооруженных человек, многие из которых действуют на конях. Оружие было захвачено у исправника, который вез винтовки в Оргеев в отделение полиции.

Штаб-квартира банды переместилась в Иванчевский лес на околицах Кишинева. Для Бессарабии это было крупное бандитское формирование, что могло соперничать с самой влиятельной там бандой Бужора, насчитывавшей до сорока бандитов.

Январь следующего года был также не по-зимнему «жарким». Начался он нападением первого января на купца Гершковича в

Ганчештах. Однако сын купца выбежал из дома и поднял крик, на который сбежались полиция и соседи. Отстреливаясь, «котовцы» едва смогли унести ноги. 6–7 января банда совершила 11 вооруженных ограблений. Всего с 1 января по 16 февраля 1906 года было совершено 28 ограблений. Случалось, что за один день ограблению подвергались три квартиры или четыре экипажа. Известно нападение Котовского на имение своего бывшего благодетеля, которым владел, после смерти Манук-бея, помещик Назаров. В начале 1906 года за поимку уголовного авторитета Котовского полиция объявила премию в две тысячи рублей. Газеты «Бессарабская жизнь», «Бессарабец», «Друг» смаковали налеты Котовского, изображая его как атамана бандитской шайки, что отличалось крайней смелостью и строгой дисциплиной. Уже тогда, в 1905–1906 годах, «ковалась» легенда о «благородном разбойнике» Котовском».

Говорят, полиция очень долго не могла выяснить имя того, кто возглавляет некую банду разбойников, неожиданно объявившуюся на дорогах Бессарабии. Однако ее предводителя уже тогда называли «опытным и ловким начальником».

«Он появлялся всегда неожиданно, — констатировал Шмерлинг. — Когда Котовского ждали ночью, он появлялся на заре. Его искали в Бардарском лесу, по Ганчештской дороге — он же в это время выслеживал банкира в Кишиневе.

Котовский подобрал себе людей, каждый из которых действовал за десятерых. (…)

Котовский был непреклонен в своих требованиях к богачам. Он всегда знал, кому предъявить счет. Испуганным помещикам, торговцам и ростовщикам он говорил в лицо едкие, правдивые слова об их жадности и жестокости.

«Когда мои соучастники делали обыск у Сериогла, я все время стоял у дверей Сериогла, разговаривал с ним, говорил, что он сам вышел из бедных людей, а между тем обижает таких же бедняков, служащих у него» (из протокола допроса обвиняемого Г. И. Котовского от 26 февраля 1906 года. Смотритель Костюженской больницы Сериогла отличался злоупотреблениями по службе и жестоким обращением с подчиненными).

Котовский часто читал в газетах, как хроникеры искажали правду о его действиях. Ему приходилось даже посылать свои опровержения в газету «Бессарабская жизнь». Нередко приписывали ему поступки, которых он не совершал. Казнокрады пытались скрыть свои преступления, сваливая их на Котовского. Но он каждый раз находил пути призвать таких людей к ответу.

Котовский всегда интересовался тем, как разные слои общества реагируют на его действия. Он знал, что слухи о каждом

его поступке, как эхо, разносятся по Бессарабии. Бедняки обращались к нему со своими нуждами; многие искали случая передать ему жалобу на кулака-мироеда, на судью-взяточника, на доносчика. Часто приходилось ему менять свою черную сатиновую рубаху на смокинг, барашковую шапку — на цилиндр или котелок, а высокие охотничьи сапоги — на лакированные туфли. Не только он, но и его дружинники пользовались гримом. Котовский переодевался до неузнаваемости. Когда требовали обстоятельства, он мог выдавать себя то за купца, то за дипломата, то за приехавшего иностранца. Он вынужден был исполнять самые различные роли. Чтобы не выдать себя, он изменял голос, всячески стараясь скрыть свое заикание, становившееся особо заметным, когда он волновался. На собственном выезде, важно восседая в фаэтоне, появлялся Котовский в Кишиневе, останавливался в перворазрядных гостиницах, покупал первые места в театрах, посещал кондитерские и рестораны. Разодетым барином он прогуливался по кишиневским улицам, ожидая встречи с нужными ему людьми. Иногда же под видом бродячего музыканта или точильщика входил за ограду богатых особняков. В его «гардеробе» имелись также мундир городового и монашеская ряса.

Эти маскарады требовали от Котовского особой настороженности и напряжения. Оказавшись в доме богача, он в нужный момент медленно снимал со своих рук лайковые перчатки, а потом тихо, но внятно произносил: «Я — Котовский». Эти слова действовали сильнее всяких угроз.

Исправники, приставы и следователи уже давно вели «дело» Котовского. Папки распухали от разных свидетельских показаний, заявлений «потерпевших» и самых неправдоподобных донесений агентов. Но и Григорий Котовский также вел «учет». У него всегда была под руками небольшая книжечка, куда он записывал суммы, которые он отбирал у богачей и раздавал неимущим».

4

Как-то сына Котовского, Григория Григорьевича, напрямик спросили о разбойничьей деятельности отца, которая, мол, подпадает под уголовную категорию. Он ответил категорически: «Никогда не соглашусь. Предположим, отец и в самом деле был просто уголовником. Но как тогда объяснить такой факт: после того как он бежал с каторги из Сибири в Россию, он устроился управляющим крупного имения по подложным документам. Казалось бы, получил хорошее место с хорошим жалованьем.

Блестяще справлялся со своими обязанностями. Что еще нужно? Но отец вновь начинает грабить богатых. Почему? Что, он уголовник по своему психофизическому состоянию? Конечно, рядом с ним были настоящие одесские бандюги, которые после грабежа получали свою часть (попробовал бы отец с ними не поделиться!). Но свою часть награбленного раздавал окрестным жителям и часть средств переправлял в Бессарабию. Значит, он действительно грабил по идейным соображениям и был своего рода Робин Гудом XX столетия. Это была «экспроприация экспроприаторов». Помнится, в 1940 году, когда состоялось воссоединение Бессарабии с Россией, органы НКВД устроили нам с мамой и сестрой поездку в Бессарабию, сперва в Кишинев, а потом в местечко Ганчешты, где родился и провел детство отец. Мы приехали как раз на торжества открытия первого в Молдавии памятника отцу работы скульптора Б. Н. Иванова. Этот памятник был просто отлит из бетона. (…) Все знали, что приедет семья Котовских. В старом «ЗИСе» мы подъехали к центральной площади Ганчешты. Сейчас это уже процветающий городок, в то время типичное захолустное румынское село. Ко мне подошли несколько местных стариков, стали целовать мне руки, говорили: «Мне ваш отец лошадь дал, забрал у богатых…, а мне корову…» и т. д. Эти старики были живыми свидетелями деятельности отца в 1915–1916 годах. Но главное не это, а жизнь отца после Революции. Если бы Котовский действительно был человеком с уголовными наклонностями, то и после Революции он продолжал бы грабить для собственного обогащения. Но Котовский был уникумом, человеком, у которого вообще не было личной собственности».

В контексте сказанного не менее важно и свидетельство Шмерлинга, которое он не мог просто «высосать из пальца»: «В Кишиневе, в Оргееве, в Бельцах и ганчештской школе Бабенко помнят о том, как неимущие студенты-бессарабцы в 1905–1906 годах ежемесячно получали пакеты с деньгами от неизвестного. Этим «неизвестным» был Григорий Котовский. Жительница Кишинева Рахиль Лукмер вспоминает, как Котовский помог ей деньгами, когда она осталась с маленькими детьми без средств к существованию. Возчик Дубоссарский рассказывает, как однажды зимой в сильную вьюгу он вез несколько женщин в город. Котовский остановил подводу и спросил:

— Куда вы в такую вьюгу?

— За пенсией, — услышал он в ответ.

— А сколько вам получать этой пенсии?

— Пять рублей.

Котовский тут же достал деньги и наделил ими удивленных

женщин, которые не знали, как его благодарить, а возчику Дубоссарскому приказал повернуть подводу и развезти женщин по домам.

…Крестьянка Наталия Лясковская тоже не забыла свою встречу с Котовским.

— Я и мой муж работали в то время у помещика Сарацика, — вспоминает Лясковская. — Мой муж Игнат — садовником, я — прислугой в доме. Как-то помещик получил письмо и сообщил нам, что ждет к себе именитых гостей. Весь дом был поднят на ноги: чистили, варили, пекли. На другой день вечером подъехали два фаэтона с разодетыми «господами». Вошли в дом. Помещик, кланяясь, пригласил всех в столовую. Сели ужинать. А я как раз прислуживала за столом. Только начался ужин, вдруг я вижу, Сарацик, сильно побледнев, поднялся и вышел, пошатываясь, с одним из гостей, высоким и здоровым мужчиной, в свой кабинет. Скоро они вернулись. Гость этот был Котовский. Уходя, он сказал помещику: «Если вы и дальше будете мучить народ, я пущу вас по миру». Григорий Иванович с своими людьми направился к выходу. В передней он увидел меня и подозвал к себе. «Я знаю, что ты и муж твой люди бедные, — сказал мне Котовский. — Вот вам немного денег, купите корову, лошадь, заведите себе хозяйство. Бери, не бойся». Он протянул мне несколько бумажек. Я хотела их взять, но в это время показался помещик, и я, испугавшись его, отказалась от денег, хотя они нам были очень нужны. Котовский уехал, но через два дня к нам пришел какой-то неизвестный человек. Разыскал моего мужа и вручил ему конверт, в котором было тридцать рублей.

Котовский давал беднякам деньги на покупку волов, батраку помогал справить свадьбу, погорельцу — построить хату. Не забывал он и о своих давнишних «знакомых», которых запомнил с детства. Ганчештский богач Гершкович во время неурожайного года без зазрения совести грабил и разорял крестьян. Котовский нашел способ предупредить Гершковича, что, если он будет и дальше грабить бедных, все его добро будет сожжено. Вспомнил Котовский и о Семиградове, которого когда-то просил об устройстве на работу. Угроза Котовского подействовала на столбового дворянина, и ему пришлось отдать крупную сумму денег для раздачи беднякам. Не забыл Котовский и разбогатевшего Артема Назарова, который взял в аренду ганчештский винокуренный завод и другие угодья Манук-Бея».

По утверждению писателя Ананьева, «политический характер борьбы отряда Г. И. Котовского вынуждены были признать даже чиновники Кишиневского окружного суда и департамента полиции. Когда Григорий Иванович бежал из кишиневской

тюрьмы, департамент полиции в секретной телеграмме сообщал: «Бежал опасный политический преступник»».

Оглядываясь в то далекое прошлое, трудно не заметить, что мы не только безжалостно отреклись от него, мы не только стали высмеивать героев той эпохи, но мы уже не хотим знать и правды, а уж тем более правдиво разобраться в доставшихся нам в наследство исторических нагромождениях. Проще высмеять то, что когда-то хвалили, лишь потому, что это было тогда, в «совке». Но не слишком ли это подло по отношению к нашим предкам? Да, они были недовольны многим, но не все они мазали черной краской. В их жизни были свои идеалы, свои понятия добра и зла. И это при том, что тогда людей духовно чистых было превеликое множество…

5

Полиция очень долго не могла взять неуловимого Котовского, но, как говорится, и «на старуху бывает проруха». «Однажды помощник пристава 3 участка Зильберг узнал, где скрывался Котовский, — читаем у Шмерлинга. — Но он не успел донести об этом, так как сам был арестован Котовским. Зильберт молил о пощаде, обещая быть полезным. Котовский отпустил его.

Зильберг и другие лица предупреждали Котовского о засадах и других мерах, предпринимавшихся полицией. Выслуживаясь же перед начальством, Зильберг сообщал полицмейстеру якобы полученные им агентурные сведения о том, кого готовится «посетить» Котовский. Но сообщал каждый раз так, чтобы Котовский смог вовремя исчезнуть. Полиция прибывала на место происшествия с опозданием. Котовский дразнил и водил за нос своих врагов».

Теперь он уже был уверен в своих «помощниках и информаторах», но, как известно, жадность не имеет границ. Все тот Зильберг и продал Котовского. Продал, естественно, выгодно…

«Зная одну из конспиративных квартир партизанского отряда (на улице Куприяновской, в доме 9), Зильберг долго держал ее под постоянным наблюдением. И вот 18 февраля 1906 года Котовский появился в этой квартире. Дом тут же оцепили, но ворваться побоялись. Ждали, когда Котовский выйдет на улицу.

Не подозревая измены, Котовский собирался в лес, к своему отряду. Он натянул ботфорты, надел мягкую куртку, шляпу и вышел на крыльцо. Тут его и схватили.

Сопротивляться было бесполезно. Вмиг с ним бы

расправились. (…)

Полицейские перевернули в доме все. Но, увы, улик в их руках оказалось весьма немного: денег 4 рубля 25 копеек, свисток, маска и записная книжка.

В тот же день в доме на Киевской улице были арестованы и закованы в кандалы Прокопий Демянишин и Игнатий Пушкарев, а через несколько дней задержали и других членов отрада. Арестовали и хозяев конспиративных квартир отряда Ирину Бессараб и Акулину Жосаи.

Зильберг получил солидное вознаграждение — 1000 рублей».

Что касается той полиции, то, как верно подмечает А. Иконников-Галицкий, «хотя Российскую империю принято называть «полицейским государством», собственно силы охраны правопорядка в ней были немногочисленны, их структура разобщена, а управление ими раздроблено. Их ядро, так называемая общая, то есть неспециализированная, полиция находилась в двойном подчинении. На местах ею руководили губернаторы, из центра управляло Министерство внутренних дел». Кому, как не губернатору, про «свою полицию» было известно если не все, то очень многое.

Например, вот что вспоминает бессарабский губернатор князь С. Д. Урусов: «Мне пришлось, на первых же порах, обратить серьезное внимание на местную полицию, городскую и уездную. Вскоре оказалось, что состав ее, в отношении способностей и деловитости отдельных полицейских чинов, весьма удовлетворителен, что особенно стало заметно в городе Кишиневе после того, как руководство городской полицией принял на себя приглашенный мною, бывший когда-то полицмейстером в Риге, полковник Рейхарт, опытный и дельный исполнитель. Из пяти городских приставов — двое положительно выдавались, двое были вполне удовлетворительны, и только одного пришлось удалить за слишком бесцеремонное взяточничество.

Раз речь зашла о незаконных поборах, приходится на этом вопросе остановиться. Как раз я, при содействии одного из членов прокурорского надзора, знатока края, попробовал вычислить поддающуюся примерному учету часть поборов, производимых полицией по губернии. Вышло значительно более миллиона рублей в год. Чтобы несколько реабилитировать бессарабскую полицию в глазах наивных людей, которым когда-нибудь придется читать эти строки, я упомяну, что петербургская полиция, по самому тщательному дознанию знатока дела, служившего в градоначальстве, получает до 6-ти миллионов рублей в год одних подписных денег, т. е. таких, которые даются

не за нарушение закона или злоупотребления по службе, а просто за то, что существуют обыватели-домовладельцы, лавочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Поборы за нарушение законов, в интересах дающих, здесь в расчет не приняты, ввиду невозможности их учесть.

Итак, я скоро убедился, что взятка среди бессарабской полиции, за малыми исключениями, играет большую роль. В этом убедиться было нетрудно, глядя на то, как становые пристава разъезжают четверками, в рессорных колясках, ездят в первом классе по железным дорогам, приобретают дома и участки земель и проигрывают в карты сотни, а иногда и тысячи рублей. Нетрудно было узнать и об источнике их доходов. В развращении полиции оказались виновными все те же злополучные евреи — язва Бессарабии. (…)

Однажды я решил зайти в управление пристава одного из участков г. Кишинева, чтобы ознакомиться с его делопроизводством. Я прежде всего обратил внимание на помещение канцелярии, очень просторное и даже комфортабельное, уставленное столами, за которыми, несмотря на поздний час, занималось 6 человек. Я спросил каждого из них о размере содержания, получаемого ими, и выяснил следующие цифры. Старший делопроизводитель получал 600 р. в год, двое других — по 480 руб., и три писца вместе стоили 660 руб. На канцелярские расходы выходило, по словам пристава, от 200 до 300 руб. ежегодно. Составлялась цифра в 2300–2400 руб., тогда как все содержание пристава, с расходом на канцелярию, не превышало двух с половиной тысяч в год. Мне оставалось только посмотреть книги и движение дел, тщательно обойдя вопрос о том, на какие средства живет сам пристав.

Другой случай касался уездной полиции. Место пристава в Новоселицах, на границе Австрии, считалось первым в губернии, так как приносило занимавшему его лицу, по общим отзывам, до 15 тысяч рублей в год. Такая цифра всем колола глаза, и я счел необходимым назначить ревизию делопроизводства этого стана. При этом обнаружилось, между прочим, такое явление. Одному из новоселицких евреев было сдано приставом право торговли билетами, на основании которых жители пограничной полосы переходили границу по своим торговым и другим делам. Желающий взять такое удостоверение являлся к арендатору и получал от него талон, по которому в канцелярии пристава бесплатно и беспрекословно выдавался билет, а арендатор, взамен такой привилегии, содержал на свои средства всю канцелярию стана. Пристава я уволил и назначил на его место другого, но вскоре убедился в том, что незаконные поборы

продолжаются в другой форме. Тогда я выписал из одной великорусской губернии человека вполне надежного и убедил его взять место новоселицкого пристава, обещав ему повышение, как только он поставит дело, как следует. Через месяц новый пристав заявил просьбу об увольнении его в отставку, так как, при всем желании, он не мог обходиться своим содержанием. Ему не только не хватало средств на прожитие, но он принужден был запускать дела, так как содержание канцелярии, сокращенной им наполовину, поглощало все отпускаемые ему средства».

Что же касается сыска, или, как теперь говорят, розыска, то при последнем царе он находился в очень плачевном состоянии. Ежегодно в те времена до 31 % всех следствий по уголовным делам прекращались из-за низкого уровня розыскной работы, проводившейся полицией. Поэтому летом 1908 года Николай II подписал закон «Об организации сыскной части». Согласно этому документу, в составе полицейских управлений губернских и других крупных городов создавались «сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общественного характера…» Но только через два года была установлена структура сыскных отделений. Это всего четыре подразделения так называемых столов: личного задержания; розысков; наблюдения; справочного регистрационного бюро.

Словом, из-за коррупции и плохо организованного сыска полиции очень непросто было ловить Григория Ивановича Котовского. Немудрено, что он прекрасно знал об этих ее недостатках и умело этим пользовался. По этой причине он долго оставался неуловимым, но все же был пойман.

6

С первого дня Котовский занимается организацией своего первого побега из тюрьмы. Семнадцать арестантов должны были разоружить охрану. Затем по телефону они собирались вызвать полицмейстера, товарища прокурора и конвойную команду, чтобы взять их в качестве заложников. Далее планировалась инсценировка отправки по этапу всех арестантов в Одессу. Но план в самый разгар своего воплощения рухнул. Если надзирателей и охрану обезоружить удалось, то дальше началась стихия: некоторые заключенные по приставленным доскам к стене стали выбираться на волю, отчего поднялся невообразимый шум. Вскоре всех уже ожидали рота солдат и отряд конной полиции. Не удалось убежать и Котовскому. Произошло это 4 мая 1906 года.

О следующей подготовке побега сообщалось в газете «Бессарабская жизнь» буквально через два месяца — 1 июля 1906 года: «Третьего дня в местном тюремном замке, в камере, где содержатся участники нашумевшей в нашем городе шайки Котовского и другие серьезные арестанты, закованные в кандалы, и.о. начальника тюрьмы господин Бобелло обнаружил подкоп. Из ватер-клозета, примыкающего к этой камере, подрыта была стена и сделан подкоп под фундамент тюрьмы, с тем, чтобы пробить выход на Сенную площадь. На месте подкопа найдены стамески, лопаты, ломы и др. инструменты». После этого Григория Ивановича помещают в одиночку на верхнем этаже башни с шестиэтажный дом. У камеры, где сидел опасный арестант, постоянно находился часовой. Дополнительный пост был установлен и на входе в эту башню. Несмотря на принятые меры, Котовскому удается бежать 31 августа 1906 года. То есть снова через два месяца.

В официальных документах обстоятельства побега выглядят фантастически. Сначала знаменитый узник проник из своей камеры в коридор, будто бы сломав скобы у двери. Из тюремного коридора он пробрался на чердак башни. Оттуда по веревке через окно спустился во внутренний двор тюрьмы. Из второго тюремного двора он прошел через ворота, где находился пост надзирателей, во двор мастерских, откуда при помощи доски, ловко приставленной к ограде, перелез через нее на улицу. Причем только утром при очередном обходе стражник заметил, что из чердака над камерой Котовского свешивается веревка, сделанная из разорванного на полосы одеяла. Скоба, на которую закрывалась дверь камеры, была снята. Но самой большой наглостью власти показались оставленные в камере кандалы беглеца.

В полицейской ориентировке указывалось, что рост беглеца два аршина семь вершков (174 сантиметра), плотного телосложения, физически очень развит, несколько сутуловат, имеет походку легкую и скорую. Голова круглая, глаза карие, усы маленькие (может быть без бороды). Под глазами маленькие темные пятна. Волосы редкие и черные, на лбу залысины. Особые отметки: левша и обыкновенно, имея два пистолета, начинает стрелять с левой руки.

Взяли Котовского 24 сентября все того же 1906 года: «23 сентября Григорий Иванович нашел приют на квартире сцепщика вагонов Михаила Романова, жившего близ станции, в доме № 20 по Гончарной улице, — рассказывается у Шмерлинга. — Ермичей узнал о том, что Котовский скрывается у Романова, и донес об этом Хаджи-Коли.

Хаджи-Коли и приставы других участков Македон и Чубаров, с усиленным нарядом стражников и целой ватагой околоточных и городовых, окружили дом Романова. Котовский сидел на кухне и беседовал с хозяином. Увидев приближение полиции, Григорий Иванович спрыгнул через окно во двор соседнего дома, перебрался через забор и… столкнулся с полицейскими, сидевшими в засаде в Остаповском переулке. На этот раз ему пришлось сдаться без сопротивления. (…)

Пристав Хаджи-Коли снова торжествовал. Он лично надел Котовскому ручные кандалы; при обыске отобрал у него револьвер с двумя обоймами и сам проводил до дверей пустовавшей камеры».

26 сентября «Бессарабская жизнь» сообщала свежие новости про Котовского: «Вчера пристав второго участка произвел в тюрьме допрос Котовского, с целью выяснить обстоятельства побега. На все вопросы Котовский отказывается отвечать, заявив только, что побег им подготовлялся давно. Каким образом он его совершил — сказать отказался. Между прочим, он сообщил, что уехать из Кишинева ему мешали раны, но через два-три дня он должен был получить паспорт и выехать из Кишинева. О надзирателях Иванове и Топалове, подозреваемых в содействии его побегу и по распоряжению судебной власти заключенных в тюрьму, Котовский отказывается неведением».

В новом донесении полиции о Котовском сообщалось: «Котовский прекрасно говорит по-русски, по-румынски, по-еврейски, а равно может объясниться на немецком и чуть ли не на французском языках. Производит впечатление интеллигентного человека, умного и энергичного… В обращении старается быть со всеми изящен, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех, имеющих с ним дело».

К слову сказать, Григорию Ивановичу было всего 25 лет…

В апреле 1907 года в Кишиневском окружном суде начался процесс над Котовским и его сообщниками. Утверждают, что суд присяжных колебался, и все же большинством голосов наш герой получил десять лет каторги. Прокуратура этот приговор посчитала мягким, и осенью 1907-го дело Котовского слушалось повторно. В результате ему добавили еще два года каторги за освобождение арестованных крестьян.

«Бессарабская жизнь» информировала обывателя и во время второго процесса: «В судебном заседании Котовский не отрицал самого факта освобождения им арестантов, но не признавал себя виновным, находя, что в поступке его нет ничего преступного. Котовский защищал себя лично и старался открыть перед присяжными заседателями свои политические воззрения на

общественный строй и угнетение низших слоев общества. Председательствующий А. Попов остановил Котовского, просил говорить лишь «по существу дела». Тот издевался над судьей: «Хотел бы я знать, за какое преступление вы заковываете людей в цепи? Вы говорите, что они нарушили закон, но кто писал эти тиранические законы? Как вы докажете, что лес, который рубили крестьяне, принадлежит помещику? А где он взял этот лес, помещик? Он что, с ним родился? Вы заковываете в цепи голодных людей потому, что они хотят есть и кормить своих детей. Не меня надо судить, а вас. Я смотрю на вас с презрением, так как не признаю ваших законов. Мне каторга не страшна»».

В феврале 1908 года Григория Ивановича в отдельном арестантском вагоне отправили в Николаев, где находилась особая тюрьма… Его посадили в одиночку, откуда убежать было невозможно. Но и здесь Котовский находит весьма своеобразный способ… Он пишет о том, как полицейские чины, и прежде всего Зильберг, брали от него взятки. Более того, на первом же допросе он отказывается давать показания без проведения очных ставок. И таким образом возвращается в Кишинев, затягивая новое дело. Он снова собирался бежать…

Товарищи Котовского, безусловно, подтвердили, как Зильберг за свои услуги брал деньги и вещи, отобранные у помещиков и коммерсантов. Примечательно, что и пристав Хаджи-Коли также поддержал обвинения против своего коллеги. А подтверждать было что. Например, только при обыске у Зильберга на квартире был обнаружен ковер, принадлежавший помещику Крупенскому, подаренный самим шахом. Этот ковер Котовский презентовал полицейскому за его услуги. В общем, доказательств оказалось в избытке, и Зильберг вместе с помощником пристава и околоточным надзирателем получили по 4 года каторги. Но побег на этот раз совершить не удалось…

Одно из свидетельств тюремной жизни Котовского оставил журналист Горожанин в газете «Бессарабская жизнь» за 1916 год: «С начала февраля до конца марта 1908 года мне ежедневно приходилось видеться с Котовским, и он вовсе не производил впечатления хвастливого болтуна, готового порисоваться своими подвигами. И меня теперь удивляет то, что я читаю о нем в газетах. В упомянутое выше время отбывала в местной тюрьме большая группа «крепостников», и на мою долю выпало два месяца и семь дней по 2-й части 132-й статьи. Котовский тогда после ряда громких похождений осужден был в каторгу и арестован в местной тюрьме до высылки в Николаевскую каторжную тюрьму. Вот тут-то мне и пришлось с ним сталкиваться, и я должен признать, что он не только нас,

«политиков», но и на административных производил впечатление очень серьезного и настойчивого человека, из которого при благоприятных условиях жизни выработался бы полезный член общества. Режим тогда при начальнике Фронкцевиче был такой, что мы в шутку называли тюрьму «гостиницей первого класса». И как раз именно при таком мягком управлении в тюрьме не было никаких происшествий, а была, что называется, «тишь, гладь и Божья благодать». После вступления приговора в законную силу Котовского заковали было в ножные железа, но он их тут же на глазах начальника снял, причем заявил, что не причинит ему неприятностей по службе, что от Фронцкевича он не убежит. И слово свое сдержал честно. Находясь в предварительном заключении по обвинению его в «подлоге доверия», Котовский свел обширные знакомства с преступным миром…»

Глава четвертая
Ожидание смерти

1

По мнению А. Иконникова-Галицкого, автора книги «Криминальный Петербург», «ни Петербург, ни Россия не знали тогда, что такое организованная преступность. В юридическом языке того времени термин «бандитизм» просто отсутствует». Далее, используя сухие цифры статистики, автор делает следующий вывод: «Итак, именно мелкая преступность, создающая общий мутный криминогенный фон, росла в эти годы наиболее угрожающими темпами. (…)

Количество убийств в первое пореформенное время не возрастает. Но зато стремительно растет количество преступлений против собственности и количество преступлений, связанных с неуправляемой агрессией. Российское общество становится все более агрессивным; все меньше ценятся в нем принципы неприкосновенности личности и имущества; рушатся устои общественной нравственности. Происходит явная раскачка общества изнутри. И в итоге — мы видим поистине устрашающие цифры 1909–1913 годов. С учетом роста населения (почти в три раза с 1846 по 1913 год) можно сделать выводы: ценность человеческой жизни уменьшилась втрое, сексуальная агрессия возросла в восемь раз, агрессия против личности — почти в девять раз, захват чужой собственности с применением насилия стал в пятнадцать раз более распространенным явлением. Совершенно понятно, почему за этим последовал 1917 год и 1918-й, революция и Гражданская война. Бандитизм, красный террор и экспроприации».

Что же касается Григория Ивановича, то его преступления, безусловно, относятся к преступлениям против собственности. Однако он и его соратники никого не убивали. И это очень важно в понимании личности Котовского. Более того, все, что он экспроприировал у помещиков и купцов, было лишь толикой в их богатстве. И еще один упрямый аргумент в пользу нашего героя. Крестьяне всегда оказывали отряду Котовского помощь, укрывали его от жандармов, снабжали продуктами, одеждой и оружием. Что и говорить, если про него слагали песни и поговорки, как про

своего защитника. Ведь во главе своего отрада Григорий Иванович совершал не просто разбойничьи набеги. Он жег имения жестоких и скупых хозяев, уничтожал долговые расписки. Он грабил наиболее богатых купцов и помещиков, постепенно сбегающих от его налетов в Кишинев.

Слава Котовского постепенно обошла весь юг Российской империи, в городе Одессе в народе нередко распевали куплеты:

Разбил он банк и шарабан.
Кафешантан и ресторан,
И напоил вином крестьян,
Таков наш Адский атаман.

Народ неспроста называл Григория Ивановича и «последним гайдуком», и «Адским атаманом». Слово «гайдук» происходит от венгров и означает «погонщик скота». Гайдуками называли отрады разбойников в Венгрии, румынских княжествах Молдова и Валахия, а также в славянских землях Балканского полуострова. Что же касается «адского атамана», то, как известно, «атаман» — от тюркского — руководитель нерегулярного, независимого от государственной власти военного отряда (группы), разбойничьей шайки. А «ад» звучит как посмертное место наказания грешника. К слову сказать, народное мнение того времени не учитывать сегодня нельзя. Для этого нужно хотя бы примитивно знать положение дел в царской России.

Есть и еще один немаловажный аспект в биографии Котовского… Его, так сказать, воровской авторитет. Вот как об этом рассказывает Б. Соколов: «В тюрьме у Котовского вышел конфликт с одним из местных уголовных авторитетов — греком Загари, установившим там свои порядки. Дошло до рукопашной. Котовский ударом правой в челюсть отправил противника в нокдаун. Когда Загари поднялся, то достал нож. Но броситься на Котовского не успел. Соратник Григория Ивановича Григорий Меламут треснул авторитета булыжником по голове. Друзья Загари тоже взялись за булыжники. Завязалась схватка стенка на стенку. Драку долго не могли прекратить. Пришлось вызывать стражу. В ходе драки из шайки Загари погиб фальшивомонетчик Попу, а из шайки Котовского — налетчик Гроссу. А вот раненых и покалеченных среди сторонников Загари оказалось гораздо больше. После этого авторитет Котовского в тюрьме стал безоговорочным».

Чтобы было немного понятно, о чем идет речь, поясним: в местах заключения еще с XIX века большим авторитетом пользовались преступники, обладающие физической силой.

Именно умение постоять за себя, а порой и дать весьма решительный отпор уже тогда стало критерием, по которому оценивалась та самая истинность авторитета, полученного им на воле. И Котовский с этим испытанием справился достаточно успешно. Правда, есть одно маленькое «но». Когда в конце XIX — начале XX века были, так сказать, заложены основы «воровского закона», то Григорий Иванович по своему «ремеслу» никак не входил в криминальную иерархию того времени (бродяги-попрошайки, грабители и убийцы, воры с широченным спектром специальностей, мошенники и фальшивомонетчики). Поэтому его авторитет вряд ли можно назвать в прямом смысле «воровским». Это было нечто другое, как, впрочем, и его криминальная жизнь.

Вот только «ударом правой» — не про Котовского. Как известно, Григорий Иванович был левша.

2

После совершения суда над Зильбергом Котовского этапировали в Смоленск, там он просидел в ожидании отправки на каторгу. Авторы книги «Смоленские застенки» М. Хейсин и Н. Нестеров Григорию Котовскому посвятили целую главу, в которой есть и такие любопытные строки: «Можно с полной уверенностью сказать, что в Смоленской каторжной тюрьме за всю ее историю не было более знаменитого узника».

Итак, в марте 1910 года Котовского поместили в Смоленскую временную каторжную тюрьму. Среди сопровождавших его документов находился, опять-таки, его портрет, отличающийся от общепринятого: «Рост 2 аршина 65 вершков, телосложение крепкое, волосы русые, рыжеватая борода, усы стриженые, глаза продолговатые, карие, цвет лица матовый, чистое. Особые приметы: у правого крыла носа небольшая бородавка». В личном деле «атамана адского» сохранилась и приписка, сделанная еще в Кишиневе: «Во время содержания в губернской тюрьме поведения был грубого, крайне буйный и вообще был неисправившимся преступником». В тех же документах авторы обнаружили еще одну интересную запись того времени: «Признали виновным в составлении шайки с целью открытого огнестрельным оружием в руках похищения чужого имущества и в совершении грабежей вооруженного типа».

Котовского поместили в одну из камер главного корпуса смоленской тюрьмы, а уже в октябре его переводят в Могилев для следствия по другому делу. В ноябре Григория Ивановича возвращают в Смоленск, но ненадолго. В следующем месяце

руководство тюрьмы получает подозрительную повестку Кишиневского окружного суда по уголовному отделению с требованием о явке каторжника Котовского и каторжника Левченко в суд 4 февраля 1911 года в качестве свидетелей по делу. С этой целью 10 января 1911 года администрация отправляет Котовского в тюрьму города Вельска Бессарабской губернии, а 27 января отправляет на имя начальника Вельской тюрьмы телеграмму: «Во вверенную Вам тюрьму из Смоленска прибудет в распоряжение Кишиневского окружного суда… Котовский… отправленный ошибочно. Запросите разрешение суда об отправлении его обратно в Смоленскую тюрьму». Подозрения администрации Смоленской тюрьмы, видимо, оказались небеспочвенны, и в том же феврале Котовский возвращается. Вполне возможно, что Григорию Ивановичу готовился новый побег, который так и не был осуществлен. Дальнейшее пребывание будущего героя Гражданской войны было вполне спокойным. Он содержался в общей камере № 4 на втором этаже главного корпуса и числился как исправляющийся (находился без оков). Однако в конце марта 1911 года в этой камере, где содержалось 19 человек, произошло ЧП. Каторжные арестанты избили своего сокамерника за данные им в суде свидетельские показания против обвиняемых. Наказаны были все: их подвергли одиночному заключению сроком на 10 суток. Но так как одиночных камер на всех не хватало, администрация оставила каторжников в общей, наложив на них наказание в два месяца ножных оков.

В декабре 1911 года Григория Ивановича этапировали в Сибирь, в распоряжение военного губернатора Забайкальской области, как состоящего на специальном учете и склонного к побегу опасного преступника.

3

Путь нашего героя на каторгу был, естественно, непростым…

Сначала он тянулся по железной дороге, по бескрайним просторам той старой России. Затем от небольшой станции за Иркутском продолжался пешим этапом до Александровского централа. Уже «на месте» каторжане больше всего вели разговоры о том, куда их направят дальше: «В шахты Нерчинской каторги либо на «колесуху», — воспроизводит ту атмосферу Г. Ананьев. — Так заключенные называли строящуюся Амурскую железную дорогу.

В рудниках, как говорили все «бывалые каторжане», намного

лучше. И когда при распределении местом каторжных работ определили Горный Зерентуй, Котовский посчитал, что ему повезло.

Двое суток под привычно-монотонное бряканье кандалов плелись до Иркутска. Там их ждали вагоны с маленькими решетчатыми окнами. А потом торопливый перестук колес, непроглядная темень частых и длинных тоннелей, злобный крик часового: «В окна не смотреть!»

Байкала Котовский так и не увидел. Лишь иногда на затяжном повороте глаз выхватит крутой берег с гладкой, отполированной волной галькой, и тут же сердито, с хрипотцой пробасит охранник:

— От окна!

Вся эта дивная красота не для арестантов. Прогромыхали стыками рельсов версты немереные. Но вот наконец и Чита.

— Выходи! — проносится по вагону.

Гремят кандалы, неторопливо сбиваются в неровный длинный строй заключенные, и вскоре серая, с конвоирами по бокам длинная колонна потянулась через весь город в пересыльную тюрьму. Привыкли здесь к кандальному перезвону».

И снова дорога дальняя, по которой их не выгрузят в Сретенске: «И потянулась серая лента мимо небольшого вокзальчика и длинных приземистых бараков к парому через Шилку. А там уже конвоиры оттесняют ожидавших очереди на паром казаков и казачек с подводами, у многих коровы, овцы, собаки. Недовольство, шум и злобные выкрики:

— У! Каторга!

Вот она, опора царская. Верная, надежная. Ибо не только трон оберегает, а и себя вольготное житье. А что они живут безбедно, сразу видно — добротные дома осанисто стоят на левом берегу, дворы большие, крытые. Торговый ряд тоже солидный. Стоит особняком посреди широкой площади. Множество подвод, лошади под седлом, у коновязи. Пестрый люд снует беспрестанно.

А дальше поля. Не убогие клочки, как в Бессарабии либо в России, а неохватные, безбрежные.

За полями строгая щетина тайги. Через нее лежит утрамбованный натруженными ногами каторжников знаменитый тракт до Нер-завода. (…)

Заводы (так называли здесь бараки для ночлега этапов. — *ГЛ.)* сменялись заводами. Около дюжины их на пути. Последний перед Горным Зерентуем — Нер-завод. Большая станица с двухэтажным торговым рядом, с добротными пятистенниками вокруг него и с покосившимися лачугами на окраинах.

Обычный гвалт, толкотня, даже драки из-за лучшего места на нарах (подальше от двери) — и трудный, в удушливой тесноте сон до рассвета. И снова дорога, однообразно-унылая. Только подъемы стали круче и сопки справа и слева все выше и каменистей, а деревья посолидней. Уже не жалкие тонкоствольные перелески, а настоящий лес с березами и соснами, осанисто разбрасывавшими свои пышные ветки. Начало тайги — немереной, нехоженой.

Вот наконец Горный Зерентуй. Деревушка в три улицы на две лощины, окруженной горами, в центре церковь».

Сначала Григория Ивановича определили на Казаковские золотые прииски, где каторжане добывали золотоносную руду, а в мае 1912-го направили на «колесуху» — строительство Амурской железной дороги. Там он стал бригадиром…

На каторге наш герой не упал духом. Наоборот, стал чаще ходить без шапки и шинели, закаляя свое тело. И все больше занимался силовой системой Анохина. Он собирался жить…

Историк Б. Соколов, констатируя, что «Котовский трудился усердно, о побеге не помышлял и удостоился похвалы от начальства», объясняет это просто: «Подобная кротость и временна я законопослушность «атамана Ада» были вполне объяснимы. Дело в том, что 21 февраля 1913 года в Российской империи отмечали 300-летие правления дома Романовых. По поводу юбилея царствующей династии была объявлена широкая амнистия. И Котовский надеялся попасть под нее. Но его преступления были сочтены слишком тяжкими, и амнистия нашего героя не коснулась. Это печальное известие он получил еще 19 февраля. А уже 27 февраля бежал с каторги».

Однако трудно согласиться с этим доводом. Слишком мало времени Григорий Иванович находился на каторге, слишком за серьезные преступления был наказан, чтобы мог рассчитывать на амнистию. Более того, в его деле всегда фигурировала отметка, что он опасный преступник, склонный к побегу. К нему самому он готовился и здесь… Этим объясняется и его примерное поведение, и кротость. Потому-то он и бежал с каторги уже 27 февраля 1913 года.

Воспользовавшись ситуацией во время работ на «колесухе», бригадир Котовский бросился в лес. Целых 70 километров он шел по тайге. Через несколько километров, пройденных за день, он готовил себе ночлег, собирая сухие ветви и устраивая круг из костров. Путь беглеца занял 14 суток, но он выжил, благодаря своей физической подготовке и огромной воле. Все тело болело от ушибов, струпья покрывали руки и ноги. Все лицо было расцарапано ветвями. Питаясь остатками сахара и снегом,

Григорий Иванович слабел и опухал от голода. Временами появлялись галлюцинации. Уже из последних сил он, шатаясь, вышел к железнодорожному полотну. Беглеца выходил путевой обходчик.

В Благовещенске Григорию Ивановичу на одной из квартир дали паспорт на имя мещанина Рудковского, благодаря которому он умело скрывался, работая то грузчиком на Волге, то на строительстве мельницы, то кочегаром на мельнице, то помощником машиниста, то чернорабочим, то кучером, то разливальщиком и рабочим на пивоваренном заводе, то рабочим на постройке железной дороги. Будучи задержанным в Сызрани, Котовский умудрился сбежать от полиции и там, перекрасив редеющие волосы, надев длинное пальто и шляпу.

Так к осени 1913 года будущий герой Гражданской войны добрался до родной Бессарабии.

4

В Кишиневе Григорий Котовский проживал на «квартире» вора Кициса или в недорогом трактире «Лондон». В его кармане всегда лежал паспорт на имя Рудковского. Чуть позже на имя Гушана. Но, прежде чем вернуться к прежним экспроприациям, Котовскому пришлось некоторое время поработать кочегаром и агрономом. Только потом, когда он собрал семь человек, ему удалось совершить несколько налетов: на помещиков Назарова и Руснака, на казначейство и кассу винокуренного завода. В 1914 году — уже до десяти: в Кишиневе, Тирасполе, Бендерах, Балте. В 1915-м, начале 1916-го — более двадцати, в том числе три в Одессе.

Например, 24 сентября 1915 г. произошло ограбление присяжного поверенного Гольдштейна на две тысячи рублей. Через месяц — ограбление хлебопромышленника Штейнберга на 100 рублей. В ноябре — ограбление коммерсанта Финкельштейна на 300 рублей, а кроме того, забраны шуба и женские украшения. В декабре — ограбление квартир владельца часового магазина Гродбука и мирового судьи Черкеса на 350 рублей, а также квартиры Сокальского на 500 рублей. В одной из полицейских сводок того времени говорилось: «В налетах на квартиры принимало участие 5–7 человек в черных масках с прорезями для глаз. Бандиты являлись вечером и занимали свои места, действовали по указанию главаря. Сам Котовский курсировал по трассе Кишинев — Тирасполь — Одесса».

«В сентябре 1915 года Котовский и его «хлопцы» совершили

налет на одесскую квартиру крупного скотопромышленника Голынтейна, — рассказывает историк В. Савченко. — Вынув револьвер, Котовский предложил купцу внести в «фонд обездоленных на покупку молока десять тысяч рублей, так как многие одесские старушки и младенцы не имеют средств на покупку молока». Арон Гольштейн предложил «на молоко» 500 рублей, однако котовцы усомнились, что в таком богатом доме находится столь малая сумма. Из сейфа и карманов Гольштейна и его гостя барона Штайберга было изъято налетчиками 8838 рублей «на молоко». (…)

Вскоре котовцы ограбили в Одессе владельца магазина готового платья Когана на три тысячи рублей и банкира Финкельштейна на пять тысяч рублей.

1916 год — пик «воровской популярности» Григория Ивановича. Газета «Одесская почта» помещает статью под названием «Легендарный разбойник». Котовского называют «бессарабским Зелем-ханом», «новым Пугачевым или Карлом Моором», «бандитом-романтиком». Он становится героем желтой прессы, «лубочным разбойником», о приключениях которого он мечтал в детстве. Причем героем «справедливым», избегающим убивать во время налетов, грабившим только богатых.

«Одесские новости» писали: «Чем дальше, тем больше выясняется своеобразная личность этого человека. Приходится признать, что название «легендарный» им вполне заслужено. Котовский как бы бравировал своей беззаветной удалью, своей изумительной неустрашимостью… Живя по подложному паспорту, он спокойно разгуливал по улицам Кишинева, просиживал часами на веранде местного кафе «Робин», занимал номер в самом фешенебельной местной гостинице».

Сам Котовский определенно добивался популярности своими «широкими жестами». Несмотря на то что его подручные выходили на «дело» в масках, Котовский маску не надевал, а иногда даже представлялся своей жертве. Интересно, если жертва просила Котовского «не забирать все» или «оставить что-то на хлеб», «атаман Ада» охотно оставлял жертве некоторую сумму. Так, ограбленному Гольштейну оставили 300 рублей, гувернантке Финкильштейна были возвращены дешевые серьги. Слезные просьбы жены ограбленного Черкеса тронули душу атамана, который оставляет женщине большую часть драгоценностей. Самому Черкесу были возвращены забранные во время налета бумаги после того, как грабители поняли их «бесценность».

2 января 1916 года котовцы напали в Одессе на квартиру купца Якова Блюмберга. Под угрозой револьверов пять человек в черных масках предложили тому «дать на революцию 20 тысяч

рублей». Воспользовавшись тем, что бандиты были заняты обыском, жена купца разбила окно вазой и начала звать на помощь.

В панике котовцы открыли стрельбу, ранив жену и дочь купца, шальная пуля прострелила и правую руку бандита «Байстрюка». Грабители бежали, ограничившись сорванными с женщин кольцом с бриллиантом и золотой брошью.

Следующий грабеж 13 января, у одесского врача Бродовского, подробно смакуется газетой «Одесская почта». Этот налет принес бандитам только 40 рублей и золотые часы. Убедившись, что наводчики дали ложную информацию, Котовский успокоил пострадавшего: «Нам дали неверные сведения. Кто это сделал, поплатится жизнью. Я лично убью того, кто навел нас на трудящегося доктора! Мы стараемся не трогать людей, живущих своим трудом. Тем более что вы будете нас лечить»…

20 января в Балте банда ограбила содержателя ссудной кассы Акивисона (около 200 рублей и на 2000 рублей драгоценностей). В конце февраля 1916 года Котовский перенес свою «деятельность» в Винницу.

Больше «трофеев» давали нападения на бессарабских дорогах. В начале 1916 года котовцы захватили трофеев на общую сумму в 1030 рублей. Последний грабеж на большой дороге у Кишинева состоялся 28 мая 1916 года, когда Котовский напал на двух еврейских купцов и обобрал их до нитки».

Как точно подмечает Шмерлинг, Котовский не давал опомниться своим врагам: «Почти ежедневно кто-нибудь из кишиневских богачей получал от него записку с требованием внести по определенному адресу в такой-то день и час указанную сумму. Так он обращался к банкирам, мануфактуристам, спекулянтам, нажившимся на войне. Прежняя популярность помогала ему. Тысячи людей в Бессарабии радовались, что Котовский жив, на свободе и по-прежнему ведет борьбу с богачами. (…)

Котовский действовал так же, как раньше: прибегал к гриму и переодеванию. Не успевала полиция расследовать событие в одном месте, как в Кишинев уже сообщали, что Котовский появился в другом. Он стал прибегать и к массовым инсценировкам. Однажды он заранее предупредил одного мануфактуриста, чтобы тот приготовил крупную сумму денег. Как ни боялся мануфактурист мести Котовского, все же он решил обратиться в полицию. Полиция обещала устроить засаду. Об этом узнал Котовский. Он переоделся и своих людей вырядил в городовых. Затем явился к мануфактуристу и расставил в его доме засаду. Тот обрадовался, пригласил «блюстителей порядка»

за стол и первый свой тост провозгласил за кишиневскую полицию.

Когда были налиты все бокалы, поднялся «представитель жандармского управления»:

— Давайте выпьем за Григория Котовского и его славных, смелых друзей, которые объявили священную борьбу грабителям народа.

Резким движением руки Котовский сорвал приклеенные, молодецки закрученные усы и осушил бокал. Он заставил и мануфактуриста выпить за Котовского, а потом перешел с ним к деловому разговору…»

Писатель Роман Гуль в эмиграции по-своему «прочитал» личность Котовского: «В Котовском была своеобразная смесь терроризма, уголовщины и любви к напряженности струн жизни вообще. Котовский страстно любил жизнь — женщин, музыку, спорт, рысаков. Хоть и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда — в роли богатого, элегантно одетого барина, жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил. В одну из таких поездок в Кишинев Котовский, выдавая себя за херсонского помещика, вписал несколько сильных страниц в криминальный роман своей жизни. Этот господин был прирожденным «шармером», он умел очаровывать людей».

Но написав красиво, литературно, автор книги «Красные маршалы» все же не смог увидеть главного…

5

Когда стало все труднее скрываться от полиции, Котовскому помог случай. Одна из справочных контор сделала объявление, что в имение Стоматова требуется ключник. Григорий Иванович, раздобывший себе новый паспорт на имя оргеевского мещанина Ивана Ромашкина, обратился по адресу…

Иван Ромашкин очень быстро завоевал доверие своего хозяина, и тот, совершенно ничего не подозревая, предложил ключнику исполнять обязанности управляющего с окладом 800 рублей в год. Ромашин согласился.

Имение Стоматова раскинулось на десятки километров и считалось одним из богатых во всем Бендеровском уезде. У помещика работали тысячи батраков. И Григорий Иванович чувствовал там себя в полной безопасности. Днем он честно исполнял свои обязанности, как Ромашин: строго спрашивал со всех, объезжая все уголки имения. А ночью выезжал на свои

«эксы» уже как Котовский. Для посещения Одессы и Кишинева управляющий брал отпуска и отсутствовал по нескольку недель.

Словом, всех все устраивало: и помещика, и его управляющего. Правда, с февраля 1916 года среди членов банды начались провалы. Полиция задерживала то одного, то другого котовца. Сам же «атаман» оставался неуловим. Но к нему приближались…

23 июня газета «Голос Кишинева» опубликовала сообщение, что за поимку Котовского назначено щедрое по тем временам вознаграждение — 2000 рублей. Там же была помещена и фотография разыскиваемого. А буквально на следующий день кто-то явился в полицейское управление в Кишиневе и сообщил, где скрывается Котовский. После получения разрешения на его арест отрад полиции во главе с кишиневским полицмейстером Зайцевым, приставом Гембарским и исправником Хаджи-Коли, выехал на задержание опасного преступника. Случилось это 25 июня 1916 года.

В. Савченко рассказывает: «Хутор был окружен тридцатью полицейскими и жандармами. Полицейские, переодетые в крестьян, устроили засаду на Котовского в экономии. Но Котовский почувствовал, что под личиной крестьян прячутся полицейские, и галопом пытался ускакать на коне из экономии. На своем пути он наткнулся на конный отрад полицейских. Преследователи гнались за Котовским 12 верст… Поняв, что он окружен, а конь под ним обессилен, Котовский пытался спрятаться в высоких ячменных полях. Но полицейские решили прочесать поле. Когда они уже были близко, Котовский встал с поднятыми руками. Но по безоружному атаману они сделали два выстрела. Стрелял Зайцев из нагана. Котовский упал, обливаясь кровью, но рана в грудь оказалась не смертельной. На Котовского надели наручники и кандалы, а уже после этого перебинтовали».

Любопытно, что человек, предавший Котовского из-за денег, получил на руки всего одну тысячу рублей вместо двух. Участие в аресте Григория Ивановича принимал его товарищ по учебе — помощник пристава Чеманский. И еще один штрих к личности нашего героя: «При обыске комнаты в имении, где проживал Котовский, был найден «браунинг» с единственным патроном в стволе, радом лежала записка: «Сия пуля при трудном положении принадлежала для меня лично. Людей я не стрелял и стрелять не буду. Гр. Котовский»» (В. Савченко).

В тюремной камере Котовского осмотрел врач. Обратив внимание на сквозной характер ранения, он сказал:

— Если бы пуля, голубчик, попала чуть ниже, вы вряд ли бы сейчас сидели передо мной. В рубашке родились!

И на этот раз смерть пощадила Котовского…

В своей книге Шмерлинг очень точно воссоздает те события: «9 июля 1916 года Котовского из кишиневской тюрьмы отправили в одесскую. Здесь он был изолирован от всего мира. Специально для него был выработан строжайший режим. Его лишили прогулок. Стояли жаркие дни, он задыхался в своей камере. Только позже, по настоянию врача, его начали выпускать на прогулку. Один шагал он по прогулочному двору, стараясь набрать в грудь как можно больше воздуха. Он шагал и думал о том, что скоро суд. Приговор же нетрудно было предугадать. Неужели жизнь его будет такой короткой?»

Первым делом Григорий Иванович пишет письма двум уважаемым адвокатам с именами: В. Шишко и В. Лузгину. В обращениях к ним он просит взять на себя его защиту на предстоящем процессе. Соглашается только Лузгин…

Котовскому 35 лет и он снова думает о побеге, потому что на этот раз его однозначно ждет смерть.

По утверждению Б. Соколова, «в одесской тюрьме Котовский встретился с Федором Стригуновым, который был осужден не за бандитизм, а за дезертирство. Стригунов, работавший баландером и имевший поэтому возможность посещать все камеры, передал Котовскому ключ от ручных кандалов и пилку, чтобы спилить заклепки на ножных кандалах и заменить их винтами. Для Котовского уже вели подкоп от тюремного кладбища. Но подкоп обвалился».

Самим Григорием Ивановичем рассматривался и другой вариант. Однажды он узнал, что в тюрьме сидит один бессарабец-инвалид, который передвигается на костылях. Решение принимается немедленно. 28 сентября 1916 года Котовский на листке, вырванном из журнала тюремной библиотеки, пишет записку, которую потом выбрасывает на прогулочный двор. Текст ее благополучно сохранился до наших дней:

«Дорогие друзья! Вы видите, что я гуляю теперь по вечерам, при свете фонаря. Это — верная свобода. Прошу вас и моего земляка на костылях приготовить мне из костылей лестницу. Костыли имеют длину около двух аршин, у вас есть швабры, которыми сметается пыль, есть ящики; как-нибудь можно достать две крепких палки по $^1/_4$ аршина каждая, чтобы удлинить костыли, привязать палки к костылям, а вместо ступенек привязать скрученные тряпки, так: (В этом месте записки

Котовский начертил рисунок лестницы. — *Примеч. Шмерлинга)*. И вот лестница готова. Спасите, а то погибну. Если хотите ответить запиской, то напишите ее и передайте надежному парню в среднюю или угловую камеру третьего этажа вашего отделения со стороны конторы, и он может выбросить ее мне через окно, когда я гуляю, но он должен ее выбросить тогда, когда я махну платочком носовым, и пусть бросает посильнее, чтобы не упала под самые окна конторы. Пожалуйста, подумайте, помогите и спасите… Если мой земляк согласится дать костыли, их можно будет еще чем-нибудь удлинить на один аршин, тогда я наверно буду на воле. Тогда отвечайте мне, а я напишу, как надо действовать и как выкинуть мне лестницу через окно».

Волею судьбы записка попала в руки надзирателя, и тогда Котовский, чтобы выиграть время для подготовки побега, пишет для суда свою автобиографию. Ее он составляет так, чтобы хоть как-то заинтересовать власти: «С разрешения г-на начальника Одесской тюрьмы, мною составлена и написана моя автобиография. Препровождая ее в Одесский Военно-Окружной Суд, честь имею покорнейше просить Одесский Военно-Окружной Суд приобщить настоящую мою автобиографию, как мою характеристику».

А 4 октября 1916 года в здании военно-окружного суда началось слушание по делу лишенного всех прав состояния Григория Котовского.

И надо сказать, что началось оно с курьеза: «Котовского ввели в переполненный зал. Все приподнялись. Председатель суда, полковник Гаврилица, устремил пристальный взгляд на подсудимого. Воцарилась долгая, непонятная пауза, пока, наконец, Гаврилица не произнес, обращаясь к секретарю:

— Скажите, разве это подсудимый Котовский? Не по ошибке ли доставили сюда другого? Ведь у Котовского была длинная черная борода, черные волосы.

Секретарь не успел ответить, как Котовский звякнул кандалами и под их звон сказал:

— Я — Котовский.

Его не узнавали, так как накануне суда он сбрил бороду и наголо побрил голову. Он выглядел осунувшимся и бледным. И на этот раз его судили как уголовника. Котовский сам взялся защищать себя». Он говорил, что «уважал человека, его человеческое достоинство… не совершая никаких физических насилий потому, что всегда с любовью относился к человеческой жизни». Это была истинная правда!

К сожалению, стенограммы процесса не сохранилось. Но доподлинно известно, что в своем последнем слове, продуманном

заранее, Григорий Иванович сказал:

— Если ваша совесть не найдет возможным даровать мне жизнь, то я прошу вас о замене повешения — расстрелом.

Но совесть суда сочла возможным утвердить только один вариант: «…подсудимого Григория Котовского, уже лишенного всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение…»

Что ж, такой исход предположить было нетрудно. Вовсю шла Первая мировая война, а тут побег с каторги, грабежи… Однако смертный приговор взволновал всю Одессу. Городские газеты только и писали о нашем герое: «Этот человек с гордо поднятой головой испытал самые страшные человеческие муки и всюду, где бы он ни был, он знал себе цену. В нем жила неистощимая энергия»; «Какая обаятельная личность! — говорили некоторые, кому случалось беседовать с ним»; «Характер у него такой же твердый, железный, как и мышцы».

Сам же Григорий Иванович, закованный в ручные и ножные кандалы, в одиночной камере смертника ожидал исполнения приговора… Он ждал, как завтра привычно загремит железный засов, откроется железная дверь и несколько надзирателей поведут его на виселицу… Поведут в последний раз. Он только не знал, что исполнение приговора было неожиданно приостановлено до рассмотрения ряда других дел о нем, имевшихся в производстве одесского и других военно-окружных судов.

Ожидание смерти длилось с октября по декабрь 1916 года. Как подсчитал Шмерлинг, 45 дней и ночей!

Глава пятая
Поцелованный богом

1

Сложно сказать, кто подсказал Котовскому написать письмо Надежде Владимировне Брусиловой-Желиховской, жене главнокомандующего Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова, утверждающего приговор военно-окружного суда. Возможно, это была идея адвоката В. Лузгина, но тем не менее «удар» пера смертника в сердце женщины оказался точен.

«Ваше Высокопревосходительство!

Коленопреклоненно умоляю Вас прочесть до конца настоящее письмо. Приговором Одесского военно-окружного суда от 4-го числа сего октября я приговорен к смертной казни через повешение за два совершенных мною разбойных нападения, без физического насилия, пролития крови и убийства. Приговор этот подлежит конфирмации Его Высокопревосходительства господина главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Ваше Высокопревосходительство! Сознавая всю степень виновности своей перед Отечеством и обществом за совершенные преступления, принеся публично в суде полную повинную за них и полное искреннее и чистосердечное раскаяние и признавая справедливость вынесенного мне судом приговора, я все-таки решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с мольбой о высоком и великодушном заступничестве пред господином главнокомандующим — Вашим высоким супругом — о смягчении моей участи и о даровании мне жизни.

Я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с этой мольбой только в силу следующего: ступив на путь преступления в силу несчастно сложившейся своей жизни, но, обладая душой мягкой, доброй и гуманной, способной также на высшие и лучшие побуждения человеческой души, я, совершая преступления, никогда не произвел ни над кем физического насилия, не пролил ни одной капли крови, не совершил ни одного убийства. Я высоко ценил человеческую жизнь и с любовью относился к ней, как к высшему благу, данному человеку Богом. Был случай здесь, в Одессе, когда я выстрелил в своего соучастника по преступлению, позволившего себе произвести выстрел в хозяев дома, где мы находились, и этим

выстрелом, ранив его в руку, выбил ему из рук оружие. К женщине и ее чести я относился всегда как к святыне, и женщины при совершении мною преступлений были неприкосновенны. Производя психическое насилие, я и здесь старался, чтобы оно было наименее ощутительно и не оставляло после себя следа. Материальные средства, добытые преступным путем, я отдавал на раненых, на нужды войны, пострадавшим от войны и бедным людям. Преступления я совершал, не будучи в душе преступником, не имея в душе ни одного из элементов, характерных преступной натуре. Был случай в Кишиневе, когда, явившись в дом богатых коммерсантов с целью совершить преступление, мы застали там одних только женщин; увидев их испуг, я вывел в другие комнаты своих соучастников, потом, вернувшись, успокоил хозяек дома и ушел, не взяв ничего, несмотря на то, что в кассе хранилась крупная сумма денег, причем прибегнул к обману, заявив своим соучастникам, что открывал кассу и там ничего не оказалось. И вот теперь, поставленный своими преступлениями перед лицом позорной смерти, потрясенный сознанием, что, уходя из этой жизни, оставляю после себя такой ужасный нравственный багаж, такую позорную память, и, испытывая страстную, жгучую потребность и жажду исправить и загладить содеянное зло и черпая нравственную силу для нового возрождения и исправления в этой потребности и жажде души, чувствуя в себе силы, которые помогут мне снова возродиться и стать снова в полном и абсолютном смысле честным человеком и полезным для своего Великого Отечества, которое я так всегда горячо, страстно и беззаветно любил, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и коленопреклоненно умоляю — заступитесь за меня и спасите мне жизнь, и это Ваше заступничество и милость будут до самой последней минуты моей жизни гореть ярким светом в моей душе, и будет этот свет руководящим, главным принципом всей моей последующей жизни. Я желал бы, чтобы Вы, Ваше Высокопревосходительство, могли бы заглянуть в душу писавшего это письмо, во все ее тайники, и Вы тогда увидели бы пред собой не злодея, не прирожденного и профессионального преступника, а случайно павшего человека, который, сознав свою виновность, с душой, переполненной тоской и непередаваемыми переживаниями от угрызений совести, пишет Вам эти строки мольбы.

Вы увидели бы пред собой не аморального, отказавшегося от всех моральных ценностей, на которых основана жизнь культурного и честного человека, преступника, а человека, не выдержавшего жестоких ударов суровой жизни и павшего под

ними, но не погибшего душой, и верьте, Ваше Высокопревосходительство, что Вам не придется раскаиваться за свое высокое заступничество за меня, я сумею быть достойным его и, нося Ваш светлый, благородный и великодушный образ в своей душе, создам из своей жизни по своей честности, бескорыстности и облагораживающего человеческую душу труда высокий образец человеческого существования.

Если же Вы, Ваше Высокопревосходительство, не найдете возможным ходатайствовать перед господином главнокомандующим, Вашим высоким супругом, о даровании мне жизни, то как потомок военных, дед которого, полковник артиллерии, сражался и проливал кровь за Отечество, умоляю как о высшей милости и чести ходатайства Вашего Высокопревосходительства пред Его Высокопревосходительством господином главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта о замене им смертной казни через повешение смертной казнью через расстрел. Я знаю, что как отверженный я лишен права чести умереть от благородной пули, но как потомок военных, как искренний и глубокий патриот, стремившийся попасть в ряды нашей героической армии, чтобы умереть смертью храбрых, смертью чести, но не имевший возможность это сделать в силу своего нелегального положения, умоляю об этой высшей милости, и последним моим возгласом при уходе из этой жизни будет возглас: «Да здравствует армия!» Приговор о смертной казни с делом суда отосланы для конфирмации Его Высокопревосходительству 7-го числа октября 1916 года в 5 часов пополудни.

Коленопреклоненно умоляющий Ваше Высокопревосходительство Григорий Иванов Котовский.

Одесская тюрьма. Октября 8-го дня 1916 года»{РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 41. Л. 773–776 об. Подлинник.}.

2

Спустя годы, в августе 1925 года, Надежда Владимировна Брусилова-Желиховская из газет узнает о смерти спасенного не без ее участия Григория Ивановича Котовского. И, переворошив уголки своей памяти, она не просто вспомнит все как было, но и запишет об этом в свой дневник:

«В газетах от 6 августа были напечатаны телеграммы из Одессы о том, что командир 2-го кавалерийского корпуса Г. И. Котовский предательски убит, и приказ, как всегда, с большим пафосом и неправильными сведениями по этому поводу

от Революционного Военного Совета СССР. Для исторической правды хочу добавить несколько слов. Убит он был будто бы из-за женщины, такая молва идет с юга, но это подробность, не имеющая большого значения. Человек он был действительно незаурядный, храбрости у него отнять никто не может, но чтобы это был идейный политический боец, это сущий вздор.

Политика, революционность и борьба за меньшую братию и тем более коммунизм — эти ярлычки были приклеены ему гораздо позднее. А в действительности в прежнее время он был форменный разбойник, грабитель в Бессарабии, это все знали, и судился за грабежи, и преследовался правосудием за разбои. Он говорил мне и даже писал, что награбленным делился иногда не только со своей шайкой, но и с подвернувшейся беднотой, но насколько это верно, я судить не могу, хотя возможность этого вполне допускаю. Это был человек типа пушкинского Дубровского, не лишенный симпатичных сторон. По его словам, он был сын артиллерийского офицера в Бессарабии и с самых ранних лет не хотел систематично учиться, не хотел жить в городе, принадлежать своей семье, его тянули леса и поля, большие дороги, жизнь бродяги и впечатления воли и буйного ветра в степи. Живя в Одессе, я много слышала о нем, и мне он казался удалым молодчиной. Когда однажды в обществе я услышала в разговоре военных юристов, что Котовский опять попался и на этот раз «мы его держим крепко», у меня невольно вырвались слова: «А я буду очень рада, если он опять удерет». Мужчины засмеялись, а дамы были весьма шокированы и укоризненно на меня посмотрели. Прошло несколько лет. Во время германской войны он сидел в Одесской тюрьме, его судили, и, читая газеты, я видела, что на этот раз дело его действительно плохо. Он был приговорен к смертной казни через повешение. В то время А.А. [Брусилов] был главнокомандующим Ю[го]-З[ападным фронтом], [и] ему подчинены были двенадцать губерний. Я жила во дворце на бульваре и играла большую роль во всевозможных тыловых делах. Работы у меня (и по благотворительности, и по снабжению войск подарками и медикаментами, и санитарные поезда-бани, лазареты, госпиталя и приюты для детей и беженцев) было бесконечно много. У меня было три секретаря, и, несмотря на это, приходилось работать иногда целыми ночами. Как-то раз около полуночи я сидела за своим письменным столом, когда вошедшая горничная подала мне письмо со словами: «Это принес какой-то мальчишка из тюрьмы. Швейцар и дворники его гнали, а я гуляла с собачатами и согласилась взять письмо: уж очень он просил. Жизнь человека, говорит, от этого зависит».

— Хорошо сделали, что взяли письмо, — одобрила я ее.

Это письмо было от Котовского, длинное, обстоятельное, красноречивое. Я очень сожалею, что не сохранила хотя бы копии с него. Но минуты были сочтены, наутро его могли повесить. Он уже несколько дней тому назад написал мне это письмо, но его до меня не допускали. Он клялся, что лично никогда никого не убивал, а только дирижировал своей шайкой. Но ведь это то же самое. Кроме того, он умолял меня просить моего мужа помиловать его, отправить на фронт в самые опасные места, что он с радостью погибнет за Родину в бою с немцами, что в крайнем случае он умоляет его расстрелять, но не вешать, как собаку, что он сын офицера и такая позорная смерть для него ужасна. Я читала это письмо и с жутким чувством сознавала, что в первый раз в жизни у меня в руках жизнь и смерть человека. Это была большая ответственность перед Богом, и мне очень жаль, что это письмо не сохранилось у меня, оно было приложено к делам военного прокурора на Юго-Западном фронте (С. А. Батога). Думать не было времени, нужно было действовать. Я перекрестилась и стала звонить в телефон генерал-губернатору Эбелову, градоначальнику Сосновскому, Одесскому военному прокурору (не вспомню теперь его фамилии). Я умоляла задержать казнь Котовскому, дать мне возможность списаться с мужем. Надо мной смеялись, даже возмущенно говорили: «Охота Вам беспокоить Алексея Алексеевича, на рассвете вздернут эту собаку Котовского и баста…»

— Я удивляюсь вам всем, какие вы христиане. Мне тошно подумать, что человека «вздернут», по вашему выражению, — возражала я.

Наконец мне все же удалось уговорить отложить казнь Котовского на несколько дней. Я облегченно вздохнула и стала писать письмо мужу. Едва я его кончила, как в комнату вошла опять моя горничная.

— Тут жандарм едет курьером в штаб генерала. Очень боится опоздать на поезд, спешит. Но говорит, что, как обещал раз и навсегда генеральше, никак не может уехать с бумагами в штаб, не заглянув к Вам.

— Зовите его скорее сюда. (Господи! Я положительно увидела в этом совпадении руку Провидения.)

Вошел мой усатый приятель, звякнув шпорами.

— Не прикажете ли чего передать Его Высокопревосходительству или братцу господину полковнику? Если что готово, а то мне до поезда полчаса осталось. — Готово, готово, милый мой, спасибо, что зашли, вот мы спасем с Вами жизнь человеку, Господом дарованную, а мы не имеем права ее

отнимать, — говорила я, безумно торопясь положить письмо в конверт, всунув туда же письмо Котовского. Руки у меня дрожали и голос тоже, и мой приятель унтер-офицер, вероятно, не все понял, что я бормотала, и был немало удивлен.

— Отдайте в руки генералу, как только приедете, скажите Григорию, чтобы доложил о вас ему, это очень важно, и что я приказала как можно скорей в руки передать генералу.

— Слушаюсь, будет исполнено, не сумлевайтесь, Ваше Высокопревосходительство.

И вот на другой же день к вечеру мне стало известно, что Алексей Алексеевич говорил по прямому телеграфному проводу с Одесским штабом и что он совсем отменил смертную казнь Котовскому и заменил ее каторжными работами. Спасибо Алексею Алексеевичу, он избавил меня от тяжелого впечатления казни человека, кто бы он ни был».

К слову сказать, Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) был русским и советским военачальником. Генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), Главный инспектор кавалерии РККА (1923). Среди множества его наград — два ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степени. С марта 1916-го он — главнокомандующий Юго-Западным фронтом. В июне того же года провел успешное наступление своего фронта (знаменитый Брусиловский прорыв), за что был представлен к ордену Святого Георгия 2-й степени и награжден георгиевским оружием с бриллиантами. Во время Февральской революции поддержал смещение Николая II и приход к власти Временного правительства. Был горячим сторонником создания «ударных» и «революционных» частей.

3

История помилования Котовского была непростой, потому как 16 октября Надежда Владимировна писала своему мужу:

«Дорогой мой, я позволяю себе телеграфировать об Котовском, так как никогда в жизни не была в таком тяжелом положении относительно жизни и смерти человека. Прочти это письмо или хоть подчеркнутые мною места. Начальник тюрьмы, председатель военного суда и очень много других лиц говорят мне, что он производит впечатление действительно кающегося человека. Так хоть замени виселицу расстрелом, если нельзя даровать жизнь, как он просит. Но лучше всего совсем спасти человека.

…Может быть, можно отправить этого разбойника Котовского

на фронт на суд Божий. Подумать только, как часто такие разбойники бывают честнее и благороднее всяких чинушек военных и штатских, обкрадывающих русское правительство и народ исподтишка…»

Нетрудно заметить, что супруга генерала, прежде чем попросить мужа о снисхождении к судьбе смертника, пообщалась со многими должностными лицами и выяснила, судя по всему, немало, как о самой личности Котовского, так и о его поведении. Все это, безусловно, сыграло главную роль в судьбе нашего героя. А 18 октября 1916 года генерал Брусилов своей властью заменил Котовскому смертную казнь каторжными работами.

Следующее письмо Надежды Владимировны, написанное уже в конце октября, объясняет если не все, то многое:

«Милый мой, ты прости, что я такую суматоху подняла из-за приговора Котовского. Я не знаю, действительно ли он разбойник или идейный анархист, я не следила за процессом, у меня нет для этого времени. Но раз человек обратился ко мне, то уж ты устрой так, чтобы на моих руках крови не было. Бог все разберет. Иной разбойник лучше иного министра. Здесь все на меня рассердились, что я задержала исполнение приговора военного суда на целые сутки, пока не довела до тебя всей этой истории. Я телеграфировала ночью прокурору и генерал-губернатору и градоначальнику, пока не добилась своего. И как удачно, что твой милый усатый жандарм заглянул ко мне прежде чем на поезд, с экстренными бумагами из штаба. Я вижу в этом Божью волю. И вот жизнь человека спасена. Я даже не знала, что у тебя есть право совсем отменить смертную казнь, и только надеялась, что ты сможешь приказать пересмотреть дело вновь, все же он бы видел, что я сделала, что смогла. Слава Богу, что так вышло. Спасибо тебе…»{РГВИА. Ф. 162. On. 1. Д. 16. Л. 96–97. Копия.}

Нетрудно заметить, что в один прекрасный день в судьбу Котовского, когда его жизнь висела на волоске, вмешалась что-то неземное, что-то потустороннее. Он должен был еще жить. Будто сам Господь Бог поцеловал его в макушку… Ему действительно повезло, так как генерал Брусилов не всегда миловал… Например, в январе 1917 года он отклонил прошение о помиловании и утвердил смертный приговор группе солдат 223-го пехотного Одоевского полка, осужденных за участие в антивоенных выступлениях. 26 января 1917 года он телеграфировал в Ставку: «Необходимо для примера немедленно привести приговор в исполнение. Совершенно недопустимо никакое снисхождение».

Только-только высохли чернила на документе об отмене смертной казни нашему герою, как произошла Февральская революция. И это еще один судьбоносный исторический поворот в судьбе Котовского.

2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. В свою очередь, отрекся от престола и его брат Михаил. К власти в России пришло Временное правительство. Как точно подчеркивает Н. Верт, «придя к власти, они не преследовали цель изменить экономический и общественный порядок, а только обновить государственные институты и выиграть войну, оставив проведение структурных реформ Учредительному собранию. (…)

Правительственная декларация, опубликованная 6 марта, лишь утвердила меры, ставшие самоочевидными в результате победы революции и которые никто, соответственно, не был склонен причислять к заслугам правительства: провозглашение гражданских свобод, амнистия, созыв Учредительного собрания, отмена смертной казни, прекращение всякой сословной, национальной и религиозной дискриминации, признание права Польши и Финляндии на независимость, обещание автономии национальным меньшинствам. Обращаясь к патриотическим чувствам солдат и призывая их продолжить войну до победного конца, декларация от 6 марта не осмелилась ни официально провозгласить республику, ни затронуть самые жгучие социальные проблемы…».

Характерной чертой этого нового времени, по мнению А. Иконникова-Галицкого, стал угарный цвет криминала: «На несколько лет преступление в России стало обыденным явлением, насильственное лишение собственности — государственной политикой, убийство — нормой жизни. Начало социальному безумию положила Февральская революция. О ее криминальной составляющей обычно упоминают кратко. Так, две-три фразы: мол, открыли тюрьмы, выпустили уголовников, сожгли окружной суд. На самом деле в те дни была под корень уничтожена вся правоохранительная система…»

Коснулось все это и Одессу… 8 марта в одесской тюрьме взбунтовались заключенные. Часть из них просто разбежалась. Начальником тюрьмы стал обыкновенный поручик, по-современному — старший лейтенант. Через 4 дня местные газеты сообщали новости и из тюрьмы: «Все камеры открыты. Внутри ограды нет ни одного надзирателя. Введено полное самоуправление заключенных. Во главе тюрьмы — Котовский и помощник присяжного поверенного Звонкий. Котовский любезно водит по тюрьме экскурсии». Но что это? Григорий Иванович не сбежал! Как? Почему? Никто в эту информацию не хотел верить.

Обыватель думал, что все это утка. Но поверить пришлось.

«Что ж, одна разительная перемена в Котовском после вынесения смертного приговора и последующей замены его каторгой действительно произошла, — размышляет Б. Соколов. — К чистой уголовщине он больше не вернулся. Впрочем, на это скорее повлиял не смертный приговор, а случившаяся вскоре Февральская революция. Все-таки Григорий Иванович не был обыкновенным бандитом-налетчиком, иначе не было бы у него столь необычной судьбы. В победившей революции Котовский увидел возможность реализации собственного анархического идеала. Но очень скоро пришел к выводу, что без сильной государственной организации его не осуществить. И стал убежденным государственником».

Котовский действительно не стал возвращаться к прошлому. И это лишний раз подтверждает, что он никогда не был уголовником в полном понимании этого слова. Не был он и убийцей. Существует мнение, что Григорий Иванович после революции, так сказать, просто «соскочил». Но и с ним трудно согласиться. Разительные перемены с такого рода людьми происходить не могут. В 35 лет люди уже не меняются.

Сказать, что Котовский «завязал», также нельзя. Просто новое время его прежнюю борьбу назовет «классовой» и найдет ему в ней применение. Вот только тогда он превратится из героя народного в героя государственного.

А пока шел 1917 год. Участие Котовского в революции подтверждают чудом уцелевшие документы: «В Совет Рабочих Депутатов. Заявление. Мы, представители тюремного комитета (арестантского), просим Совет РД в ближайшем заседании поставить на повестку дня о заслушивании представителей наших с требованиями заключенных тюремного замка и также о текущих нуждах последнего. Председатель комитета В. Фейгель, члены Г. Котовский, А. Альперин. 16 марта 1917 года».

31 марта одна из одесских газет писала: «Слухи о побеге Котовского — недоразумение. Секция общественной безопасности Исполнительного комитета С.Р.Д. дала ему поручение по розыску провокаторов, которых он хорошо знает. По исполнению поручения Котовский вернется в тюрьму».

Григорий Иванович действительно покидал тюрьму по поручению комитета, возвращаясь туда к отбою.

Надежда Владимировна Брусилова-Желиховская все в том же дневнике запишет следующее воспоминание о тех мартовских днях: «Тут вскоре разыгралась Февральская революция, и смута душевная все усиливалась. В городе было неспокойно. Уголовная и политическая тюрьма разбежалась. Котовский мне просил

передать, чтобы я была спокойна, что он пользуется таким авторитетом среди разбежавшихся, что соберет их всех обратно и водворит порядок, что он и выполнил. Я была ему крайне благодарна, так как по городу ходили чудовищные слухи. Жители боялись вечером выходить на улицу, грабежи участились и т. д., и т. д.

Дня через два, в то время, когда у меня в залах было много дам и барышень, моих помощниц по делам благотворительности, мне позвонил журналист Горелик. Это был очень симпатичный еврей, газетный работник, и я много раз имела с ним дело. Он по телефону просил меня принять его вместе с Котовским. Я отвечала согласием.

Мои девицы и дамы — врассыпную, визжат и охают.

— Как Вы не боитесь, Надежда Владимировна, ведь он разбойник…

— Ну да, конечно, он сейчас ворвется и всех нас перестреляет, — трунила я над ними. Минут через двадцать швейцар докладывает лакею, тот мне, и появляется Горелик в обществе бритого человека с умным, энергичным лицом.

— Я пришел, чтобы поблагодарить Вас, позвольте поцеловать ручку, которая даровала мне жизнь.

Я в свою очередь поблагодарила его за энергичную помощь властям в тюрьме в борьбе с уголовными преступниками. Мы обменялись еще несколькими словами. В тот день как раз были телеграммы о том, что вызванный было в армию с Кавказа великий князь Николай Николаевич остановлен на пути, что Временное правительство передумало и отклонило свое решение. Это, конечно, было сделано по распоряжению солдатских и рабочих депутатов, то есть по указанию большевиков. Но Котовский тогда их не знал, ничего общего с ними не имел, они позднее его к себе пристегнули.

Он тогда, увидев на моем столе большой портрет великого князя, заговорил об этом вопросе сам:

— Какую ошибку делает Временное правительство. Разве можно в то время, когда война не кончена, устранять от армии такого опытного, популярного, всеми в войсках любимого человека.

Это его подлинные слова. Что-то на большевика не похоже».

Деятельность Котовского в марте 1917 года была поистине бурной. Так, 23 марта в городском театре был дан целый концерт в «пользу жертв революции». В антракте наш герой устроил аукцион, на котором выставил свои кандалы: ножные за 3100 рублей приобрел известный в Одессе адвокат К. Гоберг и тут же пожертвовал их театральному музею, а ручные купил всего за 75

рублей владелец «Кафе Фанкони» и в рекламных целях выставил их в витрине своего заведения. Из общей суммы вырученных денег Григорий Иванович около 800 рублей пожертвовал в фонд помощи заключенным одесской тюрьмы. Как он распорядился остальной суммой, и по сей день неизвестно.

Несколькими днями ранее, а если точнее, то 19 марта, в «Маленьком Одесском листке» была опубликована статья писателя А. М. Федорова «Сорок дней приговоренного к смерти». Будучи активным противником смертной казни, в этих «сорока днях» автор передавал переживания Котовского в камере смертников, убеждая читателя в необходимости выступить против этого безумия. Также Федоров настойчиво хлопотал об освобождении Котовского, убеждая, что тот абсолютно не представляет никакой угрозы.

И это было действительно так. В конце первого месяца Февральской революции Григорий Иванович собрал в кафе «Саратов» 40 авторитетных уголовников Одессы на разговор, где четко и ясно дал понять свое видение их будущего: «Мы из тюремного замка посланы призвать всех объединиться для поддержки нового строя. Нам надо подняться, получить доверие и освободиться. Никому от этого опасности нет, мы хотим бросить свое ремесло и вернуться к мирному труду. Объединим всех в борьбе с преступностью. В Одессе возможна полная безопасность и без полиции».

5

Активная деятельность Григория Ивановича не осталась не замеченной обывателем: «За Котовского вступились заводские коллективы, общественные организации. Они ходатайствовали перед комиссарами Временного правительства и перед Советом об освобождении героя. Под давлением масс было дано указание судебными органам пересмотреть приговор. Решение: вместо пожизненного заключения — 12 лет каторги с запрещением заниматься общественно-политической деятельностью. Тогда Котовский обратился к министру юстиции с просьбой о помиловании. Эту просьбу начальник штаба округа генерал Маркс сопроводил резолюцией: «Горячо верю в искренность просителя и прошу об исполнении его просьбы». Керенский вернул прошение в Одессу «на усмотрение местных властей». На сей раз вмешался Румчерод, и Одесский военно-окружной суд принял следующее решение: «Подсудимого Григория Котовского… если по состоянию здоровья он окажется годным к

военной службе, условно освободить от наказания и передать его в ведение военных властей». Это было 5 мая 1917 года» (Ф. Зинько).

Через три месяца (4 августа) в газете «Бессарабская жизнь» появится очень короткая заметка: «Отъезд Котовского на фронт». И действительно, накануне вечером Григорий Иванович отправился на Румынский фронт, в команду пеших разведчиков 136-го Таганрогского полка 2-й бригады 34-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса 6-й армии. Правда, повоевать нашему герою уже не довелось.

Еще в августе 1916 года, то есть год назад, Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Германии и очень быстро была разбита. Для помощи союзнику Россия срочно создала Румынский фронт, в который вошли Дунайская армия, 6-я армия из Петрограда, 4-я армия из состава Западного фронта и 9-я армия из состава Юго-Западного фронта, а также все, что осталось от румынских войск. В середине декабря 1916-го развернулось упорнейшее сражение при реках Рымнике и Серете. Потери были громадными. Одна только 34-я пехотная дивизия на высоте «417» четыре дня отражала атаки четырех германских дивизий. Последней битвой этой дивизии, где некоторое время доведется проходить службу Котовскому, станет отражение немецкого наступления под Маршашештами в июле 1917 года, где потери соединения составили до 65 %.

К осени 1917-го русские части на Румынском фронте будут вести себя довольно пассивно из-за усиливавшегося разложения. Григорий Иванович попадает в часть, как раз в это самое время. Короткое воспоминание об этом он оставит в автобиографии: «Начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не сознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я, по интуиции, по чутью, присоединяюсь к ним, как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике. Ведь я с первого момента своей сознательной жизни, не имея никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще о революционерах, был стихийным коммунистом, своей психикой, своей интуицией охватывающим сущность классовой борьбы между трудом и капиталом, между жестоко, беспощадно эксплуатируемым и жестоко, беспощадно эксплуатирующим. Я был по натуре и психологии человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина, — отсюда моя активная месть богачам сегодня и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насилием и террором отбирал у богача-эксплуататора ценности,

которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом».

Бурная деятельность Котовского на фронте сохранилась и по сей день. Вот на заседании полкового комитета 136-го Таганрогского пехотного полка утверждается его доклад «О корпусной конференции культурно-просветительской секции». Сохранился и протокол заседания: «Культурно-просветительская секция в своем заседании от 22 сентября с.г. нашла, что существующая программа, во-первых, не обнимает всей деятельности таковой и, во-вторых, не дает доступа для работников, каковые не определились с принадлежностью к той или иной социалистической партии. В том составе (четырех-пяти человек), каков сейчас, секция не в состоянии обслуживать полк. Ввиду того в § 1 вставлено: «поднятие уровня масс в культурном отношении», в § 2 добавлено: «устройство концертов, спектаклей и прочих культурных развлечений». В § 6 вставлено: «с культурно-просветительскими секциями». § 7 изменен так: «в ряд деятелей секции входят члены комитета, изъявившие желание работать в ней. Образовавшаяся таким образом секция приглашает работников, список которых утверждает полковой комитет». § 8 исключается вовсе. Таковое изменение собрание считает приемлемым. Всех лиц, указанных в списке культурно-просветительской секции, собрание утверждает таковым…

§ 3. Прибывший с корпусной конференции культурно-просветительных секций тов. Котовский докладывает следующее. На конференции из докладов с мест выяснилось, что культурно-просветительские секции, за редким исключением, почти не работали. Литература, распространяемая среди солдат, слишком мало дает результатов. Ввиду близости выборов в Учредительное собрание необходимо было принять самые энергичные меры к развитию миросозерцания масс. Сначала решено было учредить лекторско-пропагандистские курсы при корпусе. Но ввиду отсутствия лекторов-учителей, а также слишком короткого времени до Учредительного собрания, решено было собственными силами частей читать лекции. Для этого выработана программа лекций «минимум». Если в части не имеется литературы по указанным в программе лекциям, обращаться за таковой в «Румчерод». Для ознакомления частей с техникой по выборам в Учредительное собрание из каждой части необходимо послать по одному человеку на инструкторские курсы в «Румчерод». Собрание, принимая к сведению изложенное в докладе, выражает тов. Котовскому благодарность. (…) На инструкторские курсы при «Румчероде» посылается прапорщик

Стрыков». Протокол подписали председатель комитета подпоручик Шевяков и секретарь комитета рядовой Удодов. С ним ознакомился командир полка полковник Васильев.

27 сентября Григорий Иванович просит слово для внеочередного заявления: «…Тов Котовский докладывает, что он, несмотря на просьбы команды, отказался быть членом полкового комитета по следующим причинам. На предыдущем собрании при посещении нас начальником дивизии, последний был забросан такими вопросами со стороны солдат по поводу окончания войны и средств к продолжению ее, что генерал Гаврилов был поставлен в безвыходное положение, а особенно словами товарища Киянова: «До каких же пор будет продолжаться эта бойня?» «Я, собственно, высказал взгляд на текущий момент, но это как бы послужило ответом на вопрос тов. Киянова, на который, я чувствовал, не в состоянии был ясно и определенно ответить генерал. Это послужило причиной того, что начальник дивизии поблагодарил меня, а солдатская масса по-за углами дала мне кличку буржуя или защитника буржуев». Обидевшись на это, Григорий Иванович изложил присутствующим свою биографию, в которой поведал и о борьбе с буржуями, и о каторге, и об одиночном заключении. Ее он закончил следующими словами: «Может ли Котовский, полысевший по милости буржуев, быть их сторонником?»»

После пылкого выступления рядового Котовского собравшиеся попросили его оставаться работником в комитете, и он согласился. Однако уже 7 октября 1917 года Григорий Иванович вновь заявил об отказе в участии в работах полкового комитета и всех организаций полка. В дальнейшем документы фиксируют его отсутствие на заседаниях комитета.

А 25 октября 1917-го, во второй половине дня, В. И. Ленин, впервые появившись перед народом на сессии Петроградского Совета, заявил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».

6

В конце ноября 1917 года в небольшом румынском городке Галаце проходил 2-й съезд Советов VI армии. И в эти же осенние дни по городам Бессарабии прокатилась волна еврейских погромов. Член армейского комитета армии Л. С. Дегтярев припомнит, как Григорий Иванович объявился в Болграде в

самый разгар страшных событий. Некий офицер из штаба армии, пытавшийся остановить погром, был зверски убит. Другой вывел отряд солдат и приказал им открыть огонь, но те отказались выполнить приказ и сами бросились грабить. И вот на грузовике с группой в семь человек подъезжает Котовский и тут же обращает все внимание на себя:

— Остановись! Товарищи! Слушай мою команду!

— А ты кто такой выискался? — спрашивают из толпы.

— Я Котовский! Именем армейского комитета приказываю немедленно разойтись!

В ответ звучат выстрелы.

— Пальба взводом! Взвод… — командует Григорий Иванович. Щелкают затворы. Толпа затихает…

Громким голосом Котовский отдает приказ:

— Вот этого арестовать и этого. Остальным немедленно разойтись!

Дело сделано, и люди мирно расходятся.

В январе 1918 года в Кишинев вошли румынские войска, и советская власть, продержавшаяся чуть более 10 дней, пала. В это время и начал формировать свой первый Тираспольский революционный отряд Григорий Иванович. Первоначально отряд создавался как пеший, но позже в него влился конный партизанский полк. Всего 127 конников и 160 пехотинцев. Уже в двадцатых числах января этот отряд принял участие в боях с петлюровцами в Одессе. За эти бои Котовскому была вручена и первая награда: знак Одесской Красной Гвардии (№ 1443). Следующим событием в жизни нашего героя стало вручение ему мандата: «Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу, поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма».

Как пишет Б. Соколов, атака на местечко Кицканы на правом берегу Днестра стала первой крупной боевой операцией отряда Котовского: «16 февраля отряд Котовского предпринял набег на румынские батареи, обстреливавшие Тирасполь из села Кацканы. «По полученным в Одессе сведениям, — сообщила 20 февраля газета «Одесская почта», — партизанский отряд, организованный Григорием Котовским, сильно тревожит румын. Котовский, пользуясь своим прекрасным знакомством с топографией Бессарабии, где он родился и жил, часто заходит к румынам в тыл, совершает на них время от времени набеги и всегда с той стороны, откуда его меньше всего ожидают. (…)»

18 февраля вторжение на Украину австро-германских войск, призванных правительством Центральной рады, вынудило советские войска отступить с левого берега Днестра. Румыны,

готовые еще 8 марта подписать договор об отводе своих войск из Бессарабии в течение двух месяцев, уже 9 марта возобновили наступления и заняли Аккерман и Шабо.

В марте отряд Котовского, который находился в Дубоссарах, был отрезан от других наступающих частей, но ему удалось с боем прорваться через Раздельную на Березовку и присоединиться к Тираспольскому отряду. В Вознесенске этот отряд был переформирован. Котовский возглавил конницу отряда (главным образом из бывших 5-го и 6-го Заамурских полков) и бронеотряд и двинулся походным порядком на Кривой Рог — Екатеринослав. Действовавший теперь отдельно от отряда Котовского пеший отряд под командованием И. П. Годунова был разбит в арьергардных боях в районе станций Корсавка — Пятихатка, а сам Годунов погиб. Так же и конный отряд Котовского почти полностью рассеялся на пути к Екатеринославу, и здесь Котовский стал работать в штабе Тираспольского отряда. По некоторым данным, в Екатеринославе под началом Котовского осталось всего 25–30 человек. В апреле на пути к Луганску Котовский заболел «испанкой» и получил отпуск для лечения. Это его спасло. Основные силы Тираспольского отряда, переименованного во 2-ю революционную (или социалистическую) армию Южного фронта, отступили в Донскую область, где были частично уничтожены восставшими казаками, а захваченные в плен переданы немцам».

7 апреля 1918 года на Котовского было выписано удостоверение за № 1250: «Предъявителю сего — члену штаба отряда т. Григорию Котовскому разрешается 10-дневный отпуск для лечения, что подписью и печатью удостоверяется. Начальник штаба. Старший адъютант». Однако позднее сам Котовский попросит занести в свою послужную карту следующую запись: «Был захвачен в плен конным отрядом Дроздова в Мариуполе во время отступления Тираспольского отряда на Дон. 1918, апреля, 6 числа». Это противоречие до сих пор дает повод историкам уличить Григория Ивановича во лжи, чтобы скрыть якобы последующее его дезертирство…

Например, Б. Соколов рассуждает просто: «Получается, что на следующий день после 6 апреля Котовский все еще пребывал в своем отряде и ни в какой плен к полковнику М. Г. Дроздовскому (очевидно, он имеется в виду под фамилией Дроздов) не попадал. Тут не помогает даже оговорка, что Котовский мог датировать свое пленение по старому стилю, тогда по новому стилю это — 19 апреля. Но отряд М. Г. Дроздовского, направлявшийся с Румынского фронта на Дон, прибыл в Мариуполь только 27 апреля 1918 года. Очевидно, Григорию Ивановичу просто

захотелось присочинить для своей биографии еще один подвиг — побег из белого плена… В тот момент он заболел тифом, но после окончания отпуска в свой отряд не вернулся, а подался в Одессу. Чтобы как-то оправдать свое дезертирство, Котовский и придумал историю о том, как он оказался в плену у белых».

Сам же историк в своем разоблачении путается, называя болезнь Котовского то «испанкой», то «тифом». А ведь «испанка» тогда была эпидемией гораздо страшнее тифа. Начавшаяся в последние месяцы Первой мировой войны, она быстро затмила по своему масштабу жертвы кровопролития той бойни. Симптомы «испанки» — это синий цвет лица, пневмония и кровавый кашель. Заразившиеся ей люди могли умереть уже на следующий день. Необходимых лекарств не было.

Отправляясь с мариупольского вокзала на Луганск, тираспольцы могли оставить заболевшего Котовского на попечение жителей Слободки. Когда в конце апреля в Мариуполь вошли казаки полковника Дроздовского (многие участники событий того времени называли его Дроздовым. — *Примеч. авт.),* они и могли обнаружить Котовского. Что же касается дат, то 6 апреля было названо Котовским как дата отъезда отряда. Документ же был выписан следующим числом, чтобы считать отпуск по болезни с утра 7-го. В конце концов, Григорий Иванович мог назвать дату по памяти, не имея при себе удостоверения на отпуск.

Как утверждает Л. Яруцкий, «…удостоверение было выдано в Мариуполе, когда Тираспольский отряд отправился в Луганск. Вот что пишет в своих воспоминаниях ветеран партии и Гражданской войны В. Л. Цейтлин: «По дороге в Луганск в нашем отряде начала свирепствовать «испанка». Среди раненых и больных оказались И. Э. Якир и Г. И. Котовский. Г. И. Котовский получил отпуск для лечения…»(…)

… до Мариуполя Якир вместе с тираспольцами не доехал, он выбыл из строя еще под Екатеринославом. (…)

Вот что пишет С. Л. Якир, жена будущего командарма 1 — го ранга: «Под Екатеринославом Иона был тяжело контужен и ранен, и его, потерявшего сознание, увез санитарный поезд. Товарищи уже решили, что он не жилец на этом свете, и даже разобрали, по фронтовой традиции, его личные вещи на память». (…)

Григорий Иванович был человеком богатырской, можно сказать, исключительной физической силы. Рассказывают, что еще в юности он, взяв быка за рога, играючи кидал наземь могучее животное. Но «испанка» — особо жестокий вид гриппа, сопровождающийся очень высокой температурой, свалила и его».

К дроздовцам Григорий Иванович мог попасть как здоровым,

так и выздоравливающим. Осуществить побег из плена для него не представляло никакого труда. Побегов в его практике было достаточно. Но самое главное, что забыл сделать наш герой, так это взять справку в штабе полковника Дроздовского о своем пребывании в плену. Тогда бы точно спустя десятилетия никто не посмел бы уличить его в дезертирстве.

Глава шестая
«Он не повысил меня по службе»

1

Жена Григория Ивановича, Ольга Петровна Шакина-Котовская, об обстоятельствах убийства мужа всегда рассказывала так: «5 августа 1925 года Котовский был на костре в. Пузановском пионерском лагере и вернулся около 9 часов вечера. Отдыхающие решили устроить нам проводы. Собрались около 11 часов ночи. Котовский с неохотой пошел, так как не любил таких вечеров, да и был утомлен: он рассказывал пионерам о ликвидации банды Антонова. А это для него всегда значило пережить большое нервное напряжение.

Вечер, как говорится, не клеился. Были громкие речи и тосты, но Котовский был безучастен и необычайно скучен. Часа через 3 стали расходиться. Котовского задержал только что приехавший к нему старший бухгалтер Центрального управления военно-промышленного хозяйства. Я вернулась домой одна и готовила постель.

Вдруг слышу короткие револьверные выстрелы — один, второй и затем мертвая тишина. Как электрическим током пронзила мысль: «Это выстрелы в него». Я побежала на выстрелы, крича: «Что случилось?» Ни звука в ответ. У угла главного корпуса отдыхающих вижу распластанное тело Котовского вниз лицом. Бросаюсь к пульсу — пульса нет. Кричу: «Люди, скорее на помощь, Котовский убит!»

Услышав выстрелы у себя под окнами, отдыхающие спрятались и только на мой зов вышли. Котовского внесли в столовую, я осмотрела маленькую ранку в области сердца. Признаков жизни не было да и не могло быть, так как пробита была аорта, и смерть наступила мгновенно.

До приезда следственных органов, заперев столовую, я вернулась на дачу. Силы оставили меня, и я села на веранде. Подходит начальник охраны сахарного завода, прибывший в Чабанку несколько дней тому назад. Бросается передо мной на колени: «Спасите меня, вы были матерью для всех в корпусе, будьте и мне матерью, спасите меня — я убийца». Я могла только сказать: «Вон отсюда». Он ушел. Я собрала все свои силы и побежала к директору совхоза. Рабочие бросились искать убийцу, и конные догнали его, уходящего берегом моря по направлению к

Одессе».

С ее же слов дальше происходило следующее: «Котовский был убит в 3 ч. утра с 5 на 6/VIII, в 6 ч. утра на месте были гражданские и судебные власти, а комкор (заместитель Котовского, исполняющий его обязанности. — *Примеч. авт.)* прибыл только в 14 час. и учинил допрос всех. Судебная экспертиза настаивала на скорейшей отправке трупа в Одессу для вскрытия, но он запретил, т. к. должен всех допросить и осмотреть труп сам, ведь Фрунзе не дает ему покоя с запросами.

Только после резкого моего протеста и угрозы донести о его поведении т. Фрунзе, он соизволил дать разрешение на отъезд. Весь процесс следствия велся под уклоном простой уголовщины. Через год суд. Почему ждали год?»

До наших дней сохранились фотографии убийцы Григория Ивановича — Мейера Зайдера (прозвище Майорчик). На первый взгляд — это такой тщедушный человек, худощавого телосложения, с оттопыренными ушами, осыпанный морщинами и с ничего не выражающим взглядом. Но это только внешнее впечатление. Год рождения его не известен, но на вид ему можно запросто дать за сорок. О нем известно мало, и колоритной личностью его не назовешь.

Примерно до революции Зайдер содержал один из самых респектабельных в Одессе публичных домов. По крайней мере, так утверждают многие источники. В 1918-м Майорчик слыл состоятельным хозяином. Его жена, одесская проститутка по имени Роза, однажды получила от него в подарок дорогое бриллиантовое колье. Он же, при белых и интервентах, сумел накопить достаточно денег, чтобы приобрести особняк с видом на море. Но в ожидании смены власти не торопился с покупкой, дабы не прогадать. Как раз в это время в Одессе объявился Котовский, который работал в большевистском подполье и уже разыскивался деникинской контрразведкой: за освобождение арестованных подпольщиков, за кражу со складов оружия, за диверсии на железной дороге, за дерзкий налет на саму спецслужбу белогвардейцев. Однажды в публичный дом Зайдера вбежал здоровенный офицер и, обращаясь к хозяину заявил:

— Я Котовский! Мне нужен ключ от вашего чердака, — добавив при этом: — Запомните, вы не видели сегодня никакого капитана. Не так ли?

Когда Мейер утвердительно кивнул, Котовский быстро вбежал по лестнице наверх и исчез. Отсидевшись на чердаке, незваный гость переоделся в гражданскую одежду, которую одолжил у своего спасителя, и, прощаясь, громко сказал:

— Я ваш должник…

В 1920 году советская власть закрыла «доходное предприятие» Зейдера. Все нажитое «непосильным трудом» имущество было конфисковано. Так он остался без работы, половину года отсидев в тюрьме. Но, как известно, долг платежом красен, и Майорчик, уставший от случайных заработков, бросился искать Котовского. В 1922 году он узнает, что Григорий Иванович командует кавалерийским корпусом, который расквартирован в Умани. Туда он и направился. Котовский обнадежил своего спасителя: он пристроил его начальником охраны Перегоновского сахарного завода, расположенного под Уманью. Как пишет А. Фомин, «Зайдер, в свою очередь, помогал Котовскому в обустройстве быта его корпуса. Так, его идеей было заготовление кож котовцамами и обмен их в Иваново на ткани, шедшие на обмундирование. Зайдер, по воспоминаниям очевидцев, был очень благодарен Котовскому за помощь, так как найти работу в начале 1920-х годов было очень тяжело, и на биржах труда стояло порядка полутора миллионов человек (по состоянию на 1925 год)».

Но есть и другое мнение, историка В. Савченко: «В 1922 году Котовский назначает пройдоху, афериста Майорчика начальником военной охраны сахарного завода в Умани. «Красный полководец» наверняка знал, что Майорчик не отличался кристальной честностью, а поэтому рассчитывал с его помощью обделывать какие-то делишки. По некоторым данным, Зайдер «снабжал» Котовского девицами легкого поведения и контрабандными товарами. Котовского и Майорчика видели во время бурных застолий, причем «полководец» частенько, под хмельком, поколачивал сутенера. В Чабанку Майорчик прибыл первого августа и намеревался уехать в Умань вместе с Котовским — 6 августа».

2

«Дело об убийстве Котовского было поручено вести следователю Одесского губернского суда Егорову, — рассказывает А. Фомин. — Подсудимый часто менял показания, зачастую выдвигая и вовсе нелепые мотивы своего преступления. Поначалу Зайдер заявил, что совершил убийство из… ревности. Любопытно, что Егоров счел необходимым уже в самом начале следствия заявить: «Циркулирующие в обывательских кругах слухи о якобы романтических мотивах убийства совершенно не соответствуют действительности и опровергаются многочисленными показаниями свидетелей»».

В. Казаков в своем очерке «Кто убил Котовского?» приводит любопытный случай: «Однажды в редакцию газеты, где я тогда работал, пришел пожилой, но еще крепкий человек и, поговорив о своем деле, вдруг рассказал:

— Я — бывший котовец, работал в штабе корпуса. Григорий Иванович погиб на моих глазах, и я могу рассказать, как это было.

И рассказал:

— Я был с Котовским в санатории в Чабанке. В тот вечер сидели за столом, выпивали. Котовский пришел с незнакомой нам молодой женщиной… Ну, пили водку, разговаривали, время перевалило за полночь, и тут Котовскому показалось, что сидевший напротив него военный как-то «не так» смотрит на его новую пассию. Он расстегнул кобуру, достал револьвер и сказал военному: «Я тебя сейчас застрелю». Адъютант Григория Ивановича схватил командира за правую руку, стал отнимать оружие, и во время этой возни револьвер выстрелил — Котовский сам нечаянно нажал на курок. Пуля попала ему прямо в сердце».

Но все это очень не похоже на Григория Ивановича Котовского…

С. Нехамкин о причинах гибели Котовского говорит совершенно правильно: «В советские годы шепотом говорили, что Котовский погиб из-за бабы. В перестроечные начали писать, что славного героя убрал Сталин… нет, Троцкий… нет, былые дружки посчитались за преданного Гриней Мишку Япончика… Но все это — лишь версии, фактов никаких». Далее следует интереснейший рассказ по памяти: «Именно потому, что высказываются только версии, — дам свою. Точнее, не свою. Я услышал ее от человека, хорошо знавшего писателя Алексея Гарри. В Гражданскую Гарри был «при Котовском» — телохранитель, адъютант… Комбрига обожал, написал о нем несколько книг. А познакомились они в Гражданскую в Одессе, где при белых Котовский возглавлял подпольную большевистскую боевую дружину. В нее входил и докторский сын Ленька Гарри. Через много лет в частных беседах он, как мне говорили, рассказывал вот что. Одна из явок дружины была в публичном доме, который держал знакомец Котовского Зайдер. (Это известно. Еще пишут, что прятался Котовский на чердаке. Вежливо поверим.) Явка провалилась. В белой контрразведке Зайдера люто пытали. Он никого не выдал. После взятия Одессы красными благодарный Котовский забрал Майорчика к себе — начальником обоза бригады, потом еще на какие-то должности (небоевые).

После войны — «Чабанка». Это был не просто совхоз. Огромное образцовое хозяйство (Котовский ведь по образованию

агроном). Хлеб, мясо, сахарные заводы, производство кож, мыла… А время — 1920-е, голод, разруха, нэп. На товары из «Чабанки» — бешеный спрос. Коммерческой деятельностью заправлял Майорчик. Попутно много клал в карман. Это выяснилось. И возникла между ним и Котовским разборка «по понятиям». Котовский: у своих крысятничаешь? Зайдер: но, Грыня, я же за тебя когда-то муки принял!..

Взбешенный Котовский пинком выкинул Майорчика с крыльца. Во время перепалки он забрал у Зайдера партбилет. Потом снова вышел на крыльцо, разорвал (оцените физическую силу!), швырнул обрывки вслед. Зайдер, униженный, как раз вставал с земли, был не в себе. Увидев в дверном проеме фигуру командира, выхватил наган…

Подчеркну еще раз: это лишь версия, сидящий в памяти давний рассказ, доказать не могу. Но объясняет он, мне кажется, многое. Почему на следствии Зайдер заявил, что стрелял из ревности? Скажешь правду — потянутся такие аферы, что точно «вышка». Почему дали относительно мало? Убийство в состоянии аффекта. (…)

Другое дело, что «бытовуха» для народа не годилась. Политсовещание второго корпуса после гибели комбрига отбило в Москву шифровку: «Независимо установления причины убийства Котовского политсовещание считает необходимым освещение прессе политической подоплеки, (…) чтобы усилить подъем корпуса, также массы АМССР Бессарабии»».

3

В 2012 году в Кишиневе вышла книга Михаила Лупашко «Бессарабец». В ней автор выдвинул свою прямо-таки фантастическую версию гибели Котовского. Освещая ее, Алла Герчиу пишет: «Григория Котовского убил вовсе не Майер Зайдер по прозвищу «Майорчик», а родной сын — грех молодости, плод любви «Атамана адского» и бессарабской аристократки. Причем убил по наущению румынской тайной полиции — так сигуранца решила проблему, которая могла возникнуть в случае успешной реализации планов основателя «страны Котовии», собиравшегося присоединить к своей автономии и вошедшую в состав Румынии территорию Бессарабии».

Вот как об этом пишет сам М. Лупашко: «За кустарником, облитая светом, уходила вдоль берега моря к Одессе проселочная дорога.

— Где-то тут Майорчик с машиной должен быть, —

машинально сообразил Котовский, как вдруг рядом кто-то негромко, но резко свистнул.

Браунинг из кармана брюк, уже взведенный с патроном в патроннике, сам прыгнул в левую руку.

— Что за черт? — изумился Григорий Иванович, на долю секунды опоздав нажать курок.

В свете луны метрах в трех по тропинке стоял напротив него он сам, только двадцатилетний. В кожаной жилетке, высоких гайдуцких сапогах. Как же стрелять в самого себя! Молодой же двойник, поджав узкие губы, тут же свистнул снова. Грянул выстрел. Двойник стрелял от бедра. Пуля ударила Котовского в самое сердце.

— Сам себя уложил! — изумился в последний миг Григорий Иванович, чтобы уже никогда ничему не изумляться, и душа его, освобождаясь от измученного трудами и боями, грузного и не нужного уже тела, ликуя предстоящей свободе, без диктатур, расстрелов и сабельных атак, тонкой струей взмыла вверх. Отчего-то многогрешной душе Котовского было очевидно, что впереди ждет ее блаженство и счастье нескончаемое…

Услышав выстрел, Майорчик пулей вынесся из машины и, стреляя из табельного нагана непонятно куда, выбежал на тропинку. Котовский лежал на спине, откинув руку с ненужным теперь браунингом. Рядом с телом убитого стоял бледный как привидение Ангел Кузенкорно.

— Ты! — в ужасе закричал Майорчик. — Ты что наделал! Ты убил его!

— Да! — глухо подтвердил Ангел. — Я убил, я отомстил за отца.

— О горе мне! Горе нам! — завопил во всю глотку Майорчик. — Я же чувствовал, что неспроста тебя сюда перекинули… Лучше бы ты сгнил там в тюрьме, в Констанце!

Ангел и сам чувствовал что-то неладное. Ему приходилось убивать людей с пятнадцати лет. Его рука не знала промаха, а совесть не ведала угрызений и мук раскаяния. Сейчас же, стоя над трупом человека, которого считал виновником всех бед семьи Кузенкорно, он чувствовал, что ему отчего-то неудержимо хочется выть, рыдать и рвать на себе волосы, как это делает Майорчик.

— Ты, ты, несчастный, — сгреб Ангела в охапку Майорчик. — Ты же отца своего убил! Он был твой отец! Он — Котовский!!!

Оттолкнув от себя отцеубийцу и словно отгоняя руками невидимых мух, Майорчик велел Ангелу:

— Беги, беги отсюда, парень! Может, ты еще спасешь себя. Беги, несчастный… Беги! — прокричал почти как заклинание, указывая рукой Ангелу.

— Отец? Он был мой отец? Котовский! О-о-о!!! — Ангел обхватил свою голову руками и, неуклюже повернувшись, побежал куда-то через кусты, на ходу бормоча и ругательства и проклятия.

— Я тебя убил, Гриша! — рвал волосы над телом погибшего Майорчик. — Мне и отвечать!»

Как известно, любая версия имеет право на жизнь, пусть даже и такая фантастическая.

И все же Котовского убил именно Зайдер, и никто другой. И его, кстати сказать, действительно пытались обвинить в том, что он убил Котовского по заданию румынской сигуранцы, но следствие установило быстро, что румынским агентом Майорчик быть не может. Факт абсолютно достоверный.

Сигуранца — тайная полиция в королевстве Румыния, действовавшая с 1921 по 1944 год. Главной целью сигуранцы была борьба с партиями и организациями, признанными властями подрывными и опасными. Во время Второй мировой войны члены сигуранцы были направлены на Буковину, в Бессарабию и Транснистрию для борьбы с партизанским движением.

4

В ответ на интервью с сыном легендарного героя Гражданской войны, востоковедом-индологом Григорием Григорьевичем Котовским, кандидат исторических наук, заместитель ответственного редактора еженедельника «Расы и народы» С. Н. Козлов выступил на страницах «НГ» с очень интересной статьей. В ней, как раз-таки предельно объективно, рассматривается политическая версия убийства Котовского:

«Суть выдвигаемых Г. Г. Котовским версий гибели отца состоит в том, что его убийство (6 августа 1925 г., во время отдыха в совхозе Чабанка близ Одессы) — «одно из первых политических убийств в Советском Союзе». Для Котовского-сына это «совершенно ясно».

Так ли уж ясно? И кто же стоял (мог стоять) за этим преступлением?

Сначала Г. Г. рассказывает об «очень сложных» отношениях Котовского с И. Э. Якиром, под началом которого он служил и в разные периоды Гражданской войны и после ее окончания. Затем нам сообщается, что «продвижение Якира в годы Гражданской войны проходило с подачи Троцкого, с которым он был в родстве» (уточнили бы уж степень родства, что ли…). После чего следует

снисходительная оговорка: «Конечно, Якир способный и по-своему (? — *С.К.)* талантливый человек, но это родство сыграло очень важную роль». Дальше — больше: «У меня после пожара на даче, к сожалению, пропали документы, переданные мне старыми котовцами, о том, что даже свой первый орден Красного Знамени Якир получил незаконно». К такому вот выводу пришли спустя энное количество десятилетий, некие «старые котовцы». Интересно, почему те не сообщили об этом летом 1937 г., когда Якира вместе с другими выдающимися военачальниками судили и клеймили как «германских шпионов, а сами они были еще вполне молодыми котовцами и оставалось много свидетелей боев и операций 1918–1920 гг.?

Зато Г. Г. Котовский не молчит и подробно живописует «факты», в свете которых Якир оказывается… трусом, его жена — мародерствующей барынькой и т. п. Теме «разоблачения» Якира и его жены отведено более столбца во всю газетную полосу.

Непонятно, правда, как те или иные служебно-бытовые моменты взаимоотношений Котовского с Якиром можно связать со злодейским убийством комкора. (Замечу: когда погиб Котовский-отец, сыну было два года, и слышать все это он мог лишь спустя много лет от матери.) И тогда журналисты помогают Григорию Григорьевичу вопросом: «Вы полагаете, что эти эпизоды сыграли свою роль в смерти вашего отца?» На что следует ответ: «Подобно этим было довольно много других эпизодов. Но если я отвечу на ваш вопрос положительно, то это будет означать, что я считаю Якира одним из организаторов убийства Котовского. Однако у меня нет никаких доказательств».

Вот так. Доказательств нет. Но ушаты грязи, помоев вылиты — причем походя…

Начав «раскручивать» одну версию, Г. Г. Котовский переходит вдруг к другой дружбе отца — с М. В. Фрунзе. Я думаю, что большим открытием для российских военных историков станет сделанное Григорием Григорьевичем сообщение, что «постепенно Котовский становится правой рукой Фрунзе в армии… в 1925 году (он) входил в «первую «пятерку» комсостава Красной армии». На память попытаюсь «выстроить» высший эшелон советского военного руководства в 1925 г.: М. В. Фрунзе, наркомвоенмор и председатель РВС СССР; его заместители: С. С. Каменев, начальник штаба РККА; командующие округами (К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, Н. Э. Якир, другие); прославленные полководцы Гражданской войны: М. Н. Тухачевский (с осени 1925 г. — начальник штаба РККА), С. М. Буденный (с 1924 г. — инспектор кавалерии), А. И. Корк, Г. Д. Гай, Р. П. Эйдеман, В. К. Путна, И. Ф. Федько, И. С. Кутяков… Это — только те имена, что

вспомнились. А Григорий Григорьевич продолжает: «Как рассказывала мама, в 1925 году Фрунзе принял решение назначить отца заместителем (наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета)». Я не знаю: может быть, и принял Фрунзе такое решение; но — «как рассказывала мама…» — совершенно недостаточный источник для такой информации, и Григорий Григорьевич не может этого не понимать. Назначению на столь важный пост должно было (непременно!) предшествовать решение ЦК (если не в политбюро, то в секретариате уж точно), правительства, СТО (Совета труда и обороны). Есть ли на этот счет документы? Почему нет ссылок на них?

Но незадолго до «отъезда в Москву» (?) Котовского убивают. Далее Григорий Григорьевич рисует уже совершенно фантастическую картину: убийство отца — командира одного из кавалерийских корпусов, человека, в политическом отношении никакого, прямо скажем, веса не имевшего, он изображает как важный момент… в борьбе за власть между группировками Сталина и Троцкого: «При условии перевода Котовского в Москву тандем Фрунзе — Котовский мог бы изменить конфигурацию расстановки политических сил (! — *С.К.)*. Какая из двух основных соперничавших группировок могла быть причастна к убийству отца? Окончательный ответ дать сегодня нельзя. Но я склоняюсь к версии о «троцкистском следе». Чуть ниже Григорий Григорьевич излагает — со ссылкой на некую книгу, вышедшую в Польше в 30-е гг., — версию, что Котовского «убила советская власть» (уже в безымянном варианте). Оказывается, она, власть, боялась Григория Ивановича как очень популярного человека, который «мог повести за собой не только воинские подразделения, но и массы населения Правобережной Украины». Против кого повести, простите? Против советской власти?! Да могла ли появиться у Г. И. Котовского, могла ли присниться ему такая мысль?.. Такой бред, если он действительно где-то кем-то написан, и вспоминать-то не надо, но Григорий Григорьевич его, бред этот, не просто всерьез излагает, но и косвенно поддерживает рассуждениями о том, что, оказывается, в органах госбезопасности имелось досье на комкора, что в Москву, в ЧК, поступали агентурные сведения о нем. Да разве нашелся бы человек выше уровня директора бани, на которого не заведено было «дело» в соответствующих органах?

Не боялась советская власть (т. е. государство) и более популярных деятелей — ни по одному, ни в любой «конфигурации». Известно, как она поступала с любым из них и со всеми сразу, если считала нужным. А что касается Сталина и Троцкого… очень сомневаюсь, что вспоминали они чаще, чем раз

в год, человека по фамилии Котовский, командира одного из корпусов в далекой южной провинции. И нет никаких, буквально никаких аргументов, чтобы подверстывать убийство Г. И. Котовского к «борьбе титанов», пытаясь изобразить одним из титанов его самого. Даже сам Фрунзе не представлял собой серьезной политической величины — потому и был выдвинут Сталиным на пост наркомвоенмора».

5

Суд над Зайдером состоялся в августе 1926 года. Уже в зале суда Майорчик поменял свои показания, заявив, что убил командира Корпуса потому, что тот не повысил его по службе, хотя об этом он не раз просил Котовского. Именно эта версия и была принята судом за основу.

В результате убийцу Григория Ивановича приговорили к десяти годам, а из приговора исчезли обвинения в сотрудничестве с румынской сигуранцей, которое оставалось в обвинительном заключении прокурора!

По окончании судебного заседания следователь Одесского губернского суда Егоров будто бы подошел к жене комкора и поинтересовался:

— Ольга Петровна, вы, наверное, недовольны приговором?

— История нас рассудит, — ответила она следователю.

Вот и историк В. Савченко таинственно указывает: «Судебный процесс над убийцей Котовского проходил в обстановке секретности. При закрытых дверях, только спустя год после смерти Григория Ивановича. Зайдер признался в убийстве, указав на смехотворную причину своего поступка — «убил комкора за то, что он не повысил меня по службе». Почему-то судей такое объяснение удовлетворило. Они не стали искать заказчиков преступления и постарались представить дело так, чтобы убийство выглядело как бытовое, а не как политическое или экономическое».

6

Еще большей таинственности добавляет в это дело дальнейшая судьба Зайдера. Свое наказание он отбывал в Харькове в доме предварительного заключения. Там же он очень скоро занял блатную должность заведующего тюремным клубом и был переведен на бесконвойную систему содержания, получив

право свободного передвижения и выхода в город. А в 1928 году Мейер Зайдер, не просидев и трех лет, был условно-досрочно освобожден за примерное поведение. Этот факт до сих пор вызывает множество кривотолков. Но нельзя забывать, что до сталинских репрессий, до «ежовых руковиц», «бериевских застенков» было еще далеко.

На свободе Майорчик работал сцепщиком железнодорожных вагонов. Работал спокойно, мирно года два, пока его не убили, все в том же Харькове, недалеко от железнодорожного вокзала.

Как пишет А. Фомин, «осенью 1930 года 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия, расквартированная в Бердичеве, праздновала десятилетие своего боевого пути. По случаю юбилея должны были состояться праздник и маневры, на них были приглашены ветераны дивизии, в том числе и вдова Григория Котовского — Ольга Петровна, некогда служившая врачом в его бригаде. Однажды вечером к ней пришли три ее бывших сослуживца и сказали, что Мейер Зайдер приговорен ими к смертной казни. Котовская пыталась им возражать, говоря, что Зайдер — единственный свидетель убийства ее мужа, и убивать его ни в коем случае нельзя, но ее доводы не убедили готовивших убийство. Намереваясь помешать им, Котовская обратилась к командиру дивизии Мишуку и политотделу дивизии». Однако расправа над убийцей Котовского состоялась. Причем труп Майорчика был обнаружен на железнодорожном полотне до того, как по нему должен был проследовать очередной поезд. То есть котовцы хотели тем самым сымитировать несчастный случай. Но несмотря на то, что все получилось именно так, убийц Зайдера никто специально не ловил. За это возмездие их никогда так и не осудили.

Глава седьмая
«Я отвечу жизнью за невыполнение приказа»

1

В своей биографии Котовского историк Б. Соколов саркастически сообщает, что в июне 1918 года Котовский объявился в Одессе. И тут же выдвигает свое собственное предположение: «Чем он занимался в апреле и мае, достоверно неизвестно. Скорее всего, искал товарищей по былым налетам, чтобы продолжить лихие дела в Одессе, самом богатом городе юга России. Здесь его налеты приобрели явно политическую окраску».

Откровенно сказать, от таких вольных умозаключений историков со званиями всегда коробит. Ведь известно, что Григорий Иванович в апреле заболел «испанкой». Чем он мог заниматься, буквально умирая от этой болезни? Конечно, лежал в тяжелейшем состоянии. Потом находился в плену. А бежав, пробирался к своим. В Одессе он оказался на подпольной работе, но не потому, что соскучился по былым налетам, а потому, что в тот момент Котовский там был нужен. Да, со своими связями. Да, с умением вершить лихие дела. Да, со своей храбростью и т. д. Но он уже целиком и полностью был на стороне советской власти. Он всей душой принадлежал ей. И просто «бандитствовать» в родном ему городе Григорий Иванович уже не мог по принципиальным соображениям. Как раз об этом в своих воспоминаниях напишет одна из участниц одесского подполья А. Н. Попенко. В отряде Котовского, утверждает она, наряду с большой агитационно-пропагандистской работой хорошо была поставлена военная и диверсионная работа. Отряд выполнял операции по борьбе с провокаторами, изменниками, шпионами.

О том, как Котовский «искал товарищей по былым налетам, чтобы продолжить лихие дела», поведал писатель Г. Ананьев: «Обосновавшись в шикарной гостинице, Котовский принялся заводить знакомства, и вскоре у него появилось много друзей среди офицеров, купцов и даже духовенства. Теперь он много знал об обстановке в городе, о планах белогвардейцев, что помогало ему действовать более осмотрительно. В военно-диверсионную группу он подбирал только тех, на кого полагался

как на себя. (…)

Подготовка шла успешно. Вскоре отряд был создан и в целях конспирации разбит на пятерки. На его плечи легли самые опасные поручения подпольной большевистской организации. День и ночь Котовского искали шпионы, за его голову австро-немецкие оккупанты назначили большую награду, но он был неуловим. К марту 1919 года его отряд уже насчитывал 250 бойцов».

Там же, в Одессе, состоялось и знакомство с Алексеем Гарри: «Пока Котовский вполголоса переговаривался с Павлом о своих делах, Гарри внимательно его рассматривал: напомаженная голова, черные волосы причесаны на прямой пробор, коротко подстриженные усики, в углу рта — незажженная гаванская сигара…

Гарри не таким представлял себе легендарного Котовского. За столиком сидел не то циркач, не то маклер с черной биржи. Смокинг облегал его могучие плечи, казалось, стоит только «Грише» сделать резкое движение, и костюм его треснет по всем швам».

Все тот же Гарри спустя годы расскажет: «Я не всегда сразу узнавал Котовского: способностью перевоплощаться он владел в совершенстве. Ему служили не только грим и костюм: он изменял походку, выражение лица, голос, жестикуляцию».

Первый биограф Котовского В. Шмерлинг не менее достоверно дополняет портрет Григория Ивановича в тот период: «Котовскому приходилось несколько раз в день переодеваться и менять парики, до неузнаваемости изменять свою наружность. Он выдавал себя за дородного помещика Золотарева, которого разорили большевики. У помещика Золотарева появилось много друзей и знакомых. Ему сочувствовали, с ним дружили. Среди других одесских кутил, посещавших рестораны и кафе, он славился как отличный игрок на бильярде, как знаток рысистых лошадей, как балетоман, имевший свое постоянное кресло в первых рядах Оперного театра.

Сигары Золотарев обычно покупал в маленькой лавочке на Ришельской улице, рядом с молочной «Неаполь». Там была явка боевых дружин. В подвале табачной лавочки хранился динамит.

Закурив сигару, помещик Золотарев направлялся на Дерибасовскую, где было особенно людно, и разгуливал там с приятелями: среда них было много осведомленных офицеров, которые откровенничали с ним и делились новостями.

В течение одних и тех же суток помещик Золотарев превращался в Гершеле Берковича, который имел на привозе большой лабаз, торговавший овощами. Гершеле Берковичу

удавалось получать овощи и фрукты даже из тех мест под Одессой, где оперировали «красные банды». Про Гершеле Берковича ходили слухи, что он связан с контрабандистами. И, действительно, выдавая себя за торговца овощами, Котовский связался с контрабандистами и, отгружая через них картошку, получал взамен для вооружения партизанских отрядов новенькие револьверы, винтовки и даже пулеметы. Иногда деловые люди часами разыскивали Берковича по городу и никак не могли его разыскать. В это время Котовский принимал «пациентов» на Базарной улице, в доме № 36, где он выдавал себя за врача.

Кроме случайных посетителей, к нему на прием приходили члены его боевой дружины и работники подполья, с которыми он поддерживал связь.

Многим в городе приходилось сталкиваться и с помещиком Золотаревым, и с торговцем Берковичем, и с представителем фирмы по оборудованию механических мельниц, и с частнопрактикующим врачом, который любил прописывать больным морские ванны, обтирания и массаж, но никому и в голову не приходило, что он имеет дело с одним и тем же лицом — Григорием Котовским.

В одесском подполье действовали по правилу: «не говори тому, кому можно, а тому, кому нужно». Только два человека были посвящены в тайну всех профессий Котовского — парикмахер-гример на Преображенской улице, в совершенстве обучивший Котовского искусству грима, и театральный костюмер, который доставал ему нужные костюмы по его фигуре».

Роман Гуль уже в эмиграции как-то услышал рассказ о Котовском в одесском подполье и записал его в первозданном виде: «Это было весной 1919 года. В цилиндре, в смокинге ехал, немного опоздав, Котовский в театр. На пышных дутиках, на бандитском лихаче по веявшим мартовским теплом вечереющим улицам Одессы, где на столбах объявлена награда за его жизнь. Но едет слушать Петра Ильича Чайковского.

Первый акт прошел благополучно, никто не обратил вниманья на крупного, рослого барина в смокинге, сидевшего во втором ряду и слушавшего Чайковского с подлинным наслаждением. Но в антракте глаз Котовского уже различил «нечто». Заметались какие-то штатские. И через несколько минут он явно услыхал свое имя.

В театре началось второе представление. «По Котовскому». Говорят, «с ужасом и восхищением» следили некоторые, как в партере поднялся и медленно пошел меж кресел крупный красивый человек с блестящей лысой головой. Не тот уж Котовский: уже обрюзг, ожирел, у рта легли глубокие складки,

глаза чуть прищурены и под глазами густая сетка морщин. Это немного уставший волк. Но еще очень сильный.

Котовский чувствовал облаву. Знал, что теперь надо одно: «бить на психологию». Боковые выходные двери заняты сыщиками. Но в руке с цилиндром Котовский идет не туда, а прямо к главному выходу. Надев чуть набок цилиндр, медленно спускается с лестницы, в упор смотря своими черными напористыми глазами в глаза стоящему внизу, кажется, сыщику. Сыщику остается только радоваться: за голову Котовского награда, и Котовский идет прямо на него.

Но вот, почти подойдя, Котовский вдруг останавливается, вынимает из кармана сигару, затем откусывает кончик и вежливо просит у агента прикурить. Тот подымает застывшую в руке папиросу. Может быть, Котовский сейчас начнет палить из маузера? Секунда, два шага — и Котовский несется по Одессе на своем лихаче».

Г. Ананьев приводит два случая, когда Котовский «тряхнул стариной» в борьбе за советскую власть: «На одном из заводов Одессы в декабре 1918 года забастовали рабочие. Заводчик выдал организаторов забастовки полиции и прибегнул к помощи штрейкбрехеров, чтобы пустить завод. Котовский по поручению областкома пишет заводчику письмо, настоятельно предлагая выполнить все требования рабочих, арестованных освободить.

Реакция миллионера-заводчика обычная — звонок в контрразведку.

Контрразведчики взяли дом под свою негласную охрану. Но разве это могло остановить Григория Ивановича? Изучив схему охраны дома, он решил взять себе в помощники дерзость.

И вот… Поздно вечером у дома заводчика лихо осадил красавцев рысаков богато одетый кучер, который гордо восседал на козлах коляски. Двое слуг торопливо открыли дверцу и, склоняясь почтительно, помогли господину сойти на землю.

Дальше все шло как в детективном фильме. Из темноты выскочил дежуривший в засаде контрразведчик в гражданском платье и только хотел спросить гостя, зачем он пожаловал к хозяину дома, как услышал:

— Через двадцать минут здесь будет Котовский. Я приехал предупредить.

Эти слова барин бросил небрежно и уверенно, словно информирован был и о засаде, и о письме заводчику.

Что оставалось делать руководителю засады? Обойти посты и предупредить, чтобы подготовились к встрече с Котовским.

А он тем временем сбросил дорогую шубу на руки швейцара и поднялся в кабинет хозяина особняка.

Разговор с заводчиком занял менее десяти минут. В карманы Григория Ивановича перекочевали из сейфа деньги и драгоценности, заводчик дал письменное заверение в том, что удовлетворит полностью все требования рабочих и примет меры к освобождению арестованных.

Неспешно, так же уверенно, как и поднялся, Котовский покинул особняк. На прощание бросил офицеру:

— Я подошлю подмогу. Будьте внимательны.

Рысаки рванули в темноту, унося дерзкого гостя. А у особняка вскоре завязалась перестрелка. Контрразведчики засады приняли прибывшую по звонку заводчика подмогу за отряд Котовского…

Не меньше находчивости проявил Г. И. Котовский, когда по поручению областкома провел еще одну операцию по экспроприации денег и ценностей.

…Богатый помещик Остроумов принимал гостей. Обильный ужин с не менее обильной выпивкой. Музыка, танцы. Вечер, как говорится, удался. Но вот гости разъезжаются по домам, остаются лишь избранные.

Их игра в покер затянулась, а когда лакей доложил, что прибыл киевский архимандрит Зосима с визитом в гости, гости и хозяин даже обрадовались. Появится новый партнер и оживит игру.

— Проси, проси.

Вошел высокий и плечистый священник с окладистой бородой и пышными, едва тронутыми сединой кудрями. Он охотно сел за карты и за игрой объяснил цель визита: не просто долг вежливости привел его в это богатое поместье, а желание послушать рассказ хозяина о том, какие новшества вводит уважаемый землевладелец на табачных плантациях.

Польщенный тем, что даже церковь наслышана о его новых агрономических методах, дающих хороший урожай табака, а значит, и приличные прибыли, охотно принялся Остроумов рассказывать о них. А гость тем временем брал взятку за взяткой. Но лишь до тех пор, пока не заметил, что хозяин и его гости начинают нервничать.

Игра шла бойко, ставки росли, разговор велся обо всем. Заговорили о Котовском. И это было естественно. Ведь буржуазные газеты стали вновь часто упоминать это имя на своих страницах, называя его атаманом банды грабителей. Любое убийство, совершенное в городе и окрестностях Одессы, любое ограбление приписывали ему.

— Руки коротки у Котовского, чтобы ворваться безнаказанно ко мне, — самодовольно похвалился Остроумов. — У меня под

ковром, рядом с ножкой стола, — кнопка звонка. Вмиг будет схвачен.

Гости, особенно архимандрит, расхваливали предупредительность хозяина, и игра шла своим чередом. Ставки росли. И когда на столе скопилась большая куча денег, архимандрит неспешно поднялся и, вскинув револьвер, скомандовал грозно:

— Ноги на стол! Я — Котовский!»

2

Утверждают, что некоторые свои операции Котовский совершал совместно с «королем» одесских бандитов Япончиком. Его биография действительно колоритна…

Мойше-Яков Вольфович Винницкий (1891) — потомок знаменитой еврейской династии Коротичей. В 6 лет остался без отца. Работал учеником в матрацной мастерской, учился в еврейской школе. Будучи электриком на одесском заводе «Анатра», во время еврейских погромов 1905 года участвовал в еврейской самообороне, после чего присоединился к организации анархистов-коммунистов «Молодая воля». За убийство полицмейстера Михайловского участка был осужден на смертную казнь, которую заменили 12 годами каторги (1907). В тюрьме познакомился с Котовским, а в 1917-м вышел на свободу и сошелся с анархистами.

В годы революционных перемен имя Япончика стало на слуху: «В октябре 1917 улицы Одессы стали ареной постоянных сражений между гайдамаками и милицией, — рассказывает В. Савченко. — Гайдамаки захватили Александровский участок и контролировали часть города, вывоз из Одессы товаров. В это время в Одессе появилась вождь левых эсеров Мария Спиридонова, которая «подлила масла в огонь» своими призывами к террору и революции.

Пользуясь паникой, банда Япончика ограбила почтовое отделение на Ближних Мельницах, несколько магазинов и складов в центре города. Сенсацией стало вооруженное нападение бандитов на Румынский игорный клуб. Под видом революционных солдат и матросов «люди» Япончика ворвались в клуб и, угрожая оружием, забрали с кона 100 тысяч рублей и еще 200 тысяч — из карманов посетителей. Более ста человек, присутствовавших в клубе, было ограблено. С женщин срывали бриллиантовые украшения и прятали их в голенища сапог. Один из посетителей клуба просто умер от страха, когда перед ним

предстало пятнадцать вооруженных бандитов, которые открыли стрельбу, ранив несколько посетителей…

Свои действия по «изъятию ценностей у буржуазии» Япончик приукрашивал рассуждениями об эксплуатации еврейского пролетариата. В то же время есть свидетельства о том, что Моисей Винницкий стал вкладывать «грязные» деньги в дело. Он активно преумножает свой капитал, контролируя торговлю ворованными вещами и одесскую «толкучку», наркобизнес и торговлю «живым товаром».

Япончик даже имел свой ресторан «Монте-Карло» на воспетой в песнях улице Мясоедовской № 6 и кинотеатр «Корсо» по улице Торговой. Он был держателем одесского воровского «общака», который только в 1917 году стал создаваться ворами Одессы.

Для успешной легализации Япончик использовал свое «революционное прошлое» и опыт. Он организует вооруженную Еврейскую дружину самообороны, «на случай погромов». Это полубандитское формирование уже не грабило, а реквизировало ценности «для нужд революции». Отряд тогда насчитывал 100–200 человек, вооруженных винтовками и револьверами, при двух пулеметах.

25 октября 1917 года, когда в Питере вершилась революция, одесские газеты сообщали о том, что в этот день в Одессе было совершено пять вооруженных налетов, 26 ограблений, в том числе на центральной улице в шесть вечера «грабители раздели даму». (…)

С конца октября в Одессе начали громить винные и спиртовые склады. Погромы эти, то разгораясь, то затухая, продолжались в течение четырех месяцев. Чтобы остановить толпы пьяных, идущих из предместьев громить город, командование применило даже броневики. Были перекрыты улицы, ведущие к окраинам Одессы, и образован «фронт» против громил. С этой целью власти вызвали пулеметную команду, пожарных, школу прапорщиков. Между тем толпой манипулировали «люди» Япончика, призывая «арестовать власть и грабить город». Толпа была остановлена только пулеметным огнем, на земле осталось 12 раненых и двое убитых.

Во время «винного бунта» Япончику удается устранить своего конкурента в преступном мире «Акулу» — Н. Дрогаева и стравить банды соседних районов Пересыпа и Слободки. Слободка превратилась в «бандитский фронт», где «сражались» за влияние несколько банд…(…)

В середине ноября Япончик инспирировал бунт в Одесской тюрьме. Заключенные, вырвавшиеся из бани, напали на стражников и, обезоружив их, открыли камеры и ворота тюрьмы.

Во время бунта было убито шесть человек, бежало 50 опасных рецидивистов, которые влились в банду Япончика».

Как предполагает Савченко, «к октябрю 1918 года Япончик сосредоточил в своих руках огромную власть над предместьями Одессы, прежде всего Молдаванкой, и уголовниками, которых в полумиллионном городе насчитывалось до двадцати тысяч. Контроль над ворами, «патронаж» над спекулянтами, проститутками, шулерами, валютчиками приносил не только большую «славу», но и громадные деньги. Япончик впервые объединил уголовный мир Одессы, став его «королем»».

При этом официальная власть в Одессе находилась в руках представителя гетмана Скоропадского, а фактическая — у германских и австрийских интервентов.

Однако это никак не отразилось на деятельности Япончика. «В октябре 1918 года несколько облав на Молдаванке с участием австрийских войск привели к ликвидации сильных банд Цыгана, Штоса и Ленского, после чего Япончик остался главным авторитетом района, — констатирует В. Савченко. — В октябре он совершает ограбление складов Земского Союза, мануфактурных товаров Левина, кожевенного завода. Налет на особняк помещика Консе, родственника «черносотенца» Пуришкевича, принес бандитам 800 тысяч рублей. (…)

11 декабря в город вступили украинские республиканские части. В то же время в порту высадились силы стран Антанты, преимущественно Франции. Они заняли несколько улиц вокруг порта и Николаевского бульвара.

Мишка Япончик решил воспользоваться ситуацией для освобождения из тюрем своих товарищей-уголовников. Во время митинга сторонников социалистических партий в Одесском цирке был выдвинут лозунг освобождения политических из тюрьмы. С пением «Марсельезы», под красным флагом толпа трудящихся и примазавшихся к ним бандитов штурмовала Бульварный полицейский участок и выпустила 56 уголовных и политических заключенных.

Вместе с дружинниками большевиков и анархистов Япончик решил штурмовать тюремный замок. Под видом веселой, шумной компании «люди» Япончика прошли немецкие заставы у Чумной горы и вышли к огромной городской тюрьме. У ворот тюрьмы уже бушевала трехтысячная толпа пролетариев, босяков и воров. Сняв часовых, они взорвали ворота и отняли у надзирателей ключи от камер. Всего было освобождено около 700 человек заключенных, в большинстве своем уголовников».

Как свидетельствовали очевидцы, Япончик был брюнетом, с неспокойными раскосыми глазами и широкими смуглыми

скулами. Одевался богато, с шьком. На «мокрые дела» шел неохотно, будто бы сам вид крови его смущал. Но это так, к слову.

«Когда к городу подошли советские войска, Котовский и Япончик подняли восстание на Молдаванке, в котором приняли участие и уголовники, и рабочие, — пишет Б. Соколов. — Белые и интервенты начали отступать к порту, а бандиты вволю пограбили склады, магазины и богатые особняки, где оставалось немало брошенного в панике имущества. Люди, переодетые в форму деникинских офицеров, средь бела дня подъехали к зданию Одесского государственного банка на трех грузовиках и предъявили предписание о вывозе денег и ценностей на пять миллионов золотых рублей. Через полчаса после их отъезда подъехали машины с настоящими офицерами, которым было предписано эвакуировать банк. Но эвакуировать, в сущности, уже было нечего. Молва упорно приписывала этот подвиг Котовскому, хотя и без него героев хватало».

В своей книге Шмерлинг приводит этот случай как факт: «Из подвалов Государственного банка Котовский вывез на грузовиках ценности, которые деникинцы намеревались захватить с собой». А 5 апреля 1919 года части Красной армии вошли в Одессу…

Прошел ровно год от момента отпуска по болезни нашего героя. Именно этот год и ставится под сомнение в биографии Котовского до сих пор. Например, вот как рассуждает историк В. Савченко: «Одесский «подпольный» период жизни Котовского — противоречив, лишен достоверных фактов. Обманом выглядят уверения Котовского о том, что он с апреля 1918-го «работал» в одесском подполье большевиков. Он явно хотел скрыть свое апрельское бегство с фронта. Его «запомнили» в Одессе только с ноября 1918 года, да и то не как деятеля подполья, а как «самодеятельного» налетчика-мстителя, а может быть, и грабителя, нападавшего как на частные квартиры, так и на государственные учреждения».

Но это не совсем так. О работе Котовского в подполье свидетельства все-таки существуют. В своих воспоминаниях их оставили непосредственные участники борьбы за советскую власть в Одессе. Причина же отсутствия большого количества документов и воспоминаний о Котовском в этот период связана, прежде всего, с методами работы подполья и самого Григория Ивановича. А это строжайшая конспирация, которой всегда и во всем придерживался наш герой. Выше об этом уже говорилось.

И еще один любопытный факт. 13 апреля 1919 года Григорию Ивановичу был выдан следующий мандат: «Тов. Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу,

поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма. Тов. Котовский работает на территории Одесского округа и подпольно в Бессарабии. Все советские учреждения, исполкомы, ревкомы, также подпольные советские организации оказывают указанному товарищу безусловное содействие». Выдал этот документ секретарь Одесского губкома партии Ян Гамарник. Мог ли такой ответственный представитель партии выписать мандат с серьезными полномочиями человеку, не проверенному в борьбе? Скорее нет, чем да. Потому что в документе черным по белому значится: «как испытанному и боевому товарищу».

3

Первая официальная должность Котовского — военком Овидипольского военного комиссариата, чуть позже — командир конного Приднестровского отряда 44-го стрелкового полка 3-й Украинской советской армии, затем — командир 2-й пехотной бригады (переименована в 12-ю) 45-й стрелковой дивизии и командующий Жмеринским боевым участком. Григорий Иванович воюет против многочисленных повстанческих отрядов, угрожающих тылу молодой Красной армии. Несмотря на хаос Гражданской войны, дикую неразбериху, голод, непостоянство людей и времени, Григорий Иванович получает первый командирский опыт. Но самое главное — он идет с новой властью напролом. У него нет колебаний.

В конце августа Одесса вновь в руках белых. Бригада Котовского в составе Южной группы Якира выступает в поход по тылам петлюровцев для соединения с основными силами Красной армии. Григорий Иванович назначен командовать левой резервной колонной (две бригады), насчитывающей более тысячи человек (900 штыков и 200 сабель). Перед началом движения комбриг берет слово:

— Товарищи, мы окружены со всех сторон разными бандами, которых поддерживает иностранная интервенция, и поэтому сейчас мы вынуждены отступать. Кто трус, пусть уйдет от нас, те же, кто верит в силу рабочего класса, кто верит мне, кто хочет победить, кто хочет пробиться на соединение с красными войсками, пусть остается со мной.

Он знал, о чем говорил… «На юге — море, англо-французский флот, поддерживающий белые десанты, на юго-западе — румыны, на севере — Петлюра и галичина. В тылу кулацкие бандиты, восстания, колокольный набатный звон,

разрушенные мосты, нападения на склады, постоянные стычки с отдельными отрядами и зверское уничтожение отдельных наших людей — связистов, продовольственников, агентов санитарной службы», — вспоминал Якир.

Другой очевидец, начальник штаба 58-й дивизии Я. Я. Петров, позже поведает о походе следующее: «Войска разделились на три колонны по фактическому их расположению: правую, состоящую из частей 47-й и 58-й дивизии во главе с начдивом 58-й И. Ф. Федько, левую — две бригады 45-й дивизии под общим командованием Г. И. Котовского — и центральную, возглавляемую начальником штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавым. Вместе с частями этой колонны находился сводный отряд партийно-советского актива Одессы, а также Реввоенсовет группы.

Каждой колонне указывался маршрут движения, встреча их намечалась в районе Умани, с тем чтобы затем совместно пробиваться через фронт белых. Предвиделось, что отрыв от регулярных частей противника потребует умелого маневра, а на пути следования неизбежны схватки с различными местными бандами, занимавшими территорию между железными дорогами».

Константин Фомич Юцевич, начальник штаба кавбригады и кавдивизии, описывая поход Южной группы, не мог забыть и своего командира: «Человек небывалой отваги, Котовский еще в годы первой русской революции проявил себя народным героем. Прославился он и в боях 1918 года — как командир конного разведывательного отряда под Тирасполем, руководитель диверсионных групп в тылу немецких оккупантов. Однако нашлись люди, которые противились назначению Григория Ивановича на должность командира 2-й бригады, распространяли слухи о его «партизанщине» и неизбежном превращении в «батьку». Гамарник решительно отмел подобные поклепы, поддержал кандидатуру Котовского. И не ошибся: Григорий Иванович в последующих боях показал себя талантливым командиром.

Оперативным планом Южной группы Г. И. Котовскому отводилась важная роль. Возглавляя левую колонну войск, он двумя бригадами — 1-й и 2-й — должен был по крайней мере двое суток сдерживать натиск петлюровцев на линии железной дороги Крыжополь — Рудница — Кодыма и около близлежащих сел, что позволило бы центральной колонне уйти от Бирзулы (Котовск) подальше на север, к Умани. Лишь после этого частям левой колонны надлежало оторваться от противника и следовать в тот же район.

Двое суток… Сколько они потребовали от воинов мужества и хладнокровия, небывалой стойкости, а от командиров, помимо всего, и умелой распорядительности! Трудности усугублялись тем, что прекратилась связь с центральной колонной и мы не знали, далеко ли она продвинулась, когда нам можно идти ей вслед. Решение целиком зависело от Котовского, и он сознавал свою огромную ответственность. Ведь в составе центральной колонны находились штаб и Реввоенсовет Южной группы, партийно-советский актив из Одессы, громоздкие обозы с боеприпасами, продовольствием, со спасенными ценностями одесского банка. Хотелось надеяться, что начальник штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавый с 3-й бригадой, дивизионной школой, возглавляемой храбрецом Иваном Базарным, другими подразделениями сумеет провести эту колонну по намеченному маршруту. А вдруг?.. Нет, лучше уж принять на себя еще один удар, но прикрыть, надежно прикрыть боевых товарищей… И Котовский, его подчиненные продолжали схватку.

Две небольшие по численности бригады стойко отбивали натиск двух петлюровских дивизий. Беспрерывно трещали пулеметы, пока вода не закипала в кожухах. Ружейный огонь то и дело сменялся звоном скрестившихся штыков. Отбивали одну вражескую цепь, а уже напирала другая. Два полка 1-й бригады почти полностью полегли в этой сече, заметные потери понесла и 2-я бригада. Но петлюровцы получили достойный отпор, откатились, оставив на поле боя много трупов своих солдат.

Выиграв время, Котовский отдал приказ об отходе. Совершить отход было не просто, но проходил он организованно, быстро, люди проявляли находчивость и военную хитрость…

На станции Рудница скопились красноармейцы, местные жители, беженцы. Неразбериха, казалось, полнейшая, перемешались подразделения и обозы. Команды старшин не действуют на возбужденную толпу. Но вот комбриг приказывает собрать духовой оркестр — звучит музыка, и бойцы строятся поротно. Открывается летучий митинг. Григорий Иванович произносит короткую речь. Он воздает славу героям, погибшим в боях. Хвалит полки за отвагу и стойкость. Призывает бойцов и командиров к выдержке и дисциплине. Напоминает — впереди еще долгий и трудный путь.

Части дивизии, погрузив поклажу на крестьянские подводы, под покровом ночи двинулись к югу. Да, именно к югу. Такое неожиданное направление было подкреплено заведомо распущенным слухом: «Уходим в родную Бессарабию». А пройдя полтора десятка верст, войска круто поворачивают на восток, затем на север. 6 сентября мы переправились через реку Буг в

районе села Хощеваты. Этот крюк, конечно, отнял драгоценные часы, зато запутал противника. Двигаясь ускоренным темпом, делая самые короткие привалы на ночлег, левая колонна через несколько дней догнала центральную.

Считаю долгом назвать наиболее близких и надежных помощников Котовского, которые обеспечивали выполнение боевой задачи. Это командир 1-й бригады Грицов и военком Левензон, с которыми Григорий Иванович действовал в контакте и согласии, командир 399-го полка этой бригады Попа, неунывающий, богатырского сложения человек, участник Первой мировой войны, один из организаторов известного Хотинского восстания. Попа дрался с петлюровцами мужественно. Он оставался с горсткой бойцов, но позиций врагу не у стушит. Из нашей 2-й бригады назову командиров полков Колесникова, Дьячишина, Криворучко и Нягу, людей стойких и умелых. Бойцы верили им безгранично, шли за ними в огонь и воду. Не могу умолчать о начальнике бригадного штаба Каменском, в прошлом поручике и левом эсере, который, однако, твердо встал на позиции советской власти. В походе он помогал Котовскому руководить заградительным сражением. Вместе они придумали и обманный крюк. Работая в штабе под началом Каменского, я все больше убеждался в его незаурядных способностях. Это был советчик Котовского, надежный исполнитель его приказов и распоряжений».

В начале второй половины сентября Южная группа соединилась с частями 58-й дивизии 12-й армии. За этот поход Котовский был удостоен первой своей награды — именных золотых часов.

4

После похода бригаду Котовского срочно перебросили под Киев. Сменив на позиции, перед деревней Новая Гребля, Интернациональный полк, котовцы оказались лицом к лицу с батальоном белых при 800 штыках и 12 пулеметах. Ночью 7 октября они одиннадцать раз атаковали горстку «большевиков».

Григорий Иванович хорошо запомнит тот бой: «Много изумительного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь как отдельными бойцами, так и целиком обоими полками.

…На рассвете, без артиллерийской подготовки, два маленьких полчка при поддержке спешенного эскадрона перешли в атаку, бросившись на противника в штыки.

Никогда до этого и после этого во все время Гражданской

войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки-офицеры понимали, что спасения нет, и дрались с психологией отчаяния. В результате боя они были уничтожены до одного человека, частью убиты, частью потоплены в речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину…

Трупы лежали грудами, иногда группой в 4–6 человек, и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг Друга, были пронзены штыками своих врагов, а те в свою очередь были убиты другими.

Маленькие полчки после этого боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен. Поредевшие ряды легендарных и вместе с тем скромных незаметных героев рвались к Киеву…»

Утром 7-го Григорий Иванович подписал подготовленное начальником штаба донесение:

«В 6 часов сего 7 октября лихой атакой совместно со спешившимся первым эскадроном кавалерии выбил противника из села Новая Гребля. Захвачено три пулемета Максима, 10 000 русских патронов и 60 винтовок. Противник отброшен за реку. Переправа занята нами. Части остановились и укрепляются».

А в конце октября 1919 года бригада Котовского прибыла в Рославль…

5

В Рославле бригада была отведена на отдых и переформирование. Только там к холоду и голоду котовцев добавился свирепствующий тиф, а затем поступил приказ от 1 ноября: «В двадцать четыре часа погрузить в вагоны весь личный состав, лошадей, артиллерию и обоз. Готовьтесь к немедленному выступлению. Грузитесь на Петроградский фронт…»

Но эта весть встречена бойцами без всякого энтузиазма. Григорию Ивановичу стоило немалых сил убедить их в необходимости отправиться на фронт. Сам же он начинает действовать, как настоящий командир. Прежде всего, Котовский направляет телеграмму в Вязьму, местным органам снабжения: «Ночью нами получен срочный приказ о немедленной отправке наших частей на фронт. Все красноармейцы голы и босы, большинство простужено. Необходимо тотчас же снабдить хотя

бы обувью и шинелями. Нам приказано сегодня же в 14 часов грузиться. Если не будет предоставлена обувь — валенки, шинели и полушубки, мы не сумеем выполнить боевой приказ. Я отвечу жизнью за невыполнение приказа, и ваша совесть будет нечиста».

Несмотря на категорический отказ, Котовский «выходит из положения». Он составляет акт о том, что его бригада не может приступить к погрузке из-за отсутствия обмундирования. Однако в 14 часов один его батальон, полностью экипированный в шинели, сапоги и валенки, грузится в заблаговременно натопленные вагоны. Затем бойцы все это снимают и передают следующему батальону. Не повезло последним: из-за недостатка времени им пришлось отправиться без обуви. Так приказ был выполнен… А недостающее обмундирование было подано в эшелон в пути его следования на фронт.

Под Петроградом, где части Красной армии собирались на борьбу с Юденичем, Григорий Иванович докладывает наверх: «Переброска утомленных боями частей бригады на Петроградский фронт, в абсолютном смысле голыми и босыми, колоссально отразилась на боеспособности частей бригады. Повальная эпидемия тифа, чесотка, экзема и простудные заболевания вследствие отсутствия белья и элементарного обмундирования и бани вырвали из рядов от 75 до 85 процентов… В заключение считаю своим долгом революционера заявить следующее: Я считаю, что по логике вещей и в высших интересах Республики Советов я не должен командовать бригадой на этом столь важном для республики фронте. Я не военный специалист, и если я смог командовать бригадой на Украинском фронте, то командование на тех фронтах было, несомненно, не так тяжело и ответственно, и ошибки, совершенные там командованием, не были так болезненно губительны и смертельны, каковой может быть малейшая ошибка здесь, на Петроградском фронте. Здесь нужны большие специальные знания и опыт командования бригадой…»

Честность и критичность в свой адрес комбрига Котовского вполне объяснимы. Прекрасно понимая, что стоит за защитой Петрограда, а также наблюдая катастрофический рост заболевших бойцов, он считал, что в такой обстановке не сможет выполнить поставленную ему боевую задачу. А значит, подведет… Это было не в правилах «атамана Адского». Что же касается его командирского опыта, то здесь Григорий Иванович также, совершенно искренне, переживал: вдруг ему не хватит знаний, умений и навыков, чтобы остановить врага…

Однако все решилось гораздо «проще». Комбрига свалило тяжелое крупозное двустороннее воспаление легких. Температура

выше сорока, бред…

Из госпиталя Григория Ивановича выписали в середине декабря, когда его бригада возвращалась на Украину, так и не успев повоевать с Юденичем.

6

Из Петрограда Котовский выехал на Украину. Где-то перед Брянском командир бригады оказался в одном вагоне с группой медицинских работников. Все они получили назначения на Южный фронт. Среди них оказалась Ольга Шакина…

Шмерлинг запишет с ее слов: «В вагоне, по дороге на Южный фронт, Котовский познакомился со своей будущей женой, другом и спутником в боевых походах — Ольгой Петровной Шакиной, молодым врачом. В день получения диплома она решила поехать добровольцем на фронт. О чем только ни говорили они под стук колес…

В Брянск прибыли поздно ночью. Предстояла пересадка. Вокзал был набит народом, и Котовскому с его спутником пришлось дожидаться наступления утра на перроне.

Котовский, ослабевший после долгой болезни, через силу боролся со сном; слипались глаза, он чувствовал, что вот-вот заснет здесь же, на перроне, на морозе. Ольга Петровна знала, что ее спутник только что перенес крупозное воспаление легких. Она заставила его надеть теплую меховую куртку, усадила Котовского на корзину и закутала ему ноги одеялом. Он сразу же заснул.

Ольга Петровна бодрствовала. Она смотрела на приближавшиеся и исчезавшие огни поездов. До нее доносились крики людей, осаждавших вагоны, сиплые гудки и лязг буферов. Гремел и вздыхал в темноте маневрировавший поезд. Она слушала, как рядом глубоко дышит прислонившийся к ее плечу человек — фронтовик.

Утром красноармейцы второй бригады и из других частей 45-й дивизии узнали, что Котовский на вокзале. Они обступили любимого комбрига. Обрадованные встречей, они кричали: «Ура! Котовский!»

Комбриг знакомил красноармейцев со своими новыми друзьями.

— Теперь нам болеть не страшно, везем на фронт врачей».

Встреча и знакомство Григория Ивановича с Ольгой Петровной станет поистине судьбоносным. Молодой врач Шакина станет ему женой, а еще — боевой подругой в походах. Она же составит краткий очерк о боевом пути кавалерийской бригады

своего мужа — «Боевой год бригады — 20-й год».

«12-го января 1920 г. в Екатеринославе в приказе по 45-й дивизии было объявлено о формировании кавалерийской бригады. Командиром бригады назначался командир 2-й пех. бригады 45-й дивизии Котовский. Котовский с Юцевичем (был переписчиком в штабе 2-й бригады) (точнее — помощником начальника штаба) из Екатеринослава выехали в местечко Лозоватку собирать кавалерийские части. Юцевич был назначен начальником штаба. 25-го января было закончено формирование, и бригада получила задачу содействовать 2-й бригаде в овладении г. Вознесенском. Свое первое боевое крещение получила 30-го января, заняв г. Вознесенском. 3-го февраля после упорного боя у д. Колосовки заняла Березовку. В первый раз я видела всю бригаду перед Вознесенском, когда бригада направлялась в тыл противника. Внешний вид желал еще многого: около 300 всадников в самом различном одеянии, кони, за небольшим исключением, клячи. Шествие замыкали санитарная повозка с санитаром, который олицетворял собою санчасть бригады, и 2 новые полев. кухни. В лице Юцевича — был штаб бригады. Но была уверенность в своей силе и стремление к победе. У большинства бойцов (бессарабцев) было стремление скорее разгромить противника и затем пойти на Бессарабию, очистить ее от румын. В Вознесенске я получила приказ о переводе меня в кавбригаду и догнала бригаду в м[естечке] Березовке. Здесь я осталась со «штабом» формировать санчасть бригады, т. к. много было оставлено раненых и больных, а полки двинулись на Одессу. Поход был так стремителен, что приказы не догоняли их, и 7-го февраля в 2 часа дня наша бригада ворвалась в Одессу со стороны Пересыпи. Пополнение бойцов за это время шло за счет добровольцев из молдаванских сел, через которые бригада проходила, 9-го февраля около Маяк бригада разбила противника около 5 тысяч, выдержав упорный бой, ибо тут собрались «сливки» — охранка, жандармерия, офицерство. Здесь бригада подлаталась — громадное количество захвачено было пулеметов, артиллерии и обоза. В то время бойцов в бригаде было 350. 12-го февраля бригада заняла Тирасполь совместно со 2-й бригадой. Трофеи были настолько огромны, что из армии была прислана комиссия по учету этих трофеев — одних бронепоездов 12. В половине февраля бригада направилась в г. Ананьев на формирование. Но недолго отдыхала бригада. Ее перебросили на Польский фронт в район Жмеринки. В этом районе на ст. Комаровцы бригада пробыла целый месяц в тяжелых условиях. Поляки ежедневно устраивали ночные налеты. Бойцы все время должны были быть начеку. Лошади были оседланы, боец не

отходил от лошади. Люди питались плохо, довольствие лошадей еще хуже. Заедала вошь. Но и при такой обстановке котовцы не изменили своей традиции — бить противника. Несколько раз так щелкнули по носу, что после этого поляки стали осторожнее. В половине апреля бригаду перебрасывают в 17-ю дивизию; 2-й полк уже был на Казатине, как вдруг измена галичан. Макаренко пошел на Винницу и с боем продвинулся и соединился с бригадой. Так перевод наш в 17-ю и не состоялся.

В конце мая после общего отступления с приходом Конной армии на фронте перелом и части вновь переходят в наступление. Наша бригада из Звенигородки идет на Лысянку, бои под Ольшанкой, Белой Церковью, Казатин, Любар (где был тяжело ранен Нягу и навсегда выбыл из строя), Грицово (где был исход боя определен поединком между офицером и Котовским), Изяславль, Катербург, Горленка (где был контужен Котовский и выбыл из строя на 6 недель), Бабья Гора (работа группы Осадчего), рейд в тыл к полякам в Почаев, захват польских генштабистов; операции в Галиции — бой под Красным. Отступление с боями, где захватывались трофеи. Бои перед заключением перемирия.

Затем переброска на петлюровский фронт и работа котовцев здесь как заключительный аккорд конца 20-го года — первого года существования кавбригады. К концу операции бойцов было 250 ч., награждены орденами Красного Знамени около 200 чел. За этот год пополнялась бригада добровольцами — перебежчиками из Бессарабии, конское пополнение, обмундирование, снаряжение — за счет противника. В чем была сила бригады? — что сделало ее непобедимой, что наводило панику у противника и вселяло бодрость в наших соседних частях только при одном слухе, что Котовский здесь неподалеку? Характерный штрих: на Жмеринку прибывает к нам из Одессы группа добровольцев в 30 человек, все одеты как смотровые, все кавалеристы — красные галифе, синие гимнастерки. Котовский принял их, произнес речь, смысл которой был тот, что в бригаде может быть тот, который не боится смерти, решил во имя революции пожертвовать собой, кто готов на это — может остаться. Осталось всего 2 человека. Бригада была сильна внутренней спайкой, железной дисциплиной. Не было отдельных личностей, а была бригада в целом — одна семья. Каждый давал максимум энергии в порученном ему деле, проявляя инициативу, чувствовал ответственность в своей работе. Крепка была бригада дисциплиной — мародерства не допускалось. Был один случай, когда один красноармеец стащил у крестьянки платок. Она пожаловалась прямо перед самым уходом полка из села. Летучий митинг и после постановил расстрелять этого красноармейца.

Население довольно было нашей стоянкой, т. к. никогда никто ничего не требовал от крестьян. Было дело в Росоховатке — мы там стояли порядочно. Крестьяне, помня «хорошее отношение панов», были рады нам и спокойно жили, т. к. никаких сборов у них не было. После нашего ухода проходила Буденновская часть и забрала свиней у крестьян — крестьяне прислали делегацию с жалобой на буденновцев и прося заслушать, мы тогда были в Лысянке под Таращей. Настолько боец был связан с бригадой, что даже выбывая из строя раненый или б[ольно]й, он не хотел уходить из бригады. Один был вопрос — а как я потом догоню свою часть, когда выздоровлю? И бригаде приходилось «явочным порядком» устраивать у себя походный лазарет. Оборудование также было «за счет противника».

Перед боем всегда было задание: при наступлении на противника чем надо пополняться. Если надо было пополнять коней — то зарабатывали коней, пулеметы — то зарабатывали пулеметы. Не обижали бойцы и свою санчасть — мои заказы также выполнялись.

Бригада жила одной мыслью, одним желанием — «За власть Советов». Твердо блюли традиции бригады: бить врага, не считая, умирая, не сдаваться!

Революционная дисциплина, выдержанность, сознательность проходила красной нитью через весь боевой путь бригады. Даже оторванные далеко от Днестра в Тамбовской губ. бойцы отказались от демобилизации, пока не уничтожена будет антоновщина. Высокий образец революционной выдержанности проявила бригада при секретной операции на Антонова — маскировку во фроловцев.

Беззаветная храбрость, самоотверженность, неутомимая энергия организатора и командира бригады воодушевляла бойцов.

Погиб Котовский, погиб Нягу, Макаренко, Просвирин и много бойцов, незаметных героев, но традиции, выкованные в боях, живы. Они поведут дивизию к новым победам в последней схватке».

Глава восьмая
«Наиболее выдающийся»

1

Заведующая Военно-историческим музеем штаба кавалерийской бригады Котовского Л. Белоус рассказывает: «Новый, 1920-й, год начался с ликвидации Революционным Военным Советом Республики Южного фронта, поскольку основные операции по борьбе с добровольческой армией генерала Деникина были завершены. Этот фронт с 10 января стал именоваться Юго-Западным, что говорило о региональной направленности его будущих действий. Но крайняя степень потенциальной истощенности страны вынудила советское правительство взять курс на «мирную передышку», т. е. приостановить операции на фронтах и попытаться восстановить пришедшее в упадок хозяйство, но бои местного значения не прекращались.

12 января 1920 года командование 45-й стрелковой дивизии переформировало свои кавалерийские дивизионы в два кавполка, а последние свело в кавбригаду.

Это было связано с установкой председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого на создание кавалерийских соединений, которым отводилась примерно такая же роль, какую потом сыграли мощные танковые группы в годы Великой Отечественной войны. Именно конница способна была совершать стремительные операции по окружению противника, прорывы и маневры на большие расстояния. А в степных, южных районах, с их плохими дорогами, умелое использование кавалерии приобретало особое значение.

Командиром кавбригады был назначен Г. И. Котовский. Только что сформированная бригада находилась в районе города Кривой Рог.

13 января Григорию Ивановичу было приказано срочно сосредоточить полки кавбригады в районе с. Лозоватка, «привести части в порядок и с максимальной быстротой двигаться в г. Вознесенск». Но временно откомандированный в распоряжение 41-й дивизии кавполк, возглавляемый молдаванином И. С. Нягу, прибыл в распоряжение комбрига только через 10 дней. Основу полка составляли повстанцы и партизаны, попавшие в дивизию, в основном из Хотинского и

Сорокского уездов Бессарабии. А в селе Лозоватка к бригаде прибились еще полторы сотни крестьян-партизан под командованием И. П. Ганзина.

Такая «пестрота» была типичной — в соединениях Красной армии воевали представители всех народов России, даже иностранцы: венгры и австрийцы, чехи и поляки, финны и китайцы. Рядом с опытными бойцами сражались вчерашние крестьяне. Всё это, конечно, осложняло задачи командования, вынужденного оперативно «склеивать» разнородные фрагменты в единый боеспособный организм.

Но Котовский успешно справлялся с этой задачей и охотно принимал в свою бригаду всех желающих.

Положение осложнялось еще и тем, что неожиданно ударили крепкие морозы — непривычное явление для юга Украины.

А что в это время происходило в стане белой армии?

23 января уцелевшие части добровольческой армии под началом генерала Бредова, минуя Одессу, отходили в направлении Бессарабии. Отряд генерала Стесселя должен был прикрывать эвакуацию Одессы, английское морское командование дало гарантию, что отряд будет вывезен последним на их военных судах под прикрытием судовой артиллерии.

Но 25 января город перешел в руки большевиков. Английский флот был пассивен, и отступавшие к карантинному молу отряды подверглись губительному пулеметному огню. Только небольшая часть людей с мола попала на английские суда, некоторые прорвались через город в направлении к Днестру, остальные погибли…

8 февраля после упорных боев Одесса была взята войсками Красной армии. Часть добровольческих войск эвакуировалась в Крым, другая была прижата к берегу Днестра.

9 февраля котовцы заняли с боями местечко Маяки и вышли к Днестру. Части отступающих белогвардейцев сосредоточились вблизи станций Бирзула, Раздельная и Тирасполь. При этом румыны не пропускали их на свой берег, открывая при попытках переправы пулеметный огонь.

12 февраля 1920 года Тирасполь был официально взят бригадой Г. И. Котовского.

В фондах Тираспольского объединенного музея хранятся документы и материалы участников описываемых событий. «Вначале, — пишет бывший боец 2-го кавалерийского полка бригады Г. И. Котовского, впоследствии генерал-майор В. Л. Цетлин, — жители Тирасполя приняли нас за конницу противника… Но скоро убедились, что в город вошли красные конники Котовского, среди которых было много тираспольчан.

Стали раздаваться радостные возгласы, восторженные крики, приветствия…».

Но 12 февраля бои в Приднестровье не завершились. Белогвардейцам терять было нечего, и они не собирались сдаваться.

Части 45-й и латышской дивизий 13–16 февраля вели ожесточенные бои за Дубоссары и Григориополь. При поддержке партизан части 45-й дивизии заняли села Попенки, Гидирим, Ташлык, Чобручи, Глиное и Воронково.

В районе от р. Припять до Днестра красным бойцам противостояла польская армия. Бои в эти дни шли с переменным успехом. Обороняющиеся войска белой армии прорывались в Приднестровье на соединение с поляками. В южной части Тираспольского уезда к 15 февраля произошла концентрация значительных сил Добровольческой армии — около шести тысяч человек и 300 кавалеристов. Они сосредоточились в немецких колониях Кандель и Зальц, готовя удар в направлении Глиное — Слободзея — Тирасполь. Против них была брошена кавбригада Г. И. Котовского.

15 февраля в одном из таких боев погиб комиссар 2-го полка бригады В. Ф. Христофоров, близкий друг комбрига, захороненный ныне в Тирасполе на Мемориале Славы. Один из переулков нашего города носит его имя.

13–16 февраля войска красных заняли Дубоссары, Григориополь. 18-го — Рыбницу.

Стремительное продвижение бригады Котовского вдоль Днестра помешало деникинцам переправить на правый берег ценные грузы, которые Григорий Иванович передал в распоряжение Тираспольского ревкома.

Штаб кавбригады находился в Тирасполе, в здании гостиницы «Париж», где в настоящее время открыт музей штаба кавбригады Г. И. Котовского. Находясь в Тирасполе, бригада пополнялась новыми бойцами из числа военнопленных и местных жителей, поэтому при штабе было создано вербовочное бюро. Многие отмечали такие качества Котовского, как объективность, непримиримость к мародерам, грабителям. Подтверждением этому могут служить воспоминания монархиста, бывшего члена Государственной Думы, попавшего в плен к котовцам, В. В. Шульгина: «Он (Котовский) не только категорически приказал не обижать пленных, но и заставил себя слушаться. Не только в Тирасполе, но и по всей округе рассказывали, что он собственноручно расстрелял двух красноармейцев, которые грабили наших больных офицеров…»

За период боёв в Приднестровье бригада Котовского,

насчитывавшая около 700 бойцов, взяла в плен 6 генералов, 1100 офицеров, около 10 000 солдат, захватила 342 пушки, 500 пулемётов, 23 бронепоезда и боеприпасы.

Этими событиями заканчивается Гражданская война в нашем крае. 26 февраля, согласно приказу штаба 14-й армии, кавбригада была направлена в г. Ананьев на доформирование.

За блестящее проведение Одесской операции высшей военной наградой Советской Республики, орденом Красного Знамени, были награждены Г. И. Котовский, Н. Н. Криворучко, И. С. Нягу, В. П. Девятый, Н. Ф. Скутельник и другие бойцы и командиры кавбригады».

2

Вспоминая минувшее, Якир называл Григория Ивановича «наиболее выдающимся» из всех командиров своей 45-й дивизии: «Я… не буду разрешать спор между командиром 41-й дивизии Осадчим и покойным Григорием Ивановичем Котовским. Уверен только, что без героических действий Котовского не занята была бы Одесса. А из Одессы нашу западную разграничительную линию завернули на Тирасполь, и быстрыми аллюрами Григорий Иванович ушел по ней.

В то же время компактная группа белых тысяч в десять, ушедшая из Одессы на Овидиополь — Маяки, двинулась на немецкие колонии Баден — Страсбург и вышла к нам тыл. Быстрыми действиями пехотных и кавалерийских частей нам удалось здесь, у Лимана, задержать движение этой группы наиболее отчаянных белогвардейцев. Они пытались перебраться на румынский берег. Румыны, боясь, что вслед за ними рвемся и мы, встретили их пулеметным огнем, убивали женщин, детей… Они вернулись и после короткого боя вынуждены были сдаться. Это были последние остатки армии Деникина на правобережье.

Кадры нашей дивизии состояли из бессарабцев; только огромная выдержка могла заставить их остановиться, не двигаться дальше через прочный лед в свои родные края. Пощелкали зубами, поглядели на свой берег, кавалеристы Котовского помаячили в своих красных шароварах по буграм и… ушли от Днестра. Двинулись в новый поход…»

В 41-ю дивизию кавбригада Котовского была передана временно. Как подчеркивает Шмерлинг, «начдив 41 всячески сдерживал порыв Котовского. Он преувеличивал силы противника и недооценивал боеспособность кавбригады, предупреждая ее командира, что, по его сведениям, под Одессой сосредоточилось

до пятидесяти тысяч белогвардейцев».

До Одессы оставалось всего 40 верст, когда бригада Котовского заняла телеграфную станцию Потоцкое, расположившись на отдых. Григорий Иванович потребовал у телеграфиста телеграфную ленту за прошедшие сутки, и вдруг раздался стук ключа… Оказалось, станция Раздельная, занятая белыми, вызывала Одессу. Комбриг приказал отключить Одессу, а на вызов ответить: «Я — Одесса».

И Григорий Иванович стал принимать сводку, адресованную начальнику Одесского гарнизона: «Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41 дивизия южнее Березовки, 45 дивизия севернее Березовки и конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все. Генерал Шевченко. Кто принял сводку?»

Ответ был ошеломляющим: «Сводку принял Котовский!»

Недолгая пауза и на ленте появляется возмущение: «Что за безобразие в такое время заниматься шутками!»

В ответ снова: «Сводку принял Котовский!»

Опомнившись, генерал предлагает Григорию Ивановичу повести свою конницу против большевиков.

Но не тут-то было: «С малых лет я веду борьбу с эксплуататорами рабочих и крестьян и буду вести до тех пор, пока вы окончательно не будете уничтожены. Часа через три ждите меня в Одессе». Теперь разговор окончен…

О том, как кавбригада Котовского входила в город, свои ценные воспоминания оставил И. М. Жалоба: «В Одессу мы вошли с Пересыпи по Московской улице, через Черный мост… дошли до 1-й заставы и увидели… поезда деникинцев, которые двигались от станции Одесса-Главная на Раздельную. Г. И. Котовский дал нам приказ открыть огонь по поездам. Бой был горячий, наши артиллеристы так стреляли, что дула были горячими, и деникинцев загнали обратно в Одессу — на станцию Одесса-Главная. Наша бригада пошла дальше в село Дальник, где было полно деникинцев. Это было в 12 часов ночи, а мы с самого утра ничего не ели. В Дальнике мы открыли пулеметный огонь с 25 тачанок и орудий. Здесь мы захватили много пленных, орудий, пулеметов и боеприпасов. Утром часть кавалеристов поехала в город и освободила тюрьму, а остальные пошли в колонию Фрейденталь, где захватили много трофеев, а потом двинулись в село Маяки… загнали деникинцев в плавни. Тут уже стали сдаваться без боя. Последний бой был в немецкой колонии Зальц, где Г. И. Котовский построил кавбригаду и сам… повел кавалеристов на деникинскую пехоту… Здесь наша бригада

захватила несколько тысяч пленных, несколько генералов и много трофеев…»

Донесения Котовского начальнику 41-й дивизии прекрасно передают обстановку тех дней и, конечно же, настроение самого комбрига:

«У вас, товарищ начдив, полнейший кавардак. Прошло пять часов с момента, когда вы обещали прислать смену на станцию Застава 1, а ее нет… Связь поставлена до невозможности плохо, даже на вокзале главном ни до кого не дозвонишься. С городом никакой телефонной связи, т. е. с штабдивом… Прижмите вашего начальника связи, чтобы он установил связь с вокзалами и заставами, не забудьте, что Застава первая есть рубеж… Оставляю взвод еще до девятнадцати часов. Если ему не прибудет смена, он уйдет на Маяки».

«8-го февраля, 12 часов 20 минут. Доношу, что доблестная, вверенная мне кавбригада и батарея, исполняя данную ей задачу, в своем направлении на маяки настигла неприятеля в селении Николаевское, оно же Фронталь. Противник состоял из следующих частей: Уланский полк, 75-й Севастопольский, 42-й Навагинский, запасной батальон, инженерные части и четырехорудийная батарея. Кавбригада повела наступление и после часового боя и отчаянного сопротивления противника разбила его наголову. Остатки неприятеля в панике бежали в направлении Маяки — Овидиополь. Захвачены четыре орудия, восемь пулеметов, громадный обоз и более двухсот пленных. Офицерство частью перебито в бою, частью застрелилось само. По последним сведениям, полученным от крестьян, противник в большом количестве движется по берегу Днестра от Тирасполя к Маяки, где он решил во что бы то ни стало удержать переправы».

«11-го февраля, 17 часов. Вчера, 10-го, выступив с кавбригадой в Маяки, в течение целого дня выбивал и обезоруживал противника, засевшего в плавнях, так как румыны их в этом районе не пропускают. Ночевал в Греденице. Сегодня утром выступил из Греденицы через колонии Кандель и Зельц, где встретил конную разведку противника. Противник оказался более 1500 сабель и 500–600 — пехоты, при двух батареях и пяти бронепоездах на станции Кучурганы. Стремительной кавалерийской атакой противник был выбит из колоний Баден и Страсбург, из которых в полнейшей панике бежал в направлении Ново-Савицкая — Тирасполь, бросив орудия, пулеметы и много обоза.

Бронепоезда противника все время обстреливали нас ураганным огнем из всех орудий. Завтра двигаюсь на Тирасполь».

Что же касается освобождения Одессы, то оперативная сводка

45-й дивизии от 7 февраля 1920 года фиксирует следующее: «Кавчасти 7 февраля на рассвете выступили из села Кубанка и пошли к городу Одесса со стороны Пересыпи. Неприятель, засевший в центре, упорно сопротивляется. Кавбригада, окружив город со стороны заставы, первой выбила оттуда противника, парализовала бронепоезда и тем самым способствовала занятию города. Продвигаясь дальше во исполнение приказа по 41 дивизии, 8 февраля в 20 часов настигла в Дальнике противника, разбив его наголову».

А 12 февраля 1920 года кавбригада Котовского освободила Тирасполь…

3

С 14 февраля 1920 года белые прорывались на север на соединение с петлюровцами. Развернулись тяжелейшие бои. Котовцы пошли наперерез противнику… Как уточняет Шмерлинг, только с 14 на 15 февраля котовцы в конном строю ходили в атаку девять раз.

Тогда же русский политический и общественный деятель В. В. Шульгин, как и многие его товарищи, оказался в плену у котовцев. Несколько позднее он напишет об этом, прямо скажем, не без удивления и восхищения к персоне Котовского, оставив очень важное свидетельство для истории:

«Мы шли вчетвером — поручик JL, мой податной инспектор, Ляля и я. Шли по дороге, залитой солнцем. Даже нельзя себе представить, что было так невыносимо холодно ночью.

Вот идет какая-то конная часть. Очевидно, эскадрон дивизии Котовского. Очень приличный внешний вид. Хорошие лошади, седла, амуниция — все в порядке. Если бы они носили погоны, это напоминало бы старую русскую армию.

Мы бредем по дороге вдоль плетней.

— Вы кто такие?

Это спрашивает офицер — не офицер, ну, словом, то, что у них заменяет офицера, — «товарищ командир».

— Мы… мы пленные…

Это тут так принято отвечать. Не в первый раз нас уже спрашивают. Эта дорога в Тирасполь очень напоминает мне что-то такое. Где это было? Да, это было в Галиции, когда мы брали в плен австрийцев. Они вот так шли по дорогам, от одного этапного коменданта к другому. Никто их не трогал, шли себе. Так и мы идем. И много таких же стаек, как наша.

— Так вы пленные… полковника Стесселя?

— Да.

— Ну, так вам к коменданту… В Тирасполь — прямо…

Вошли в предместье города.

— Товарищи, будем меняться.

Это он ко мне обращался. В ворогах стоял мальчишка-красноармеец.

— Что менять?

— Вот папаху менять…

Я стараюсь сообразить, что может из этого выйти. Пожалуй, моя офицерская папаха действительно мне сейчас «без надобности».

И в то же мгновение мелькнула мысль, вернее план, — переодеться этим способом. Мальчишка как бы понял мои мысли. Он сказал:

— Вам, товарищ, в вашем положении лучше меняться.

Я согласился и выменял папаху. То, что он мне дал, было нечто сногсшибательное: какая-то собачья шапка какой-то дикой формы. Моя внешность в «товарищеском» смысле от этого сразу выиграла.

Мы пошли дальше. Теперь я уже сам осматривал, нельзя ли выменять и бекешу на какое-нибудь штатское пальто. Одновременно я стал соображать, что все же тут не обойдется без какого-нибудь обыска. Во всех воротах стояли «товарищи», и в воздухе пахло заставой. Мой податной инспектор был в штатском пальтишке. Я решил, чтобы он отделился от нас и шел вперед самостоятельно, взяв с собой все деньги. Его пропустят.

Это было сделано вовремя. Действительно, к нам подошел патруль или что-то в этом роде. Во главе был молодой офицер — не офицер, словом, человек весь в кожаном. Но лицо у него было симпатичное. Я почувствовал, что надо взять инициативу, и предупредил его вопрос.

— Товарищ, не хотите ли меняться на мою бекешу? — Бекеша была у меня очень недурна. Он окинул меня взглядом и ответил:

— А вам, наверное, надо штатское пальто… У меня есть, вам подойдет… черное… Идите со мной.

Мы пошли по улицам. День был теплый, и солнце ласково грело. Не помню, как начался разговор. Он сказал:

— Как мы все довольны, что товарищ Котовский прекратил это безобразие…

— Какое безобразие? Расстрелы?

— Да… Мы все этому рады. В бою, это дело другое. Вот мы несколько дней назад с вами дрались… еще вы адъютанта Котовского убили… Ну бой, так бой. Ну кончили, а расстреливать пленных — это безобразие…

— Котовский хороший человек?

— Очень хороший… И он строго-настрого приказал… И грабить не разрешает… Меняться — это можно… У меня хорошее пальто, приличное.

Не знаю, почему, разговор скользнул на Петлюру. Он был очень против него восстановлен.

— Отчего вы так против Петлюры?

— Да ведь он самостийник.

— А вы?

— Мы… мы за «Единую Неделимую».

Я должен сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полезли на лоб. Три дня тому назад я с двумя сыновьями с правой и левой руки, с друзьями и родственниками, скифски-эпически дрался за «Единую Неделимую» именно с этой дивизией Котовского. И вот, оказывается, произошло легкое недоразумение: они тоже за «Единую Неделимую».

Мы подходим к караулке. Тут он, правда, пониженным голосом, стал чистить коммунистов. К этому уже я был несколько подготовлен: я вспомнил тех двух делегатов Котовского на берегу Днестра:

— Сволочь коммунисты…

Этот говорил в том же роде. Я посмотрел на него сбоку: «не наш ли ты?» Нет, он не был офицер. Это красный командир большевистской формации.

Мы вошли в караулку. Как я и предвидел, без обыска не обошлось. Наступила решающая минута, когда депо дошло до паспортов. У меня их была целая куча. Я решил пойти напрямик. Я сказал ему:

— Товарищ, я скрываться не буду. Вот мой настоящий паспорт… А это подложные… А это совсем мне не нужный… случайный… а вот эти — женские паспорта. Их мне надо отдать… Так вы этот заберите, ненужный, а остальные мне отдайте…

Я внимательно смотрел ему в лицо, когда он просматривал мой настоящий паспорт.

— Василий Витальевич Шульгин…

Нет, он, по-видимому, не знал, ничего не слыхал обо мне. Проехало…

Он сделал так, как я ему говорил. Взял паспорт, который я объявил ненужным, а остальные отдал мне. Вещей у меня собственно никаких не было. Несколько фотографий. Впрочем, тут была одна маленькая подробность, которую, я не знаю, стоит ли рассказать. У меня в круглой коробке от лепешек Вальда была целая коллекция иконок, подаренных мне в разное время. Он спросил:

— Можно взять одну на память?

— Возьмите.

Остальное он мне все вернул.

Затем началась мена. Я обменял бекешу на черное штатское пальто, не очень приличное, но возможное, самое подходящее к моему положению; обменял френч на нечто достаточно невозможное. Уже не в порядке мены, а просто потому, что «вам, товарищ, это не подходит, и все равно дальше отберут», — содрали с меня кожаные хорошие краги. Их мне было жалко.

В это же время происходила мена с поручиком Л. и с Лялей.

Тут дело не обошлось без некоторых легких недоразумений. Поручик Л. отказался менять свое пальто, которое было, во-первых, штатское, во-вторых, теплое. А у «товарищей» из караулки разгорелись глаза. Они стали «примушивать» (чисто украинское слово от немецкого «müssen»).

Тогда «товарищ командир» вступился:

— Товарищи, нельзя принуждать… Помните, приказано только по соглашению.

У Ляли оказались «колокольчики», которых он не успел передать. Их быстро разобрали — «в карты гулять».

В общем — переодетые, мы продолжали путь. Ляля, впрочем, плохо переоделся; ему дали вместо его английской новой шинели — рваную серую.

Еще произошел маленький инцидент. У Ляли была золотая ложечка, которую ему подарила какая-то барышня на счастье, почему он ею дорожил. Один из «товарищей» отобрал ее у него в караулке. Но не прошли мы и ста шагов, как он нагнал нас.

— Возьмите вашу ложечку, товарищ. Не хочу…»

4

После жарких боев кавбригада Котовского некоторое время стояла в Ананьеве на отдыхе и переформировании. Именно там комбриг и сыграл свою свадьбу в начале марта… В торжестве приняли участие все командиры-котовцы. Но уже 15-го кавбригада покинула город, отправляясь на фронт с белополяками.

Предыстория этой войны была такова: «Поражение России и Германии, а также Австро-Венгрии в империалистической войне вновь — впервые после польского национального восстания 1863 года — реанимировало идею польской государственности. То, что Германия и Австро-Венгрия в ноябре 1916 года и Россия в августе 1914 года и в марте 1917 года объявили о намерении создать

независимую Польшу, не только не уменьшило, а, пожалуй, увеличило стремление поляков стать независимыми и от Германии, и от России, и от Австро-Венгрии. А после того, как пришедшие к власти в России большевики провозгласили право народов на самоопределение и взяли курс на мировую революцию, оттолкнув от себя бывших союзников по войне, взоры поляков и других лимитрофов обратились к Антанте. Получив в 1918 году независимость и еще не имея четко очерченных границ, Польша при активной и решающей помощи государств Антанты, в первую очередь — Франции, и в условиях хаоса и политического вакуума начала стремительно приобретать доминирующую роль в Восточной Европе. В течение двух-трех лет она стала основным форпостом западных союзников, своеобразным «восточным бастионом Версальского договора».

Эта роль Польши как «буфера» между Россией и Германией и «опоры» Версальского договора, не признаваемого большевиками, не устраивала Россию, и она решилась на жесткий военно-социальный эксперимент в Польше. В годы Гражданской войны и интервенции советская власть чувствовала себя крайне неустойчиво. И у правительства Юзефа Пилсудского был большой соблазн воспользоваться этим обстоятельством, тем более, что еще в конце 1918 — начале 1919 года Польше удалось захватить некоторые украинские, белорусские и литовские земли. (…)

Во время Первой мировой войны австро-германский Регентский — оккупационный — совет передал Пилсудскому власть: он стал Начальником государства и главнокомандующим польской армии. Именно он провозгласил 16 ноября 1918 года независимость Польского государства. Как впоследствии неоднократно писал сам Пилсудский, он видел целью своей жизни сохранение этой независимости, стремление «уберечь Польшу от чуждого, навязанного полякам устройства жизни». И, защищая суверенитет страны, вполне осознанно шел на захват территорий, унаследовав эту «привычку» от правителей империи, частью которой еще совсем недавно была Польша. Гражданская война в России как следствие большевистского переворота октября 1917 года неминуемо должна была «столкнуть лбами» Россию и Польшу. Русская революция остановилась в 1920 году на польской границе.

В феврале 1920 года политическое и государственное руководство Советской России приняло решение о начале разработки операции, направленной против Польши» *(Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского).

В тот же день, то есть 15 марта, кавбригада Котовского выгрузилась на станции Жмеринка, а уже оттуда отправилась в

район станции Комаровцы. Несколько километров их разделяли с белополяками.

По утверждению Шмерлинга, чтобы разбить Котовского, противник сформировал «полк смерти» и начал подготовку к наступлению. Однако Григорий Иванович опередил врага и с первого удара разбил его наголову. После этого на Котовского началась самая настоящая охота…

Когда 6 мая белополяки заняли Киев, кавбригада Котовского переправилась через Буг и, закрепившись на рубеже, встала в ожидании подхода Первой конной армии для контрнаступления.

Началось оно 27 мая, а 30-го котовцы после многокилометрового марша остановились на отдых. Полки купались по очереди, совершенно не ожидая атаки противника.

«Котовский, — фиксирует Шмерлинг, — выкупавшись, начал делать гимнастику. Вдруг вблизи раздались взрывы гранат и ружейная стрельба. Белополяки выскакивали из пшеницы.

Котовский сразу же сообразил, в чем дело. Он вскочил на Орлика.

— По коням! Не одеваться! Марш за мной! Шашки на голо-о!

Штаб-трубач заиграл атаку.

Бойцы быстро выводили лоснящихся коней из воды, садились верхом и с места галопом кидались вслед за комбригом, мчавшимся на врага.

Белополяки уже вели бой с первым полком, стоявшим в стороне от пруда. И вот в их ряды ворвались голые всадники с поднятыми, сверкающими на солнце, клинками.

Началась отчаянная рубка. Легионеры не выдержали страшного натиска необычайной конницы. Одни из них бежали к окопам, другие бросали оружие и, подняв руки вверх, сдавались в плен.

Некоторые из белополяков все же успели добежать до окопов. Котовцы спешивались с лошадей и лезли под проволочные заграждения.

Под проволокой погиб знаменщик 2-го полка. Уже смертельно раненный, он продолжал ползти вперед; колючки разрывали его тело. Клочья знамени, окропленные кровью, остались на проволоке.

Котовцы потеряли двадцать семь бойцов. Был ранен в живот командир 2-го полка Макаренко…

Белополяки под Олынанкой потеряли четыреста человек убитыми, столько же было взято в плен».

Как свидетельствовали очевидцы, в те дни Григорий Иванович часами просиживал за картами, занимаясь, как он сам говорил «математической психологией».

Он «заранее намечал план боевых действий, распределял боевые задачи между полками, отмечал на картах рубежи, подсчитывал количество боеприпасов, наличие лошадей, вычислял крутизну скатов, непреодолимых артиллерией».

Изучая карту, Григорий Иванович «видел перед собой не только овраги, мосты и переправы», но прежде всего «учитывал состояние противника, его интересовала не только численность вражеских войск, но и их настроение». Он «требовал от разведчиков, чтобы они собирали об этом сведения у местных крестьян. Обдумывая боевой рейд, комбриг всегда заботился о том, чтобы ни один из раненых бойцов не остался в тылу врага. Он предусматривал все, вплоть до того, где должны находиться санитары».

Приняв решение, Котовский «выходил из штаба и проверял свою бригаду, оглядывая каждого бойца. Ему достаточно было нескольких минут для того, чтобы одному задать вопрос, с другим обменяться понимающим взглядом, третьего похвалить или указать на какую-нибудь неисправность, а потом поговорить со всеми вместе».

12 июля 1920 года бригада Котовского форсировала реку и пошла в рейд по тылам белополяков.

13-го она подошла к Катербургу, откуда и начались кровопролитные бои за подступы к Кременцу.

Утром 16-го, оставив второй полк на фланге, комбриг повел в атаку первый. Но его движение остановил сильнейший пулеметный огонь. Бойцы растерялись. И тогда командир, дав шпоры, выскочил на дорогу и, сверкая оголенным клинком, показал пример бесстрашия. А когда котовцы пошли в атаку, то все вдруг увидели, как командирский Орлик мчится без всадника. Котовский получил тогда тяжелейшую контузию и был отправлен в тыл на лечение в сопровождении жены. В бригаду он вернется 27 августа, когда, понеся огромные потери, та будет отступать из-под Львова. Поход на Варшаву для молодой республики закончится трагически. Однако Гражданская война продолжалась.

Осенью котовцы успешно сражаются против петлюровцев и армии барона Врангеля.

В письме жене Григорий Иванович свидетельствует: «.. близится час, когда мы будем снова вместе. Судьба хочет, чтобы я сохранился и в этих жестоких последних боях, где я несколько раз был на волосок от гибели. Что же, может быть, моя безграничная любовь к тебе спасает, охраняет… Противник разгромлен по всему фронту блестяще. Бригада Котовского захватила у противника 11 орудий, до 60 пулеметов, 800 пленных, разгромила 8 киевскую дивизию, отдельную конную дивизию,

значительную часть лучшей кавалерии кавотряда Фролова… Противник, после нанесенных ему страшных ударов, в панике разбегается и бежит дальше, бросая обозы, и части пехоты трех дивизий идут теперь из боя. Наша кавбригада двинула и двигает по фронту три пехотных дивизии. Когда мы были 12-го окружены, кругом отрезаны, и противник уже подъехал ко мне и предложил нам сдаться, — он в ответ на это был в бешеной схватке опрокинут. Разбит и обращен в паническое бегство».

Одним из документов, рассказывающих о подвигах кавбригады Котовского в период операции против армии Петлюры и 3-й армии Врангелях 10 по 22 ноября 1920 года, стал «Акт обследования подвигов, совершенных Отдельной кавалерийской бригадой тов. Котовского при 45-й советской стрелковой дивизии». Составленный на основе оперативных и разведывательных сводок, оперативных приказов и рассказов самих участников, «Акт» интересен прежде всего с исторической точки зрения:

«К 24 часам 10.XI кавбригада сосредоточилась в исходном положении в д. Володиевцы, что в 12 верстах юго-западнее м. Джурин. Противник крупными силами (3-я «железная» дивизия полковника Удовиченко) занимал линию по р. Мурашка: деревни Березовка — Лужки — Черновцы.

С рассветом 10.XI кавбригада во взаимодействии со 134-й и 135-й бригадами из д. Володиевцы перешла в решительное наступление на деревни Березовка — Шендеровка. И хотя дороги были размыты дождем и лежал густой туман, бригада быстро подошла к деревне Березовка, но ее встретили сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Шедший во главе колонны 2-й кавполк, не имея возможности атаковать противника в конном строю, был спешен, а при поддержке конной батареи, выброшенной на линию цепии открывшей сильный огонь прямой наводкой, полк дружным ударом выбил значительно превосходящего противника из села Березовка и обратил его в бегство.

На следующий день котовцы скрестили клинки с конным отрядом Фролова в деревне Бендичаны. В результате этого боя крупная и лучшая кавалерийская часть противника понесла большие потери и бежала к местечку Озаринцы. Разгром отряда Фролова завершили части 134-й бригады и 1-го конкорпуса. Бригада же Котовского остановилась на ночлег в деревне Малый Ольчадаев».

События, происходившие 12 ноября, начинались с рассветом: «Кавбригада, выполняя приказ начдива, из д. Малый Ольчадаев через деревню Попелюхи выступила на Великий Ольчадаев,

захватывая левыми боковыми кавразъездами деревни Беляны и Перекоринцы. Противника перед фронтом бригады не оказалась.

Около 12 часов разведка выяснила, что восточнее станции Котюжаны 135-я бригада ведет упорный бой. Петлюровцы, подтянув свежие части 4-й Киевской и 6-й Волынской дивизий, а также отдельную кавдивизию Тютюнника, в ночь с 11 на 12 ноября сбили левый фланг 60-й дивизии в районе Копай-Город — Котюжаны и с рассветом 12 ноября перешли в энергичное контрнаступление на 135-ю бригаду. Ей на помощь форсированным маршем из Великого Ольчадаева двинулась кавбригада Котовского и стала обходить с северо-запада пехотные и кавалерийские части противника».

О боях, происходивших 18 ноября, в документе говорится следующее: «В ночь с 17 на 18 ноября части кавдивизии Яковлева занимают местечко Дережня, выбив оттуда части 60-й дивизии. Считая единственным средством ликвидации противника удар по его главным силам и тылам в Проскурове, кавбригада, несмотря на отсутствие связи с 1-м конкорпусом, в 3 часа утра 18 ноября из деревни Баламутовки форсированным маршем наступает на Проскуров, с рассветом переправляется через озеро Дубовое, где сбивает передовые заставы противника и вступает в бой с его главными силами. Крупные пехотные и кавалерийские части противника, вышедшие из города, при поддержке ураганного артогня двух бронепоездов, 8 легких и 2 тяжелых орудий, стрелявших со стороны деревни Заречье, оказывают упорное сопротивление, но части кавбригады после двухчасового боя геройски сломили сопротивление в несколько раз превосходящего противника и ворвались в город. Конная батарея бригады, выбросившись на линию наступающих частей и открыв меткий ураганный огонь по городу, оказывала содействие кавалерии. В городе захвачены трофеи, обоз и отбита большая партия пленных красноармейцев.

Деморализованный противник, потеряв окончательно связь с кавдивизией Яковлева, в панике бежит. Кавдивизия Яковлева, намеревавшаяся из района Голосково — Дережня произвести глубокий рейд в тыл наших войск, тоже начала отступление.

В течение трех дней на линию Проскуров — Черный Остров выдвигаются оставшиеся далеко позади части 1-го конкорпуса и 60-й дивизии. Петлюровцы, оказывая сопротивление, отходят на Волочиск. К вечеру 21 ноября наша 14-я армия готовилась к окончательной ликвидации противника».

22 ноября 1920 года — последний день операции. В этот день «разведкой установлено, что между петлюровцами и белополяками достигнуто соглашение о пропуске остатков

«украинской» и 3-й армии Врангеля со всей материальной частью в Галицию. Кавбригада Котовского, не ожидая, пока выдвинутся на занимаемую ею линию части 1-го конкорпуса, совершенно самостоятельно, без всякой поддержки справа и слева, форсированным маршем идет прямо на Волочиск, где враг сосредоточил все свои силы. Сметая его арьергардные части, под ураганным огнем бронепоездов кавбригада переменным аллюром проходит по маршруту Гарнишевка — Якушевцы — Вальковцы, тесня огромные силы противника, и от деревни Фридриховка бросается в стремительную атаку. Последние пять верст перед Волочиском бригада прошла галопом под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника и в 18 часов конечным ударом сбивает его главные силы на лед, отрезая их от моста. Буквально из рук вырывает переправляемые на польский берег орудия, эшелоны и материальную часть. Заканчивает ликвидацию остатков армии противника и захватывает много пленных и громадные трофеи: 8 орудий, 2 бронепоезда, богатый обоз, 4 эшелона с арттехимуществом…»

5

В 1920 году крестьянская война в России распространилась по всей Республике. В начале 1921 года восстаниями было охвачено 118 уездов. Но наиболее крупными считались выступления крестьян в Западной Сибири и Тамбовской губернии. На Тамбовщине рост численности повстанческих отрядов с каждым месяцем приобретал фантастические темпы. С нескольких десятков человек армия Антонова увеличилась примерно до 15 тысяч. Следует подчеркнуть, что крестьянская война оказалась для советской власти более опасной, нежели армии всех белых генералов.

24 апреля 1921 года из состава 17-й кавдивизии была выделена 134-я кабригада под командованием Котовского и направлена на Тамбовщину для подавления антоновского восстания… Командующим войсками Тамбовской губернии был назначен М. Н. Тухачевский (27-го), а 1 мая кавалеристы Григория Ивановича выгружались в Моршанске.

Александр Степанович Антонов (1889–1922) до революции принадлежал к Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров. В 1910 году гражданский суд приговаривает его к ссылке на 6 лет в каторжные работы за нанесение огнестрельных ранений городовому и лесному кондуктору, а суд военный — к смертной казни за разбойное нападение и

ограбление кассы железнодорожной станции. Но смертную казнь все же заменяют каторжными работами без срока. В 1917 году Антонов вернулся в Тамбов. Сначала работал младшим помощником начальника 2-й части (райотдела) Тамбовской городской милиции, а затем начальником Кирсановской уездной милиции. В «собирательстве» оружия Антонов был замечен еще в Тамбове, но самым ярким событием в его биографии является разоружение им нескольких эшелонов Чехословацкого корпуса. За время работы в милиции ему удалось со своими товарищами спрятать все то оружие, что отбиралось у чехословаков, фронтовиков и уголовников, в глухих уголках южной части Кирсановского уезда.

Летом 1918-го Антонов ушел в отпуск и вскоре исчез. А в январе 1919 года он сколачивает и вооружает боевую дружину из 10–15 человек, которой впоследствии предстоит превратиться в ту самую повстанческую армию.

К слову, в 1921 году Тухачевский в числе главных факторов, помешавших подавить восстание в самом начале, называл скрытые огромные запасы оружия, сделанные Антоновым за время его руководства Кирсановской уездной милицией, и военно-организаторский талант Антонова.

В Тамбов будущий маршал прибыл 12 мая 1921 года. Численность его войск, предназначавшихся для непосредственной борьбы с антоновцами, достигала 53 тысячи бойцов. Первоначально они были разделены по пяти боевым участкам. Уступая давлению Москвы, Тухачевский перенес начало операции с 1 июня на 28 мая. Но фактически разгром мятежников начался 25 мая, когда кавбригада Котовского разбила два повстанческих полка.

Через два дня сводная кавалерийская группа Уборевича (более 2000 сабель) попыталась окружить и уничтожить до пяти полков повстанцев (около 3000 всадников), но из этого ничего не вышло. В начале июня кавбригаде Котовского и автобронеотряду (7 машин) удалось окружить до 3 полков повстанцев во главе с самим Антоновым. Тогда повстанцы потеряли еще 500 человек.

Теперь Тухачевский создает «Особую сводную группу» (с 12 июня) во главе с Уборевичем (две кавбригады и три бронепоезда) для уничтожения шести полков Антонова. Только 16-го числа Уборевич силами одних бронеотрядов настиг повстанцев на переправе и обратил их в бегство. А к 19 июня за три дня боев бронеотрядами были уничтожены четыре повстанческих полка.

Из-за того что к концу июня общая численность мятежников насчитывала еще более 2200 чел., 29-го войска Тамбовской губернии начали вторую серию последовательных операций по

окончательному разгрому последних отрядов повстанцев. Всего до конца первой половины июля было проведено шесть таких операций. К 20-му разгром антоновщины был завершен, но самое главное, к этому времени завершилось восстановление низовых органов советской власти на мятежной территории Тамбовщины.

Подводя итоги на 1-й общеармейской конференции коммунистов войск Тамбовской губернии, Тухачевский сообщил, что за период с 28 мая по 26 июля 1921 года в Тамбовской губернии было обезврежено 16 369 мятежников. За это же время у повстанцев и местного населения было отобрано 3 орудия, 34 пулемета, 2221 винтовка и 285 револьверов. Предстояло еще найти по меньшей мере 4 тысячи винтовок.

Что же касается применения войсками Тухачевского отравляющих газов, то об этом достаточно объективно пишет историк В. В. Самошкин в своем уникальном труде «Антоновское восстание»: «На сегодняшний день известно несколько документально зафиксированных фактов применения газов против антоновцев, скрывавшихся в лесах и болотах по берегам реки Вороны. Однако, как выясняется, во всех этих случаях стрельба химическими снарядами велась совершенно вопреки вышеприведенной инструкции, то есть исключительно в страшную жару и по сильно заболоченной местности. Одним словом, повстанцы так и не поняли, сколь страшное оружие было применено против них».

К слову сказать, прибывшая на Тамбовщину кавбригада Котовского считалась отборной. Вошедшая в сводную кавгруппу Уборевича, она насчитывала 890 сабель при 18 пулеметах и 3 орудиях. При этом Тамбовская отдельная кавбригада В. И. Дмитриченко, также входившая в эту кавгруппу, насчитывала 1200 сабель при 38 пулеметах.

Примечательно, что уже 31 мая Уборевич докладывал Тухачевскому о своих войсках следующее: «Кавгруппа оказалась неподготовленной к выполнению столь серьезной задачи. Кавбригада т. Дмитриченко трижды выпустила Антонова из полного окружения, и не по вине комбрига т. Дмитриченко, а ввиду того, что кавбригада — фактически ездящая пехота на скверных крестьянских лошадях. Кавбригада т. Котовского малочисленна и охватывает небольшой район действий, и к тому же с истощенным конским составом. Ввиду такого состояния кавгруппы, для успеха операции необходима придача кавгруппе двух отрядов из полугрузовиков с пулеметами. Кавгруппа из двух или трех бригад, имея до 12 полугрузовых машин и фуража на три дня, в несколько дней может покончить с Антоновым окончательно». После этого доклада сводная кавгруппа Уборевича

была тут же усилена 14-й отдельной кавбригадой и двумя бронеотрядами. Однако скорого разгрома Антонова не получилось. Тот оказался крепким орешком.

2 июня 1921 года у деревни Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии кавбригада Котовского во взаимодействии с автобронеотрядом из семи машин окружила три полка, ведомые Антоновым. Как пишет Самошкин, завязался упорный бой: «Сначала бронемашины пулеметным огнем загнали 4-й Низовский и особый полки в Бакуры, непрерывно обстреливаемые конной батареей котовцев, а затем туда ворвался весь автобронеотряд. Группы повстанцев, пытавшихся покинуть пылающие Бакуры, перехватывали и уничтожали в поле два кавполка бригады Котовского.

Бой в деревне и вокруг нее, начавшийся около пяти часов вечера, затих лишь к полуночи. Антоновцы потерпели жесточайшее поражение, потеряв до 500 человек убитыми и ранеными. И хотя многим мятежникам, в том числе и самому Александру Антонову, удалось все-таки в наступившей темноте вырваться живыми из Бакур, 2-я повстанческая армия с этого дня практически перестала существовать как крупное боевое соединение тамбовских крестьян».

К вечеру 12-го отдельная кавбригада Котовского заняла исходное положение для нанесения очередного удара по антоновцам: «Весь этот вечер Григорий Иванович провел в уваровском клубе, где сначала смотрел спектакль местного драмкружка, а потом, когда начались танцы, сразил всех присутствующих лихим отплясыванием «барыни». А на рассвете 13 июня его заместитель и одновременно командир 2-го кавполка бригады Николай Николаевич Криворучко не менее лихо осуществил внезапный налет на «родовое гнездо» 9-го Семеновского полка антоновцев — село Семеновку, где изрубил до сотни мятежников и захватил два пулемета».

Операция по разгрому повстанцев группы Аверьянова началась 30 июня. Главный удар наносила кавбригада Котовского и отряд 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов: «На рассвете 1 июля котовцы, двигаясь с запада, а курсанты — с востока, начали поиск противника. Но тут случилось непредвиденное. Отряд борисоглебских курсантов в 123 сабли при четырех пулеметах на подходе к деревне Федоровка-Мордва (25 километров от станции Ржакса) попал в тщательно подготовленную повстанцами ловушку.

Как выяснилось позднее, антоновской разведке удалось каким-то образом добыть точные сведения о времени выступления и маршруте движения курсантского отряда. Для

участия в уничтожении курсантов Аверьянов стянул к месту засады не только всю свою группу, состоящую из трех полков, но и несколько мелких повстанческих отрядов из ближайших сел. Непосредственное руководство операцией он получил своему заместителю, командиру 14-го Нару-Тамбовского полка Ивану Сергеевичу Матюхину, который хорошо знал местность и в командирский талант которого еще верили многие рядовые повстанцы. Не последняя роль в предстоящей драме отводилась и командиру 16-го Золотовского полка Максиму Архиповичу Назарову, являвшемуся, кстати, уроженцем этой самой деревни Федоровка-Мордва.

Именно Назаров во главе своего полка, экипированного в одинаковое новенькое кожаное обмундирование, встретил у Федоровки-Мордвы двигавшихся строго по предписанному маршруту борисоглебских курсантов. Пока остановившиеся в отдалении курсанты выясняли, что за диковинный отряд стоит перед ними, другие подразделения антоновцев из группы Аверьянова, воспользовавшись сильно пересеченной балками и оврагами местностью, завершили окружение курсантского отряда, открыли огонь и пошли в атаку.

Прекрасно обученные курсанты (7-е Борисоглебские кавкурсы считались лучшим кавалерийским военно-учебным заведением в Красной армии) сражались с исключительным мужеством, однако затянувшийся бой грозил окончиться полным истреблением их небольшого отряда. Спасло то, что в последний момент на помощь подоспел 2-й кавполк бригады Котовского, обративший мятежников в бегство. И хотя под Федоровкой-Мордвой отряд борисоглеских курсантов понес немалый урон (каждый третий погиб, а большинство из оставшихся в живых были ранены), потери антоновцев оказались еще большими: только убитых насчитывалось свыше двухсот человек. К тому же бросившийся в погоню кавполк котовцев настиг и изрубил у Золотовки еще около сотни повстанцев из 16-го Золотовского полка. А окончательно группа Аверьянова прекратила существование 7 июля, когда бригада Котовского захватила ее врасплох в пятнадцати километрах юго-восточнее станции Сампур».

Спустя две недели — 20 июля — Григорий Иванович провел знаменитую военно-чекистскую операцию по уничтожению отряда И. С. Матюхина. Этот день и стал днем завершения разгрома антоновщины. К этому времени тамбовское крестьянство окончательно и бесповоротно приняло сторону советской власти. А ее не самая легкая победа была налицо.

До наших дней сохранились воспоминания Г. И. Котовского о тамбовской операции. Примечательно, что Григорий Иванович оставил для истории, написанный собственноручно (именно этот) очерк о борьбе с восставшим крестьянством Тамбовской губернии, хотя более интересных сражений, с военной точки зрения, в его жизни было немало. И тем не менее факт остается фактом…

«Это было в июле 1921 года, когда моя бригада численностью около 500 сабель находилась в Тамбовской губернии и боролась с бандитской шайкой Антонова. Главные силы Антонова уже были разгромлены, и для наших последних ударов оставались мелкие шайки отъявленных бандитов в 15–20 человек, которые скрывались в густых Тамбовских лесах.

Но среди этих незначительных бандитских групп была и крупная банда 4-я группа, состоявшая из 14-го и 16-го бандитских кавалерийских полков. Командовал этой группой Иван Матюхин.

Уничтожение этой крупной банды и являлось последней боевой задачей моей бригады в Тамбовской губернии.

Вот как она была решена.

В начале июля я был срочно вызван в штаб командующего армией Тухачевского. В это время туда же был привезен из Москвы бывший начальник штаба антоновских войск Эктов. Он был захвачен в плен и содержался в Москве в ВЧК. В штаб армии его привезли для использования в деле борьбы и уничтожения антоновщины. Вместе с чекистами мы разработали план захвата и уничтожения банды при помощи ее бывшего начальника. Осуществление этого плана я начал немедленно.

Ночью 12 июля под охраной одного моего полуэскадрона бывший начальник штаба антоновских войск Эктов был перевезен в полевой штаб моей бригады.

В ночь на 19 июля я взял эскадрон своей бригады, приказал части его переодеться в крестьянское платье и вместе с Эктовым выехал в одно из сел у большого и частого леса, в котором скрывалась 4-я бандитская группа в 450 сабель.

В село мы прибыли на рассвете и объявили себя казаками из «кубанско-донской повстанческой армии». Мы говорили, что прорвались из Кубани и Дона под командой войскового старшины Фролова и явились в Тамбовскую губернию для соединения с повстанцами Антонова.

Днем нами была установлена связь с бандитами из 4-й группы Матюхина. Кулацкое село было целиком заражено антоновщиной и, поверив нам, оказывало нам энергичное содействие. Связь установили через бандитскую «милицию», начальником которой в этом районе являлся брат командира 4-й

бандитской группы Василий Матюхин.

С ним у меня встреча состоялась ночью, в лесу.

На полянку к дому лесника из леса выехало около восьмидесяти бандитских «милиционеров». У дома стоял мой эскадрон. Вместе с бывшим начальником штаба Эктовым я подошел к начальнику бандитской «милиции» Василию Матюхину и представился как командир «кубанско-донского повстанческого отряда» войсковой старшина Фролов.

Эктов, которому было предложено подтверждать все наши заявления, сказал, что я действительно войсковой старшина Фролов и что мы действительно казаки из «кубанско-донской повстанческой армии».

Начальнику «милиции» Василию Матюхину я передал письмо для его брата Матюхина. В этом письме я просил о встрече с ним и предлагал соединиться для совместной борьбы против советской власти. Под конец нашей встречи мы пожали друг другу руки и мирно разъехались, сговорившись встретиться 20 июля, на рассвете, в одном из ближайших к лесу сел.

В это село для соединения с моей бригадой 14-й и 16-й бандитские кавалерийские полки должны были явиться под командой самого Ивана Матюхина вместе с командованием и «политотделом».

На рассвете, обходя расположение наших пехотных частей, мы вернулись к своей бригаде. Ввиду того что некоторая часть железнодорожных служащих, в особенности телеграфа и телефона, сочувствовала Антонову, было решено вести операцию в строгой тайне и никому никаких сводок и донесений не высылать. О моем плане, кроме командующего армией Тухачевского и особоуполномоченного ВЧК, никто не знал. Мы вели себя осторожно и осмотрительно. О движении нашей бригады не знали и наши пехотные части.

Днем мной был созван командный и политический состав всей бригады, было приказано уничтожить все значки и спрятать знамена, 1-му полку нашить красные лампасы, а 2-й полк одеть в бараньи шапки и папахи. О присутствии среди нас пленного начальника штаба антоновских войск Эктова никто не знал. Он спокойно расхаживал по расположению полков, на поясе у него висел незаряженный наган. Около него, не отходя ни на шаг, всегда находилось пять чекистов.

Ночью 19 июля моя бригада в полном составе без артиллерии, но с пулеметами выступила из своего расположения. За селом она была построена, и я сообщил о том, что с этого момента она, бригада Котовского, становится «кубанско-донским повстанческим отрядом», который прорвался в Тамбовскую

губернию для соединения с бандами Антонова.

В своей речи я дал указание, как надо вести себя бойцам бригады в том селе, в котором должна была произойти наша встреча.

На рассвете, 20 июля, мы прибыли в село, находившееся в пяти верстах от того леса, в котором скрывалась банда Ивана Матюхина. Село мы оцепили заставами и никого из него не выпускали. С нашими пехотными частями, которые стояли в семи верстах от села, мы, ради сохранения строгой тайны, в связь не вошли.

В селе на явочной квартире бандитов нам удалось установить, что часа за два до нашего прибытия в селе находился сам командир 4-й бандитской группы Иван Матюхин, который оставил мне письмо.

Мы старались скорей получить это письмо, но оказалось, что оно находилось у четырех отборных бандитов, которые не доверяли нам и скрывались в глубокой лощине за селом. Пришлось затратить целый день на переговоры через особых посланцев, чтобы убедить их, что мы свои.

К 5 часам вечера бандиты согласились встретиться, но потребовали, чтобы я, войсковой старшина Фролов, выехал к ним только с бывшим начальником штаба антоновских войск Эктовым, и предупреждали, что, если нас явится больше, они письма не дадут и уйдут от нас в лес.

Эктов был освобожден из-под охраны чекистов и посажен на самую скверную в бригаде лошадь. Выехав с ним в поле, я сказал ему, что всякая попытка к бегству или разоблачение меня грозит ему немедленным расстрелом.

Верстах в двух-трех от села к нам подъехали четыре здоровенных, вооруженных до зубов бандита. Как потом выяснилось, это были командиры бандитских дивизионов.

Пожимая нам руки, они вручили нам письмо своего командира Ивана Матюхина и поехали вместе с нами в село, в котором разместилась моя бригада. Пропуск у нас был бандитский. В тот день пропуск был «Киев Корсунь».

Въехали в село, вошли в явочный бандитский дом богатого кулака, имевшего две паровые мельницы. Я распечатал письмо. Из него выяснилось, что Иван Матюхин приглашает нас пожаловать для соединения в лес, считая для себя небезопасным вылезать из него.

Исходя из того что каждая лесная тропинка известна бандитам, я понял, что матюхинская банда, в случае нашей атаки на нее, уйдет от нас, и боевая задача нашей бригадой не будет выполнена. Поэтому я решил обратиться к Ивану Матюхину с

новым письмом. В этом письме я писал, что его боязнь выйти из леса я считаю трусостью и что мне со своим отрядом, имеющим пулеметы на тачанках и большой обоз, трудно будет двигаться лесом. Я настаивал на прибытии Матюхина со своей группой этой же ночью в село, откуда мы и начнем совместные действия против красных частей. Письмо это было подписано мною и Эктовым и отослано Матюхину с комиссаром одного из наших полков Захаровым, командиром взвода Симоновым и одним из четырех бандитов, передавших мне письмо от Матюхина.

Когда наши посланцы отправились, оставшиеся три бандита захотели ознакомиться с состоянием нашей кавбригады. В этом им нельзя было отказать, и мы пошли к бойцам. От осмотра бандиты пришли в удивление и восторг. Они возбужденно и с некоторой завистью говорили, что все наши бойцы по своей выправке, молодцеватости и геройскому виду больше похожи на офицеров, чем на солдат. После этого осмотра мы вернулись в штаб моей кавбригады. На столе за это время появился самогон, жареные куры и баранина. У бандитов от самогона развязались языки, и они стали хвастаться тем, как расправляются антоновцы с красными. Захлебываясь от пьяного восторга и наслаждения, они говорили, что пленных красноармейцев, которые попадаются им, они не рубят и не расстреливают, а выкручивают им головы. Они хвалились тем, что их командир Иван Матюхин славится своей свирепостью, что у них нет пощады и что каждого красноармейца ждет мучительная смерть. В своей пьяной беседе они стали называть нам свои явки, места, откуда получают оружие, подковы и все, что необходимо для вооруженной борьбы. Мы сидели, разговаривали и все наматывали себе на ус.

Вместе с нами был и Эктов, он, бедный, больше молчал. Не раз бывшие с нами мои командиры брались за шашку, чтобы отрубить бандитские головы, но железная дисциплина, сознание предстоящей работы и необходимость решения нашей боевой задачи сдерживали их, отдаляли от бандитов справедливую кару.

Уже 12 часов ночи, а наши посланцы еще не вернулись из своей опасной поездки. Беспокоюсь и за выдержку своих бойцов. Нужно быть очень осторожным и выдержанным, чтобы каким-нибудь случайным словом не выдать себя. Но все бойцы, как один, держат себя в руках. Нет слова «товарищ», есть слово «станичник», нет ни одного движения и взгляда, в котором можно было бы не только разоблачить, но даже заподозрить красного бойца.

В три часа ночи наши посланцы вернулись с ответом Ивана Матюхина. В нем сообщалось, что 14-й и 16-й полки во главе с командованием и «политотделом» под командой самого Ивана

Матюхина стоят от села в двух верстах и что Матюхин, желая убедиться в нас, требует, чтобы я явился к нему для личных переговоров только с Эктовым.

Стоило Эктову или открыто заявить, что я Котовский, или сделать даже одно только предупреждающее об опасности движение, и я мог быть схвачен и убит, но выхода не было, начатое дело надо было доводить до конца, хотя бы и ценой своей жизни.

Я оседлал своего испытанного Орлика и поехал к Ивану Матюхину с Эктовым и двумя товарищами, отвозившими мое второе письмо.

Выехав из села, я сказал Эктову, что я трезво учитываю положение, вероятным выходом из которого считаю смерть, отдаю отчет в своих действиях и на безумный шаг иду сознательно. Вместе с тем я заявил ему, что при первой же попытке предательства он будет мною немедленно убит. Дальше я ему сказал, что в тот момент, когда мы будем подъезжать к бандитам, он не должен отрываться от меня ни на одну секунду и я должен чувствовать его стремя своим, иначе его ждет немедленная смерть.

…Из темноты выскочила группа всадников, около 50 человек, они окружили нас и стали радостно пожимать руку Эктову. Едем дальше вместе. Впереди видим большую группу всадников, вытянутую колонной по шесть.

Подъезжаем к небольшой кучке командного и «политического» состава, впереди здоровый, рослый мужчина с зверообразным лицом и свирепыми глазами. Около него человек тринадцать — пятнадцать, командиры и «комиссары» группы.

Почин разговора и действий беру себе. Подъезжаю к Ивану Матюхину, крепко жму ему руку и начинаю упрекать в том, что он теряет дорогое время на пустые разговоры, вместо того чтобы бороться против красных частей.

Резко поворачиваю лошадь и приглашаю следовать за собой. Раздается команда: «Справа по три, шагом марш!» — и банда трогается.

Едем, слева от меня едет командир 4-й группы Иван Матюхин, справа Эктов, сзади весь командный и «политический» состав антоновской банды. Окидываю быстрым взглядом Эктова и вижу выражение мучительной внутренней борьбы. Бросаю на него короткий угрожающий взгляд и сильно нажимаю на его ногу — этим напоминаю о своем обещании убить его при первой попытке предательства. На боку у меня висит маузер, застегнутый наглухо, в правом кармане наган, на взводе которого лежит мой палец. Нервное напряжение огромно, но силой воли держу себя в

руках и веду спокойный серьезный разговор. Раздается окрик одной из наших застав: «Стой! Кто едет?» Отвечаем: «Киев». Начальник заставы спрашивает отзыв. Отвечаем: «Корсунь».

Втягиваемся в село. Иван Матюхин спрашивает, как организовано охранение, останутся ли за селом заставы.

Вместо ответа говорю, что об этом лучше всего спросить одного из тех бойцов, которые привезли от него письмо и видели наши охранения. Боец оказался рядом и отвечает, что к нам и муха не пролетит, а не то что пролезут красные. Матюхин успокаивается; отдается распоряжение об отводе бандитов по квартирам. Квартирьеры это делают очень любезно. Когда бандиты были расставлены по домам, мы, командный и «политический» состав Ивана Матюхина едем в другую сторону села, где я разместил свой штаб.

Около моего штаба стоит полуэскадрон одного из наших полков. Мы подъезжаем и спешиваемся, бандитов «радостно» приветствуют наши бойцы.

Командный и «политический» состав банды с Матюхиным во главе входит вместе со мной в штаб. Хозяин дома радостно приветствует их, и стол заставляется богатым угощением. Появляется и обожаемый бандитами самогон.

После обильной закуски открываем совещание, на обсуждение которого ставим вопрос борьбы с советской властью. Совещание открываю вступительной речью я, после даю слово одному из наших комиссаров — Борисову, который зачитывает выдуманную и написанную нами резолюцию никогда не бывшего «всероссийского совещания повстанческих отрядов и организаций». Трескучая резолюция — красивый набор слов. Борисов, представленный мною членом партии левых эсеров, немного волнуется.

Беру слово опять себе и на основании резолюции говорю о необходимости отказа от открытой вооруженной борьбы с советской властью и перехода в подполье. Матюхин высказывается против и ближайшей своей задачей ставит свержение советской власти в Тамбовской губернии.

В дальнейшем разговоре я стараюсь получить сведения о месте нахождения контуженного во время одного из боев Антонова, но об этом никто из бандитов не знает. Иван Матюхин заявляет, что теперь он станет во главе движения против советской власти, так как его хорошо знает и за ним пойдет вся Тамбовская губерния. Он стучит кулаком по столу, злобно рычит о том, что уничтожит «коммунию». Его командиры и «политический» состав ведут себя сдержанно, но все время приглядываются ко мне и прислушиваются к каждому моему

слову.

Начинает светать, и я начинаю подводить игру к ее неизбежному и необходимому концу. Говорит Гарри, вышедший со мной из Бессарабии. Он хороший оратор, по внешности типичный махновец. В ярких красках он описывает геройские подвиги махновцев. Бандиты слушают с затаенным дыханием и горящими кровью глазами. Иван Матюхин кричит, что сегодня же он начнет наступление против красных и через короткое время создаст новую армию в 10 тысяч человек.

После его слов я поднимаюсь из-за стола, вынимаю из кармана наган и стучу им о стол. Вместе со мною поднимаются наши командиры и комиссары, поднимаются и бандиты.

Наступает последний момент нашего совещания, за которым на бандитов должен немедленно обрушиться справедливый гнев. Рукоятки револьверов и сабель судорожно сжимаются пальцами.

В это время я крикнул: «Долой комедию! Расстрелять эту сволочь!» И в тот же момент направил дуло своего нагана в Ивана Матюхина. У всех бандитов страшный перелом, переход от радости к безумному ужасу, особенно охватывает он Матюхина, человека-зверя, выкручивавшего красноармейцам головы. В ужасе он закидывает назад голову и закрывает ее обеими руками. Я хочу убить его, но новый наган дает подряд три осечки. В это время раздается залп со стороны моих командиров, и несколько убитых бандитов падают на пол. Я бросаю свой наган, отскакиваю к стене и начинаю отстегивать свой маузер.

Из-под стола, где успел спрятаться один из бандитских «комиссаров», раздается выстрел, и пуля раздробляет мне правую руку у плеча. Несмотря на боль, все же не теряю почина действий, и через несколько секунд все бандиты расстреляны. Выбегаем на двор, захватываем бандитскую охрану.

Пока мы «совещались», оба наши полка и пулеметная команда успели окружить село, и через какой-нибудь час после ожесточенной пулеметной и винтовочной стрельбы банда была уничтожена.

Боевая задача нашей бригады в Тамбовской губернии была разрешена; самая крупная и отборная банда была ликвидирована. Небольшие бандитские шайки охватил ужас, и они сдавались нам на милость, являясь с лошадьми и оружием.

Вскоре после тамбовской операции моя кавбригада была снова переброшена на Украину.

Эктов был помилован советской властью и отправился к своей семье».

Глава девятая
«Жизнь его полна и осмысленна»

1

После ранения, полученного в схватке с Матюхиным, Григорий Иванович находился на излечении в одном из госпиталей Москвы, который размещался на Арбате. Там он неожиданно встретит чету Брусиловых. Надежда Владимировна зафиксирует в дневнике: «…мы с мужем пошли в военный лазарет навестить больную родственницу Алексея Алексеевича, там лежавшую. В коридоре лазарета к нам вдруг подходит в халате, с рукой на перевязи какой-то человек. Раскланивается и говорит: «Вы меня не узнаете? Я бывший разбойник Котовский, вы даровали мне жизнь. Но теперь я командую дивизией в Красной армии».

Мы с Алексеем Алексеевичем спросили его об его здоровье и раненой руке. Он сказал, что поправляется и что скоро вернется к своей дивизии, и что жизнь в боях и всевозможных происшествиях его крайне удовлетворяет, и что только теперь жизнь его полна и осмысленна. Еще и еще раз заверял нас в своей преданности и благодарности…»

Рана Григория Ивановича оказалась серьезной. Вопрос даже стоял об ампутации руки. Но Ольга Петровна смогла добиться перевода супруга в Москву, где лучшие хирурги ему действительно сделали удачную операцию.

Единственной опасностью теперь могло стать неправильное сращивание кости, так как пулей была расщеплена плечевая кость. Требованием врачей было как можно максимально оттягивать локоть книзу. Григорий Иванович «не растерялся», привязав к раненой руке полупудовую гирю, и целых полтора месяца, превозмогая дикую боль, выполнял это упражнение.

После излечения Григория Ивановича вызвали в Реввоенсовет Республики к Л. Д. Троцкому. Суть этой беседы его супруга отразила в своем письме к Шмерлингу: «…Котовский так рассказывал мне об этой встрече: «Троцкий встретил меня стоя и изучал меня пронизывающим взглядом, который я твердо выдержал и со своей стороны изучал его. Он первый отвел глаза от меня и сказал, что решил оставить меня в Тамбове. «Если вы организовали бригаду Котовского непобедимой, то я назначаю вас начдивом, у вас будет дивизия Котовского», — сказал

Троцкий. Я ответил, что мной руководит не личная карьера, а преданность партии в борьбе за социализм, и я всюду буду выполнять волю партии и правительства»».

Из кабинета Троцкого Котовский тут же направился на прием к Фрунзе, который в это время находился в Москве. В ходе продолжительного разговора Фрунзе пообещал решить этот вопрос в пользу Григория Ивановича. И решил: Михаил Васильевич добился возвращения Котовского на Украину, где 1 сентября его назначили командиром 9-й Крымской кавалерийской дивизии имени Совета народных комиссаров УССР, куда и вошла его кавбригада. Но до мира было еще далеко…

В первых числах ноября 1921 года основные силы армии, так называемой УНР (Украинской Народной Республики) выступили в очередной Зимний поход. Инициатор этой операции и командующий Волынской группой (куда входили основные силы) генерал-хорунжий армии УНР Юрко Тютюнник выступил на территорию Украины из Польши во главе двух тысяч бойцов и командиров. Главной целью похода было всеобщее восстание против большевиков, взятие Киева и провозглашение восстановления Украинской Народной Республики. На короткое время отрядам Тютюнника удалось захватить железнодорожный узел в Коростене, но очень скоро им пришлось скрываться от превосходящих сил Красной армии…

После получения приказа лично от командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе дивизия Котовского спустя несколько часов отправилась в новый рейд.

Шмерлинг фиксирует: «Пока 9-я дивизия продвигалась вперед, Тютюнник продолжал производить налеты одновременно в разных местах для того, чтобы растянуть и распылить части Красной армии, преследовавшие его банду. Тютюнниковские конники совершили налет на город Коростень, ограбили жителей, а потом снова скрылись, уклоняясь от встречи с красноармейскими частями.

Тютюннику не удалось поднять восстание, на которое он расчитывал. Население враждебно относилось к этим непрошеным гостям из-за рубежа.

Первые дни похода 9-й дивизии лили дожди; потом подул сильный ветер и пошел мокрый снег. К вечеру холодало, и вымокшие бойцы замерзали. Не успевали просушить одежду, как снова трогались в путь. Шли мокрые и продрогшие. Во время коротких привалов вбегали в хаты, протягивали руки к печкам, отогревались, снимали с себя одежду; сушили войлочные потники, чтобы сохранить здоровыми спины лошадей.

9 ноября ударил сильный мороз. Снег посыпал хлопьями. Поля покрылись белой пеленой. Разыгралась вьюга. Ледяной ветер бил в лицо. Людей и лошадей заметало снегом. Обледенели винтовки. Бойцы, стараясь согреться, подбирали под себя полы изношенных шинелей. С трудом держали поводья в замерзших руках. Но никто не жаловался, не ныл и не отставал.

Голодные и прозябшие конники не слезали с седел; у многих на теле появились нарывы. В сутки спали не более двух часов и думали только о том, когда же, наконец, настигнут тютюнниковцев».

Тютюнник мастерски уклонялся от боя, но Котовский все же сумел поставить его в безвыходное положение. Он навязал ему бой.

В книге Соколова об этом написано кратко: «1-я бригада 9-й кавдивизии прикрывала направление Новгород — Волынск — Житомир, а 3-я бригада должна была сосредоточиться в районе Менжировки для нанесения главного удара по отряду Тютюнника. 2-я бригада должна была преследовать Тютюнника, вынуждая его выйти к Менжировке. Но Тютюнник благополучно обошел Менжировку и вышел к станции Тетерев. В селах Заньки, Голубовичи и Олизаровичи котовцы натолкнулись на арьергарды Тютюнника, который смог уйти. Но теперь уже не по направлению к Киеву, а на запад. 17 ноября разведка 9-й кавдивизии Котовского обнаружила тютюнниковцев в районе сел Большие и Малые Минки и Звиздаль на Киевщине. Основные силы дивизии в составе 2-й и 3-й бригад тут же атаковали врага. В селе Звиздаль они натолкнулись на пехотный арьергард. Под сильным пулеметным огнем котовцы вынуждены были спешиться и завязать огневой бой с заслоном, пока 2-й эскадрон под командой Л. Х. Воронянского не обошел Звиздаль с фланга.

Тютюнниковцы бежали, бросив 11 пулеметов. Вскоре они были окружены и разгромлены конницей Котовского. Потери войск УНР составили 250 человек убитыми и 517 — пленными, из которых 360 на следующий день были расстреляны…

Сам атаман Тютюнник с остатками отряда вырвался из окружения и ушел за Збруч. Дивизия Котовского захватила много трофеев, в том числе походную канцелярию Тютюнника».

В дивизии Котовского погибло всего шесть человек…

2

По представлению командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе «за образцово

проведенную операцию по разгрому банды Тютюнника» Г. И. Котовский был награжден почетным революционным оружием — маузером С-96 с прикрепленным на рукоятке знаком ордена Красного Знамени и серебряной накладкой с надписью…

К слову сказать, орден Красного Знамени, или «Красное Знамя», был рожден той самой эпохой, которую принял бывший народный мститель, или разбойник, Котовский. Именно она дала ему возможность стать сначала просто красным командиром, а впоследствии командиром бригады, командиром дивизии и, наконец, командиром корпуса. То есть самым настоящим кавалерийским военачальником. Этот единственный орден молодой Советской Республики стал одним из ее символов, а еще самой дорогой и уважаемой в народе наградой. Можно только представить, что значил этот орден для Григория Ивановича…

Впервые Котовский был награжден орденом Красного Знамени РСФСР № 882 приказом РВС Республики № 204 от 18 июня 1921 года за отличие, проявленное в боях во время Одесской операции, и взятие города Тирасполя в феврале 1920 года.

Во второй раз ему вручили орден Красного Знамени РСФСР № 36 с цифрой «2» как командиру кавалерийской бригады 45-й стрелковой дивизии за отличия, проявленные в боях против Петлюры, и взятие города Волочиска в ноябре 1920 года (Приказ РВС Республики № 209 от 3 июля 1921 г.). В этом приказе говорилось: «Он лихим налетом захватил г. Волочиск и своими энергичными действиями в высшей степени способствовал достижению блестящих успехов в деле полного разгрома противника».

За ликвидацию антоновского восстания (12 декабря 1921 г.) Котовский был удостоен самой высшей награды Республики — почетного революционного оружия РСФСР (шашки) с наложенным на эфесе орденом Красного Знамени. В приказе РВС черным по белому написано: «Награждается почетным революционным оружием: командир отдельной кавалерийской бригады товарищ Котовский Григорий Иванович за личное руководство выдающейся по смелости операцией у деревни Дмитровское (Кобылянка), в результате которой были уничтожены главари крупных шаек, а сами шайки в значительной мере изрублены, рассеяны и совершенно деморализованы. Товарищ Котовский, будучи ранен, тем не менее не оставил руководства вверенными ему частями, благодаря чему операция была закончена столь успешно».

Известно, что всего почетным революционным оружием с 1919 по 1930 год кроме Котовского были награждены еще 20

человек, что безусловно говорит о значимости этой награды:

«С. С. Каменев (8 августа 1919 года) — за руководство операциями Восточного фронта весной и летом 1919 года.

В. И. Шорин (8 августа 1919 года) — за бои против войск Колчака.

С. М. Буденный (20 ноября 1919 года) — за бои против войск Мамонтова и Шкуро.

М. Н. Тухачевский (17 декабря 1919 года) — за руководство армией при разгроме Колчака и освобождение Урала и Западной Сибири.

И. П. Уборевич (8 марта 1920 года) — за руководство армией при разгроме войск Деникина и освобождение Северного Кавказа.

М. В. Фрунзе (25 ноября 1920 года) — за руководство операцией по разгрому войск Врангеля в Северной Таврии и Крыму.

К. Е. Ворошилов (25 ноября 1920 года) — за организацию и руководство (член Революционного военного совета армии) 1-й Конной Армией.

Ф. К. Миронов (25 ноября 1920 года) — за операции против врангелевских войск в Крыму.

А. И. Корк (25 ноября 1920 года) — за взятие Перекопских и Юшуньских позиций и освобождение Крыма от врангелевских войск.

Н. Д. Каширин (25 ноября 1920 года) — за бои в Северной Таврии и за занятие города Керчь.

С. К. Тимошенко (28 ноября 1920 года) — за бои на польском фронте.

В. С. Нестерович (5 января 1921 года) — за бои в 1920 году.

Я. Ф. Балахонов (2 февраля 1921 года) — за разгром противника во время рейда в тыл врага в октябре 1920 года.

В. Л. Винников-Бессмертный (2 февраля 1921 года) — за успешный рейд в октябре 1920 г. по врангелевским тылам в Северной Таврии.

А. И. Егоров (17 февраля 1921 года) — за бои в 1919–1920 годах.

Е. С. Казанский (3 июня 1921 года) — за командование Северной группой войск 7-й Армии при подавлении Кронштадтского мятежа 1921 году.

В. Р. Розе (12 декабря 1921 года) — за участие в ликвидации Кронштадтского мятежа 1921 года.

Г. Д. Хаханьян (12 декабря 1921 года) — за участие в ликвидации Кронштадтского мятежа 1921 года.

И. С. Кутяков (28 апреля 1922 года) — за бои под Лбщенском и Янайским, разгром белоказачьей Уральской Армии

(декабрь 1919 года — начало января 1920 года) и взятие города Гурьева.

С. С. Вострецов (23 апреля 1930 года) — за отличие при ликвидации конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году».

Что касается маузера С-96, то по просьбе самого Григория Ивановича он был заменен третьим орденом Красного Знамени РСФСР № 21 с цифрой «3». Но наградили Котовского уже как командира конного корпуса приказом РВС СССР № 177 от 27 июня 1924 г. за отличия в бою под деревнями М. Миньки и Звиздаль 17 ноября 1921 года.

Таким образом, Григорий Иванович закончил Гражданскую войну с тремя орденами Красного Знамени и с орденом Красного Знамени на клинке (всего за подвиги в Гражданской войне этим орденом были награждены дважды — 285 человек, трижды — 31 человек и четырежды — 4).

Еще одной наградой для Котовского стало вступление в партию, которое состоялось в апреле 1920 года во время войны с белополяками. Однако военачальник и герой Гражданской войны не был удовлетворен этой датой. Вот что пишет по этому поводу Б. Соколов: «В 1924 году Котовский, ходатайствуя о восстановлении ему партстажа с 25 ноября 1917 года, писал: «Официально числясь членом РКП с апреля 1920 года, я фактически примкнул к партии и являюсь ее активным членом с 25 ноября 1917 года, когда на съезде 6-й армии Румфронта выделилась фракция большевиков, в которой я состоял. Ежедневное пребывание в условиях ежедневных боев не дало возможности официально себя зарегистрировать в партийной организации до 1920 года.

Сейчас возбуждаю ходатайство через ЦК о восстановлении стажа с 25 ноября 1917 года. Могу по первому требованию указать ответственных товарищей, могущих подтвердить настоящее заявление». Однако в восстановлении партстажа ему было отказано, что косвенно свидетельствует о том, что в армейский комитет 6-й армии он не избирался и в тамошней фракции большевиков не состоял».

В. Савченко более категоричен: «В документах подполья имя Котовского не встречалось… И на этом основании Котовскому было отказано в восстановлении его партийного стажа с 1917 или с 1918 года. Партийная комиссия, которая собралась в 1924 году, сделала вывод, что сотрудничество Котовского с партией началось только с весны 1919 года».

Следует отметить, что отказ Котовскому в восстановлении партстажа с ноября 1917 года мог произойти и по другой

причине. Как раз-таки об этом и написал в своем историческом труде Н. Верт: «После X съезда последовало сплочение партии, выразившееся в новой «чистке», укреплении власти и полномочий сокращенного аппарата, а также возросшей бдительности по отношению к возникновению любых политических течений, угрожающих единству партии.

С августа 1921 г. все члены партии должны были пройти новую проверку, растянувшуюся на многие месяцы, после которой около четверти всех коммунистов оказались исключенными из партии (в основном по тем же причинам, что и во время «чистки» 1919 г.) или вышли из нее по собственному желанию. В марте 1922 г. XI съезд принял четкие правила приема в партию, которые менялись в зависимости от социальной принадлежности вступающего: в партию легче всего было вступить рабочим, а крестьянам — легче, чем «прочим». Несмотря на эти меры, партия не стала более пролетарской по своему составу: в 1922 г. примерно 15 тыс. рабочих, недовольных «буржуазным переходом» к нэпу, вышли из ее рядов. По-прежнему вступление в партию означало возможность занять новый пост в партийной административной системе, в профсоюзах или другой «общественной организации», и поэтому многие стремились стать коммунистами».

Словом, в основу подсчета партстажа Котовского могли лечь совершенно другие аргументы, ибо в противном случае его и вовсе могли исключить из нее. Но факт остается фактом: Григорий Иванович действительно вошел в революцию в 1917 году сложившимся борцом за идеалы, провозглашенные советской властью. В годы Гражданской войны он как никто другой доказал это в боях с теми, кто хотел эту власть задушить.

3

В 1926 году Эдуард Багрицкий в «Думе про Опанаса» написал про Григория Ивановича такие строки:

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом…

Жеребец подымет ногу,
Опустит другую.
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский…
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок…

Именно с двадцатых годов Котовский становится легендарным героем советского фольклора и художественной литературы. Но прежде всего он становится советским военным и политическим деятелем…

В последний день октября 1922 года командующий Вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе подписал приказ № 1349/320 о формировании Управления 2-го кавалерийского корпуса, командиром которого назначили Григория Ивановича. Полное наименование (приказ РВС СССР № 219 от 29 апреля 1927 г.) 2-й кавалерийский корпус имени Совета народных комиссаров Украинской Советской Социалистической Республики. Сформирован 8 ноября. По документам Российского государственного военного архива в состав корпуса вошли: 4-я (впоследствии 3-я) Бессарабская (1922–1940) кавалерийская дивизия, 14-я (1930–1940) кавалерийская дивизия, 5-я (1931–1941) кавалерийская дивизия, 9-я (1940–1941) кавалерийская дивизия. Корпус подчинялся командованию Украинского Военного округа, Киевского Особого Военного округа и Одесского Военного округа. К началу Великой Отечественной войны дислоцировался в районе города Львов, Северной Буковине. Там же говорится: «Документальные материалы управлений 2–7-го кавкорпусов сохранились в крайне ограниченном количестве. 2-й кавкорпус не имеет отдельного фонда, копии приказов по корпусу отложились в фонде корпусного военного трибунала (ф. 24 235)».

В своей книге Шмерлинг рассказывает: «Части корпуса размещались в Бердичеве, Гайсине, Тульчине, штаб корпуса — в Умани.

Котовский все время находился в поездках. Он знал Подольскую лесостепь, города и местечки Винницины не хуже

родной Бессарабии. Здесь ему тоже были хорошо известны лесные тропы и далекие селения. Нужно было на месте изыскивать средства, находить помещения, налаживать пути подвоза.

В Бердичеве, на Лысой горе, Котовский решил в кратчайший срок восстановить старые казармы. Собственных кровельщиков и штукатуров не хватало. Командование обратилось за помощью к местному населению. На субботниках по строительству и ремонту казарм работали сотни людей.

Как-то, проезжая по Бердичеву, Котовский увидел, как красноармейцы разбирали высокую трубу разрушенного и заброшенного кирпичного завода. Трубу разбирали на кирпичи, которые срочно понадобились для кладки печей. Комкор приказал прекратить разборку. По его распоряжению были приняты меры для восстановления кирпичного завода, и вскоре корпус имел свой кирпич.

К казармам, на Лысую гору, была проведена узкоколейка протяженностью в несколько километров. Котовский следил за размещением частей, чертил планы конюшен, проверял систему вентиляции, испытывал качество брусьев, трапеций и других гимнастических снарядов.

Он упорно работал над тем, чтобы создать благоприятные материальные условия для успешного проведения боевой подготовки.

В боевой обстановке Котовский нередко собирал свою «походную академию», — т. е. созывал своих командиров и вместе с ними разбирал только что закончившуюся операцию, с тем чтобы извлечь уроки и обобщить опыт. И он не раз сетовал на то, что ему, так же как и большинству его товарищей, не удалось в свое время поработать над военной книгой, над военной теорией.

Встречаясь с командирами, прибывшими на фронт из Москвы, из военных академий, Котовский буквально набрасывался на них, требуя, чтобы они как можно больше рассказывали ему из того, что знали сами. Теперь же, когда отгремели бои, Котовского уже не могла удовлетворить «походная академия». В корпусе организуются повторные курсы для командного и начальствующего состава, школа для младших командиров. Котовский стремится к тому, чтобы люди, получившие огромный боевой опыт, вооружились и теоретическими знаниями».

По инициативе Григория Ивановича в корпусе было создано военно-научное общество, курсы переподготовки командного состава, трехмесячные курсы штабной службы. Для чтений лекций по тактике, стратегии и военному искусству Котовский приглашал военных специалистов из Харькова, Киева и Москвы. В

полках работали библиотеки.

Из внутренней переписки корпуса: «Боевой задачей каждого красного бойца должно быть желание получить через книгу тот запас знаний, который по возвращении его домой даст ему возможность поднять духовно и материально благосостояние его села» (Котовский).

Уже через год после формирования 2-й корпус принял участие на больших маневрах в районе Винницы. Внешний вид бойцов и командиров из частей Григория Ивановича был безукоризненным: новые гимнастерки темно-синего цвета, галифе из ярко красного сукна, новые сапоги. Блестят голенища и козырьки желто-красных фуражек. Блестят новенькие кожаные седла…

Корпус Котовского на маневрах выступал против 1-го корпуса червонного казачества под командованием В. М. Примакова (условный противник). Это была большая тактическая задача, которую предстояло решить. Что делает Григорий Иванович? Он имитирует на глазах условного противника ложную обстановку, оставляя перед его фронтом небольшую часть корпуса, и в самый решающий момент ночью, скрытно переправляется через Буг. Затем главными силами обходит его и наносит удар в тыл. И корпус Примакова терпит полное поражение.

4

Перед назначением на должность командира дивизии на комбрига Котовского была написана следующая аттестация: «Комбриг т. Котовский Григорий Иванович — бессарабец, человек незаурядный, с большим революционным стажем, обладающий колоссально сильным характером и железной волей, без всякого военного образования, но интересующийся военным делом и в этом отношении достигает хороших положительных результатов..

Совместная ратная славная служба, руководимая комбригом Котовским и политсоставом, спаяла в одно целое сознательно воспитанных бойцов. Масса верит в несокрушимость Соввласти, любит и уважает товарища Котовского… В моральном отношении бригада стоит высоко…»

Преданность котовцев своему командиру всегда была искренней… Как вспоминал Григорий Шалль, Котовский «за славой не тянулся, более ценил порядок и уважение бойцов. Часто выезжал на передовую, общался с рядовым составом, был заботлив, строг и справедлив».

Он же сохранил в тайниках своей памяти ночную проверку

боеготовности: «По эскадронам разносится: проверять будет САМ! Два эскадрона поднимаются по тревоге, получают приказ прибыть в пункт N… Состязание на время — победит тот, кто раньше окажется в N. Один из эскадронов побеждает, но… с подозрительно большим преимуществом. Тут надо сказать, что форма кавалериста состояла много из чего, но шинель укрывала его фигуру полностью. И то ли Котовскому доложили, то ли он сам догадался… короче, комдив приказал победителям снять шинели. Сняли — под ними подштанники да сапоги. Пока второй эскадрон честно одевался по тревоге, первый почти голышом прискакал туда, куда приказано.

Обратно в казарму по приказу Котовского «победители» пошли пешком: в сапогах без портянок! Но ни один боец обиды не высказал».

О секретах всеобщей любви к Котовскому поведал и генерал Н. С. Осликовский: «Чем больше мы общались с Григорием Ивановичем, который оказался очень гостеприимным хозяином, интересным и остроумным собеседником, обаятельным человеком, тем более росли наши симпатии к нему лично и уважение к его таланту полководца. Симпатии, видимо, росли взаимно, потому что кончилось наше общение тем, что Котовский предложил нам, убежденным кавалеристам, остаться в его корпусе. Наши раздумья длились недолго».

Некий Шурка Лукащук (описан в книге Л. Копелева «И сотворил себе кумира») любил рассказывать, как Котовский отбирал себе бойцов: «Наша котовская дивизия была самая славная на всю Украину, на всю Россию, да, може, и на весь свет. Геройская дивизия. Одно слово: непереможна, непобедимая. И скрозь до нашей дивизии шли добровольцы. И городские и сельские. Кто босой, обдертый, голодный. А кто на своем коне со справным седлом, с карабином или шашкой; с той войны сберег или отнял у кого. И еще мешок харчей везет. Григорий Иваныч сам принимал каждого и спрашивач: ты, значит, кто будешь, кто батько, зачем воевать хочешь? И завсегда давал такой последний вопрос: а в бога веруешь? И если кто скажет «верую», то Григорий Иваныч говорил: тогда ты мне неподходящий. Хоть бы какой геройский был с виду, и с конем, и с оружием, — не брал. Иди, говорил, до кого другого. Потому что у меня так: я в людях понимаю. И когда человека узнал, то знаю, шо с него ждать, шо спрашивать. Но если у него Бог есть, то я уже не могу знать, шо ему той Бог прикажет. А у меня в дивизии должен быть один бог — комдив».

Славился Котовский и защитой несправедливо обиженных. И это уже при советской власти. Один случай жена Котовского

помнила до конца дней своих: «О человеке, пришедшем за защитой к Грише. С утра был «большой день», т. е. было много работы, много просителей и т. д. Усталый Гриша лег отдохнуть и сказал, что больше сегодня принимать никого не в состоянии.

Вечерело. Меня вызывает ординарец — спрашивает комкора какой-то человек. Я его расспрашиваю, он не хочет ничего сообщить мне; я ему говорю, что тогда он пусть придет с утра назавтра, в ответ: «Значит, такова моя судьба, чему быть не миновать». В его голосе я почувствовала всю обреченность погибающего. Я ввела его в столовую, а сама пошла к Грише, разбудила его и рассказала ему о своем впечатлении. Сказал, чтобы я привела его к нему. Профилактически дала Грише револьвер, привела и сама стою.

Человек просит, чтобы остаться с Гр. Ив. с глазу на глаз, но Гриша заявляет, что это моя жена и верный товарищ, от кот. у него нет никаких тайн. Тогда человек рассказал, что он работал на выбор, должности около Ананьева (исполнял председьсовета или кем-то). Уполномоченный Чека сошелся с его женой. Чтобы избавиться от него, уполномоченный создал какое-то дело. Он бежал, и его заочно приговорили к расстрелу, тогда заложником взяли его сына. Он был на Донбассе, но подходил срок, и он боялся за сына. Тогда он решился на последнее средство — отдаться в руки Котовского.

Выслушав рассказ, Гриша написал председателю Одесского ГПУ и ночью письмо отправил с курьером, а этого человека оставил у себя в квартире.

Через 2 дня вернулся курьер с ответом: того уполномоченного отдан приказ арестовать; дело назначено к пересмотру.

Спустя несколько дней Гр. Ив. получил для него оправдательный приговор, и человек уже реабилитированный выехал к себе на родину. Это было в начале осени. Через год он приезжал со своей дочкой в гости и привез повозку арбузов в подарок. Когда Гр. Ив. узнал про арбузы, то страшно разозлился, но тот рассказал, как он на своем огороде отвел место, как каждый куст окапывал, каждый день следил, чтобы вырастить отборные арбузы, ибо он узнал, что Гр. Ив. любит арбузы. Он каждый день думает о своем спасителе. Гр. Ив. сдался, а арбузы были все на славу хорошие».

Помогал Григорий Иванович и бывшим своим бойцам, оказавшимся не у дел после демобилизации из армии. Он читал все их письма и никогда не оставался равнодушным.

«Дорогой наш товарищ командир! Я юношей оторван от родной семьи. Николай кровавый угнал меня на ту кровавую

бойню, которая была затеяна для наживы капитала, но из этой войны мне удалось выйти живым. Не бросая оружия, я вступил в ряды Красной армии. Это было в 1918 году, это было в тяжелую эпоху, когда наша революция была на краю гибели, когда на нас надвигались темные тучи, когда вихри враждебные веяли над нами. И тогда я поклялся держать крепко в руках оружие, с которым я недавно расстался, то есть 14 января сего года. Когда мы покончили войну с нашими врагами, стали сокращать нас — старых бойцов. Не знаю, чем заняться в этой жизни. Возьмите служить меня обратно или дайте наставление… Пишу Вам, своему командиру, и от Вас надеюсь получить помощь».

«Дорогой тов. Котовский! Покорнейше благодарю за то, что Вы меня не забываете и послали десять рублей. Я их получил и благодарю Вас за этот подарок. Я сейчас нахожусь в больнице, лечу свои раны. У меня открылись два ранения, хотели вытащить пулю с левой стороны живота, но еще не вынули… Я пишу Вам, лежа на койке, и только думаю о Вас… Я поступил в Ваш отряд еще около станций Новосавицкой и Кучурганы в 1918 году. Уже сколько лет я из дому. Мирной жизни не видел, всё время был на позиции, а сейчас демобилизовался… Товарищ Котовский, жду Вашего приказа — что мне делать дальше?»

«Здравствуйте, дорогой отец наш, Григорий Иванович!

Вы читаете письмо от Забудько, Николая Ивановича. Я бывший командир вверенного Вам корпуса. От швали, которую мы разбили, остались только рожки да ножки. А вот мы, старые бойцы, остались без делов. Товарищ начальник! Вы сами знаете, что я был у Вас примером. Я был у Вас комвзводом. Возьмите меня обратно к себе, чтобы научиться быть таким артиллеристом, как был наш погибший папаша Просвирин, чтоб в будущем не воевали б мы с пушками, которые рвались бы у нас. Хочу умереть около Вас за трудящийся народ и вернуться в корпус. А пока до свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поклон мамаше — Ольге Петровне».

«Я лично к Вам поехать не могу, у меня нет средств. Возьмите служить обратно или дайте наставление, как хлеб заработать и куда деваться. Пишу Вам это, своему вождю, и от Вас только надеюсь получить помощь».

Котовский лично занимался их трудоустройством…

«Вестник физической культуры» в 1925 году напишет, что Котовский стоял у истоков создания основ физической подготовки красноармейцев, создания системы физического воспитания советской молодежи. Г. Ананьев подчеркивает: «Он ввел ежедневную физическую зарядку, на которую в обязательном порядке выходили все — бойцы, командиры и политработники.

Сам он, если не выезжал из корпуса по общественным делам, непременно выходил на зарядку.

Котовский требовал, чтобы в каждом полку были оборудованы гимнастические залы, спортивные городки, предложил построить в Умани стадион и сам привлек к этому строительству школьников, допризывников и красноармейцев Уманского гарнизона. Общими усилиями стадион построили за несколько месяцев. Открытие его прошло торжественно. На митинге командир корпуса отметил:

— Раньше спорт был привилегией буржуазных классов, располагавших свободным временем, а теперь стал необходимостью, так как дает нам силы для защиты советской власти».

Однажды по указанию комкора в казармы были доставлены сорокаведерные бочки и кадушки. Все это было предназначено для купания бойцов и командиров в холодной воде даже зимой. По убеждению Григория Ивановича, если после такой процедуры совершить хорошую пробежку, то она только укрепит организм человека. Он говорил: «Пусть даже один заболеет, но зато десятки и сотни станут выносливыми и закаленными». Сам же он мог купаться в любую погоду. На дошедших до нас снимках Котовский купается во время ледохода: на льдине делает гимнастику. Рядом купаются его бойцы и командиры.

Из внутренней переписки корпуса:

«Командиру эскадрона связи Ильину ставлю на вид его индифферентное и несерьезное отношение к делу физической подготовки, следствием чего явилась отсталость в этом отношении эскадрона связи и бесцельная потеря времени… в кратчайший срок восполнить упущенное» (Котовский).

Каждый увольняемый в запас красноармеец получал памятку-наказ, которую составил лично их командир корпуса:

«Дорогой товарищ! Уходя из наших красноармейских рядов, постоянно помни наши боевые традиции, нашу революционную преданность советской власти и всем трудящимся.

Помни, что стальные ряды нашего корпуса неизменно остаются грозными для наших классовых врагов. Про нашу боевую отвагу, про удаль наших кавалеристов, про бесстрашие в боях с врагами ты разнеси молву повсюду, куда бы тебя ни кинула судьба, воспитывая этим боевой революционный дух у рабоче-крестьянской молодежи… Не забывай своей части и поддерживай с ней связь письмами и через наши газеты. Чувствуя эту связь, мы еще с большей энергией будем охранять границы наших трудовых республик от хищников мирового капитала. Если все это ты исполнишь, будешь достоин носить славное имя

красного воина и гражданина Советской Республики, будешь действительно активным строителем нашей страны и ее вооруженной мощи — Красной армии…»

Григорий Иванович Котовский никогда не жил для себя. И данное обстоятельство весьма важно в понимании внутреннего мира этого неординарного человека. Сам же он не раз говорил: «Если жить только для себя, так вообще не стоит жить». А что такое жизнь, Котовский знал лучше других и исключительно на собственном опыте.

В годы войны ему не однажды приходилось терять друзей и боевых товарищей. Разве мог он забыть как под Ольшанкой был смертельно ранен командир 2-го полка И. Н. Макаренко… Разве мог он забыть, как от тяжелых ран скончался командир 1-го полка Михаил Нягу… Разве он мог забыть смерть своего заместителя храбрейшего Михаила Павловича Ульриха при форсировании Буга… Многих не было рядом теперь, когда мирная жизнь с каждым днем становилась естественной. К ней начинали привыкать. Один лишь Котовский что-то предчувствовал… Когда в феврале 1923 года у него родился сын Григорий, он сказал своей жене вполне пророческие слова: «Если какому-то бандиту удастся прикончить меня, пусть не радуются, будет второй Григорий Котовский, — ты его сумеешь воспитать».

5

В Умани Котовский вместе с женой проживал на окраине города в доме бывшего военного коменданта вместе с его вдовой и ее племянницей. Когда женщин захотели выселить, то комкор запретил это делать. Пользовались Котовские и чужой мебелью, так как своего у них ничего не было.

Каждое утро Григорий Иванович шел в штаб пешком, хотя под боком у него всегда была машина. Однажды Ольга Петровна, собираясь на рынок, попросила у мужа штабной экипаж. Котовский не на шутку взорвался: «Не дай бог, потом скажут, что мадам Котовская ездит на экипаже».

Как свидетельствовала Ольга Петровна, они с Григорием Ивановичем не барствовали: «В Умани жили в Пролетарском пер., бывш. Дворянском, в доме, принадлежащем] б. Уездному Воинскому начальнику, где жила вдова-генеральша. Она была парализована и жила со своей племянницей. Григ. Ив. оставил ей кабинет и парадный ход в пользование, весь дом мы занимали — 6 комнат. По улице б. гостиная приблизительно 5×8 метров в 3 окна и наша спальня в 2 окна, рядом комната Лизы, затем для

прислуги столовая, ординарцев, коридор и кухня.

Обстановка убогая. В кабинете в простенке стояло трюмо генеральши. Посередине ближе к окну письменный стол, деревянное кресло от окна к письменному столу и перед письменным столом 2 старых красных бархат[ных] кресла. Направо в углу диван и 2 кресла, др. стулья желтого плюша, затем фанерный столик, заполненный газетами, у другой стены этажерки с книгами, кот. я хотела «профилактически» перенести в спальню, т. к. гости «зачитывали» нужные книги.

Налево при входе за ширмой стояла ванна эмалированная, кувшин и таз для умыванья. Среднее окно на зиму не закрывалось, т. к. Гр. Ив. ежедневно делал гимнастику при открытом окне, а затем я обливала его холодной водой из ведра, вставши на стул. За стеной старая генеральша слышала плеск воды и шум в открытое окно и куталась, ей было страшно. Но Григ. Иванов, она очень уважала, хотя он был и «большевик».

Из окон видно было далеко поле и полотно жел. дороги. Поезд из Киева можно было видеть за полчаса до прихода на станцию. Я поджидала у окна появления поезда и посылала на станцию, ставила завтрак (поезд утром). Когда он приезжал, было всё готово».

О любимых блюдах Котовского его жена поведала следующее: «Он сладкоежка. Хотя было трудно, но я его все-таки баловала — давала всякие коржики, пирожки (если позволяла стоянка), любил мамалыгу, брынзу, чеснок, сало с красным вином не больше 1 стакана, борщ молдаванский с красным перцем. Чтобы угодить его вкусу, я пробовала перед подачей, если весь рот горит, значит, ему понравится. Очень любил пампушки с чесноком — это булочки величиной с волошский орех, горячие из печки складываются в миску, обливаются (салом?) с тертым чесноком и покрываются. Через 15 минут они становятся мягкими, смазанными салом и «воняют» чесноком. Я не выношу чеснока, а потому, давая на стол, устраивала активную вентиляцию.

Самое любимое — мороженое, кот. он ел дома с глубокой тарелки и столов, ложкой, его темпераменту претила чайная».

Как утверждал сын Котовского, «он никогда не курил, а пил только вино, и то когда собирались бессарабцы. Лишь однажды он напился и уснул за столом: было выпито ведро молдавского вина!»

С ее же слов, читать Григорию Ивановичу было трудно — сказывалась контузия. После быстрого утомления у него начинались боли в глазах. Ольга Петровна насколько можно облегчала ему работу: она просматривала журналы и газеты,

отбирала нужные статьи и даже читала иногда вслух. И все же Котовский читал. В Умани он увлекался Виктором Гюго, Жюлем Верном, Жаном Жоресом, Георгием Плехановым и Михаилом Покровским. Любил Льва Толстого. Весьма хвалил «Аэлиту» Алексея Толстого.

Как пишет Шмерлинг, рабочий день Котовского начинался в пять утра летом и в шесть — зимой: «В кабинете, за ширмой, у него были большая эмалированная ванна и кувшин. Среднее окно в кабинете не замазывалось на зиму. Котовский делал гимнастику при открытом окне, а потом обливал себя водой и докрасна растирал грудь полотенцем.

Летний распорядок дня у Григория Ивановича был таким:

Подъем — в 5 часов.

Гимнастика и тренировка — до 6 часов 30 минут.

Завтрак — до 7 часов.

Занятия — до 10 часов.

Тренировка — до 10 часов 30 минут.

Занятия — до 13 часов 30 минут.

Тренировка — до 14 часов.

Занятия — до 15 часов 30 минут.

Тренировка — до 16 часов.

Обед — до 17 часов.

Занятия — до 21 часа.

Гимнастика и тренировка — до 22 часов 30 минут.

Сон — с 23 часов.

Бросается в глаза, что на гимнастику и спортивные тренировки Котовский тратил 4,5 часа, а на занятия, включавшие как командование корпусом, так и самообразование, — 11,5 часа. Он фактически не отдыхал, вернее, гимнастика и спорт служили ему отдыхом.

Котовский любил уединение. Он однажды записал в дневнике: «Сила уединения очень важна». Может, он и не был так счастлив в жизни, как казалось окружающим?

Утром Котовский составлял план того, что должен сделать в течение дня».

И еще одна деталь к портрету комкора: Котовский был взрывной натуры человек. Как рассказывала Ольга Петровна, когда домой приходили командиры, они прежде всего спрашивали: ««Как затылок у командира — красный или нет?»; если красный, то лучше было не подходить».

Историческая справка: «Военно-потребительское общество (октябрь 1921 — июль 1924), низовое звено системы военно-потребительской кооперации (дивизионные, губернские, гарнизонные, морские В.-п.о.), объединявшее военных потребителей (красноармейцы, военморы, командный состав, служащие военного и военно-морского ведомств в количестве не менее 300 чел.).

Задачи В.-п.о. — совместные закупки, производство и продажа продуктов питания и предметов первой необходимости членам В.-п.о., заготовки и поставки на армию и флот на контрагентских началах продовольствия и фуража.

В.-п.о. имели в своем составе производственные предприятия, кустарно-промысловые артели и сельхозы. В.-п.о. являлись усовершенствованной формой кооперативов, действовавших на основе «Положения о добровольных военно-кооперативных объединениях» (4 октября 1921 г.) и «Нормального устава добровольного военно-кооперативного объединения» (15 апреля 1922 г.). В.-п.о. имели право открытия своих отделений там, где это было необходимо по условиям расквартирования воинских частей, войск ОГПУ и милиции. На территории военного округа (фронта, отдельной армии) объединяющим органом для В.-п.о. являлось Военно-кооперативное управление округа (фронта, отдельной армии)».

Военно-потребительские общества в Красной армии создавались с введением новой экономической политики (НЭП). Как подчеркивает Н. Верт, «по мнению Ленина, сущностью нэпа должен был стать союз рабочих и крестьян, поскольку только он мог решить проблемы экономической отсталости страны. Экономика России была слабо развитой, свободного капитала не хватало, обращение за помощью к иностранному капиталу было теперь безнадежно. Решить насущные задачи можно было одним из двух взаимоисключающих способов: либо улучшить снабжение деревни средствами производства и таким образом повысить производительность труда в сельском хозяйстве (при этом следовало учесть отток капиталов из промышленности и замедление ее развития), либо все средства направить на индустриализацию, чтобы создать рабочие места вне сельского хозяйства. В последнем случае крестьяне становились страдающей стороной. Царское правительство в свое время предлагало пойти по второму пути. Ленинская концепция нэпа отрицала возможность развития только промышленности или только сельского хозяйства и неизбежность ущемления (прямого или косвенного) одного другим как единственного источника экономического роста. Промышленность и сельское хозяйство

должны были помогать друг другу и развиваться одновременно, по следующей схеме «технического союза»: восстановление тяжелой промышленности, ориентированной прежде всего на то, чтобы обеспечить сельское хозяйство средствами производства; поощрение мелких сельских предпринимателей; импорт сельскохозяйственной техники в обмен на сырье, которое советская промышленость еще не могла обрабатывать. Быстрое улучшение технической базы сельского хозяйства вызвало бы немедленное увеличение его производительности и прирост сельскохозяйственной продукции, которая будет направлена на рынок. Таким образом, город будет накормлен, и страна снова сможет экспортировать сельскохозяйственную продукцию, получая взамен машины и оборудование для промышленности. В то же время излишки этой продукции стимулировали бы развитие внутреннего рынка и позволили бы промышленности накопить новые средства, необходимые для последующего развития народного хозяйства».

Словом, командиры Красной армии хозяйственной деятельностью занимались не по велению души, а совершенно вынуждено. Деваться им было некуда, ибо время было такое… Вот и Григорий Иванович создает в своем корпусе военно-потребительское общество — ВПО.

По замыслу свыше, ВПО не только должно было снабжать части корпуса продовольствием, фуражом и обмундированием, но и организовать самое настоящее товарное производство. Так, по инициативе Котовского был создан Цувоенпромхоз — Центральное управление военными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями.

Биограф Котовского Г. Ананьев пишет об этом следующее: «Первый шаг в работе ВПО — восстановление сахарного завода в Перегоновке, близ Умани. Он бездействовал давно, часть оборудования уже пришла в негодность. Котовский поехал на тот завод сам. Осмотрел его, свекловичные поля, поговорил с крестьянами и пришел к выводу, что восстановить завод стоит. Но своими силами, без привлечения крестьян, сделать это было невозможно, да, кроме того, нельзя начинать столь большое дело, не имея твердых гарантий на поставку сырья, и Котовский разрабатывает проект договора между ВПО и крестьянами на контракцию посевов сахарной свеклы. Договор этот предусматривал обоюдные интересы и пришелся по душе крестьянам. Его подписали в селах Перегоновка, Семидубы, Вербовье, Троянка, Метеричи.

Восстанавливали сахарный завод сообща — красноармейцы и крестьяне. Сообща и трудились на нем. И вот успех: 170 тысяч

пудов сахара за первый сезон.

После расчета с крестьянами и рабочими завода в распоряжении ВПО осталась прибыль — 30 тысяч пудов сахара высшего сорта. Это уже заметный оборотный капитал.

Об этом успехе ВПО корпуса говорилось на совещании работников сахарных заводов в Москве…

Так же удачно начал работать хмелеводческий совхоз «Рея» — почти полтора миллиона рублей прибыли, 300 тысяч из которых остались в распоряжении ВПО. На эти деньги для бойцов купили кровати, тумбочки, посуду для столовых, сукно для обмундирования…

С каждым месяцем деятельность военно-потребительского общества расширялась. Во всех частях корпуса начали работать лавки, где бойцы и командиры могли приобретать для себя необходимое. Лавки и киоски открывались в городах. Только в Умани их стало 42. Военно-потребительское общество успешно торговало на Нижегородской ярмарке, где имело свой павильон. Вообще же общество заготавливало сено, дрова, откармливало скот, выпекало хлеб, производило колбасы, мыло, кожу и все это продавало по невысоким ценам, заставляя тем самым спекулянтов тоже снижать цены на продукты и товары.

Нужды общества заставили Котовского обратиться к М. В. Фрунзе с просьбой помочь наладить твердое обеспечение предприятие и торговых точек керосином и другими нефтепродуктами. Михаил Васильевич порекомендовал Григорию Ивановичу съездить в Баку и написал письмо председателю правления Азербайджаннефть и в ЦК КП(б) Азербайджана С. М. Кирову: «Податель сего письма является командир 2-го конного корпуса (член Российской Коммунистической партии и член ВУЦИКа) Котовский, прибывший в Баку по делу приобретения нефтепродуктов, необходимых для производственных предприятий корпуса. Тов. Котовский в смысле политическом и деловом пользуется абсолютным доверием и авторитетом у командования. Прошу Вас оказать всяческое содействие по удовлетворению просьб тов. Котовского.

С товарищеским приветом М. Фрунзе»».

До наших дней сохранился «Протокол встречи на сахарном заводе (выписка)», датированный 31 декабря 1923 года. Итак, говорит Котовский:

«Товарищи. Тут есть несколько записок от плантаторов сахарного завода. Плантаторы, которым мы задолжали, должны знать о том, что когда корпус взял завод в аренду, он взял на себя задолженность в 67 000 пудов сахара. Все плантаторы знают, что Богомольный (бывший арендатор завода) не платил вам в 1921–

22 гг. Однако корпус все же затратил большие деньги для того, чтобы поставить на ноги завод, 36 000 червонцев. Я сам на съезде обещал, что мы дадим крестьянам сахар в первую очередь. Мы давно бы выполнили это обещание, но каждый знает, что для того, чтобы получить сахар, необходимо оплатить акциз. Крестьяне тут говорили, что с берковца (берковец — старинная мера сыпучих тел, равная 164 кг) получается 75 фунтов сахара. Вы забываете, что государство берет 50 % акциза. Завод выпустил в этом году 128 000 пудов сахара. С этого количества мы уже сейчас должны заплатить 65 000 пудов одного акциза. Но не забывайте, что есть еще социальное страхование и что завод несет огромные расходы. Административный аппарат завода у нас минимальный. Что касается моего обещания о выплате, то это обещание свято. Мы не могли выплатить лишь потому, что сахар не выпускали с завода, пока мы не оплатим акциз. Мы вложили все деньги корпуса, а сейчас нам необходимо выплатить еще вам 30 000 пудов. Мы два месяца ходатайствовали о том, чтобы нам дали сахар без немедленной выплаты акциза. Это ходатайство закончилось с успехом, и на днях мы начинаем выплату плантаторам до одного фунта. Я вам оглашу график выдачи по селам…»

Когда в производство был запущен кожевенный завод, Григорий Иванович лично подготовил по этому случаю приветственный адрес: «Дорогие товарищи, рабочие и служащие завода! Мы, командование и правление Общества, от лица командиров, комиссаров, красноармейцев и членов военно-потребительского общества, в день годовщины перехода завода из рук вечных врагов рабочего класса капиталистов-хозяйчиков в руки Красной армии, поздравляем вас с этим великим торжественным днем, днем первых побед рабочего класса под управлением и зашитой ваших братьев красных кавалеристов имени Совнаркома Украинской ССР.

Год усиленного совместного труда дал заводу те достигнутые победы, которые вы сами в этот торжественный день будете констатировать. Впереди еще много трудностей, путь покрыт шероховатостями, но мы уверены в вашем классовом сознании пролетариев-кожевенников, которые будут на трудном пути достижения полного процветания завода нести так же высоко багровое знамя Коммунистической революции, как и ваши братья, красные кавалеристы, в дни суровых боевых рубок с различными полчищами белогвардейских капиталистических банд, возглавляемых наймитами, золотопогонными генералами, атаманами и батьками. Мы уверены, что в ваших сердцах будет гореть то же желание, что и у кавалеристов, которые за свою

лихую работу и верность рабочим и крестьянам и их власти носят имя кавалеристов Совнаркома УССР, и что наши традиции «Только вперед к победам» будут и вашими традициями. Да здравствуют именинники сегодняшнего дня, герои труда — кожевенники завода 2 Кавкорпуса!

Да здравствует единение Рабочего и Красноармейца в борьбе за победу на хозяйственном фронте!»

Двоюродная правнучка Котовского Галина Филатова о хозяйственной деятельности своего родственника рассказывает так: «После Гражданской войны Котовский не распустил свою бригаду по домам, а «посадил на землю» — на поля Бессарабии. Для этого преобразовал войско в сельхозкоммуну и внедрил в ней лично разработанную модель внутреннего хозрасчета. (Ни советским, ни перестроечным экономистам не удалось повторить его экономический подвиг.) Работники коммуны Котовского в конце расчетного периода получали плату деньгами (золотыми червонцами), жили в достатке. Растаскивать имущество имения, на базе которого выросла коммуна, не запрещалось…»

Организация коммуны началась с открытия в селе Ободовка конного завода, где начали выращивать жеребят. Об этом красноречиво говорит следующий документ, подписанный Котовским: «Инициативной группе по организации сельхозкоммуны. Идя навстречу устройству быта демобилизованных красноармейцев, в частности уроженцев Бессарабии, командование 2 Кавалерийского корпуса настоящим передает в Ваше распоряжение корпусные совхозы — Ободовку и Верховку для организации в таковых образцовой сельскохозяйственной коммуны.

Передавая указанные совхозы, командование корпуса уверено в том, что члены организации коммуны — старые бойцы 2 Кавалерийского корпуса, ветераны Гражданской войны — на новом фронте коллективного сельскохозяйственного труда явятся живым примером для окружающего населения и будут проводниками среди него всех культурных начинаний рабоче-крестьянской власти».

Григорий Иванович лично направлял в Ободовку демобилизованных бойцов, иные красноармейцы из других частей разыскивали коммуну сами. И все они становились коммунарами, останавливаясь в разрушенном дворце помещика Сабанского. Начинали с двадцати двух лошадей, с нехватки плугов, а уже весной 1924 года Котовский приобрел для них в Одессе пять тракторов. В Тульчанах помог купить 60 лошадей, в США — три «фордзона». При поддержке председателя ВУЦИКа Г. И. Петровского Котовский «пробил» для коммуны динамо-

машину и там появилось электричество. Вместе с молодым агрономом А. Петиковым Григорий Иванович разработал «десятипольную систему севооборота, в которой 70 процентов занимали зерновые и зернобобовые, 20 процентов — сахарная свекла, 10 процентов многолетние травы. Это сразу же сказалось на урожаях. Уже на второй год в коммуне смогли ввести денежную оплату труда, причем гарантированную, организовать бесплатное общественное питание во время полевых работ, а также открыть бесплатные ясли.

Разрасталась «Бессарабская», крепла экономически. Коммунары взяли в аренду ободовскую мельницу, открыли макаронную фабрику, наладили сушку фруктов, изготовление повидла, а затем и фруктовых вин; заработал в Ободовке молочный завод — все это приносило хорошие доходы, позволяло увеличивать не только общественные фонды коммуны, но и денежную оплату труда коммунаров» (Г. А. Ананьев).

Как свидетельствует Шмерлинг, «Котовский постоянно интересовался жизнью и работой коммуны. Он сам разрабатывал всевозможные агрикультурные мероприятия, которые считал необходимым ввести в коммуне, давал советы коммунарам скорее наладить производство сыров, сажать виноградники, выпускать плодово-ягодные вина, варить повидло.

…К 1925 году сельскохозяйственная Бессарабская коммуна стала одной из лучших на Украине. В гости к коммунарам-котовцам приезжали экскурсанты из других сел. Они осматривали обширное хозяйство коммуны: конюшни, молодые сады, молочную ферму, инкубаторы. Всеобщее внимание обращали на себя шагавшие по двору верблюды. Эти верблюды, доставленные из Африки англичанами для Деникина, таскали когда-то орудия белогвардейцев. Потом они были захвачены красными конниками…

В Ободовке же на верблюдах развозили корм свиньям».

Любопытно воспоминание Григория Шалля о попытках растаскивания барского имущества в коммуне: «Взял конюх часы из барской гостиной — напольный Мозер, красивый и дорогой. Коней ему, видите ли, надо по часам кормить, поить да выгуливать. Ну взял так взял. А в конце месяца пришел за расчетом.

Ему: денег не положено, наоборот — за тобой должок. Какой? А погляди: заработал ты столько-то, потратил столько-то. Плюс вычет за амортизацию оборудования. Барских часов. В этот же день часы вернулись в особняк, больше их никто не трогал».

Неудивительно, что в деятельности командира корпуса все большую роль стали играть дела хозяйственные. Военные вопросы

теперь занимали гораздо меньше места в блокноте Григория Ивановича: «проверить ход контрактации свеклы; проверить торговлю военно-кооперативных лавок; — в президиуме горсовета поднять вопрос о восстановлении кирпичного завода; — рассмотреть жалобу крестьян на неправильные действия сельсовета; — о постройке городского стадиона; — об агрономической школе; — о детском саде…»

Глава десятая
Фрунзе и Котовский

1

Политическая деятельность Котовского в двадцатые годы была связана, прежде всего, с проектом создания Молдавской республики. Как вспомнит С. М. Буденный, «…в 1923 году как-то у меня на квартире встретились Г. И. Котовский и М. В. Фрунзе. И за стаканом чая произошел интересный разговор. Г. И. Котовский, не расставаясь с мыслью о создании свободной и независимой республики, вдохновенно говорил: «Только Молдавская республика даст возможность нашему народу побороть тяжелую нужду и с помощью русского пролетариата построить новую светлую жизнь! Хочу об этом написать в ЦК, мечтаю поговорить лично с Владимиром Ильичом Лениным. Я глубоко уверен, что Ленин поймет чаяния молдаван и поддержит нас». Мы горячо одобрили мысль Котовского. Михаил Васильевич Фрунзе дал Котовскому несколько советов».

В конце 1923 года на съезде Советов Киевской губернии Григория Ивановича избирают делегатом на Всесоюзный съезд Советов. Он очень серьезно готовится к предстоящему выступлению в Москве, но в январе умирает Ленин, и тогда комкор обращается за поддержкой к Фрунзе, который рекомендует изложить свои предложения в письме в ЦК партии и дает обещание посодействовать в этом вопросе. В начале февраля 1924 года письмо с предложением создать Молдавскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Приднестровье направляется в ЦК РКП(б), в Москву:

«Румынское правительство создало в Бессарабии режим насильственной румынизации края и национального угнетения; режим белого террора, сопровождающегося пытками средневековья, произвола и грабежа. Сотни, тысячи рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции были расстреляны в Бессарабии под предлогом борьбы с большевизмом. Даже буржуазные элементы этой провинции, смотревшие когда-то на румын как на избавителей от «большевистских ужасов», возмущены румынской администрацией. В прошлом году бессарабские депутаты и сенаторы (между ними тот же Инкулец)

в румынском парламенте указывали на ужасы, которые происходят в Заднестровской провинции. С их слов видно, что даже местная буржуазия предпочла бы советский режим румынскому. И действительно, больше чем с уверенностью, на основании личных наблюдений и впечатлений от разговоров с беженцами, можно утверждать, что, исключая крупно-помещичью верхушку, нет ни одного элемента в сельском и городском населении, который бы не добивался освобождения от румынской оккупации и присоединения к СССР.

В целях борьбы с рабочим и коммунистическим движением, а также проявлениями недовольства края, румынское правительство усилило полицию, жандармерию и ввело осадное положение. Край был выделен на особое положение и с 15 октября 1922 года был введен институт бессарабского генерал-губернаторства. На должность генерал-губернатора, непосредственно подчиненного совету министров, был назначен палач-генерал Попович, пользующийся неограниченной властью. Таким образом, Бессарабия докатилась от республики и социальной революции до провинции, подчиняющейся произволу неограниченного владыки. Само собой разумеется, что подобное управление Бессарабией только углубляет враждебность населения к старому королевству Румынии, и мы полагаем, что, в интересах СССР и социальной революции, [необходимо] сделать всё возможное для использования этого настроения».

В конце июля 1924 года Политбюро ЦК приняло постановление «О Молдавской АССР», которым определялось создание Молдавской АССР в составе УССР. Как пишет Г. Ананьев, «…Одесский губком утвердил организационную комиссию, на которую возлагалась вся подготовительная работа по созданию республики. Григорий Иванович вошел в эту комиссию. Он создает группу политработников и топографов для определения границ республики. Выезжает в Балту, Ананьев, Бирзулу, в села Крутые, Кодыма, Липецкое и другие, где выступает перед рабочими и крестьянами, разъясняя суть и значение постановления Политбюро ЦК РКП (б) и призывая единодушно его поддерживать. (…)

6 октября 1924 года в Бирзуле (ныне Котовск Одесской области) начал работу съезд учредителей республики. В клубе железнодорожников делегаты от городов и сел Приднестровья и Одессщины заполнили все ряды, стоят в проходах. Выступающих за создание автономной республики поддерживают дружными аплодисментами. Особенно часто прерывали овациями выступление Котовского…

Съезд принял решение в поддержку создания Молдавской

АССР в составе Украины. 12 октября 1924 года на III сессии Всеукраинского ЦИКа было торжественно провозглашено о свершившемся акте — рождении новой республики. Вся полнота власти до созыва I Всемолдавского съезда Советов передавалась в руки ревкома, в состав которого вошел и Г. И. Котовский».

В апреле 1925 года на I съезде Советов Молдавской АССР было принято решение о создании республики. На работу в ее партийные, государственные и хозяйственные органы из 2-го корпуса перешли многие командиры и политработники. Более того, все основные оборотные средства ВПО Котовский передал туда же.

2

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 года в Туркестанском крае и был младше Котовского всего на несколько лет. Схожего в их биографиях вполне достаточно, чтобы провести некоторую параллель. Мать, Мавра Ефимовна, — русская. Отец, Василий Михайлович, — молдаванин. В анкетах будущий военачальник указывал всегда крестьянское происхождение (отец Михаила Васильевича работал фельдшером в городской аптеке). Однако на вопрос о собственно социальном положении всегда писал: «крестьянин-интеллигент».

Отец Фрунзе умер рано, оставив большую семью: двое сыновей и три дочери. После обращения матери Фрунзе в Собрание уполномоченных оба ее сына получили образование за казенный счет. Учился Михаил Васильевич превосходно. Любил охоту, изучал природу края, проявлял задатки ученого. Как подчеркивает Л. Млечин, «собранный им гербарий и по сей день хранится в Ботаническом институте Академии наук в Петербурге». Если старший брат Фрунзе поступил на медицинский факультет Казанского университета, то Михаил Васильевич выбрал экономическое отделение Петербургского политеха.

Млечин абсолютно точен, когда характеризует Фрунзе человеком тонко чувствующим, неравнодушным к страданиям других людей: «Это привело его к революционной деятельности, но помешало получить образование — он окончил только три курса института.

Фрунзе вступил в партию большевиков в ноябре 1904 года. В 1905-м оказался в Ивано-Вознесенске, где два года участвовал в революционной борьбе. Здесь он познакомился с Андреем Сергеевичем Бубновым, который будет у него в Реввоенсовете

начальником политуправления.

В октябре 1905 года Фрунзе арестовали. Но власти отнеслись к нему на редкость мягко. Через две недели выпустили с обязательством переехать в Казань и оттуда не отлучаться. Нарушив обязательство, Фрунзе уехал в соседнюю Шую. Он, как заправский охотник, с детства владевший оружием (первым оружием был самодельный пистолет, стрелявший дробью), организовал боевую дружину. Собирался захватить оружейный склад.

17 января 1907 года Фрунзе организовал захват типографии в Шуе, чтобы напечатать революционные листовки. Типография работала на большевиков весь день, отпечатали две тысячи листовок. Эта операция не прошла ему даром. В марте его взяли с оружием в руках, поэтому полиция действовала грубо, ему изрядно досталось ружейным прикладом.

Теперь уже власти взялись за него всерьез.

Фрунзе предъявили целый букет обвинений, среди которых самое серьезное — принадлежность к боевой организации и руководство боевыми выступлениями. Это само по себе грозило ему длительным сроком лишения свободы. Но его еще и обвинили в попытке убить полицейского урядника Никиту Перлова. Фрунзе стрелял в урядника, но промахнулся. Это преступление каралось высшей мерой наказания.

Военный суд Московского военного округа 27 января 1909 года приговорил Фрунзе к «смертной казни через повешение». Но ему повезло с защитником. Тот нашел юридические основания и добился того, что Главный военный суд удовлетворил кассационную жалобу. Дело Фрунзе рассматривалось еще раз. Но 23 сентября 1910 года его вновь приговорили к смертной казни.

Медики полагают, что язвенная болезнь чаще всего является результатом тяжелых стрессов. Стоит ли удивляться, что эта болезнь прицепилась к человеку, который столько времени провел в камере смертников.

Но ему повезло. Командующий военным округом заменил Фрунзе смертную казнь шестью годами каторжных работ. До лета 1912 года он сидел в знаменитом Владимирском централе, оттуда его перевели отбывать наказание в каторжную тюрьму города Николаева Херсонской губернии.

На каторге он был садовником, огородником, научился проводить водопровод, делать ведра, кастрюли и чинить самовары. В сентябре 1914 года его выпустили из тюрьмы».

В августе следующего года Фрунзе бежал из ссылки и работал в Чите по поддельному паспорту на имя Владимира Григорьевича Василенко. Агент справочного бюро статистического отделения

губернского переселенческого управления часто печатался в газете «Забайкальское обозрение». Литературно одаренный молодой человек со знанием дела писал о ходе Первой мировой войны. Перебравшись из Сибири в Москву, Михаил Васильевич весной 1916 года поступил на военную службу в 56-ю артиллерийскую бригаду на правах вольноопределяющегося, однако занимался снабжением и был заведующим хозяйственным отделом Всероссийского земского союза при 10-й армии.

В 1918-м Фрунзе — комиссар Ярославского военного округа, а в конце года приказом самого Троцкого его назначают командующим 4-й армией Восточного фронта. Как подчеркивает Млечин, «главком Вацетис возражал против назначения Фрунзе командующим армией, потому что не верил в военные способности партийных выдвиженцев. Михаил Васильевич поступил благоразумно — понимая, как и Троцкий, что он нуждается в военных специалистах, начальником штаба взял бывшего генерала Новицкого.

Новицкий в своих воспоминаниях рассказывал, что первоначально его самого прочили на должность командующего армией, но он настоятельно рекомендовал Михаила Васильевича, обещав помогать ему всячески по военной части. Они работали вместе на Восточном, а затем и на Туркестанском фронте.

До Фрунзе 4-й армией командовал бывший генерал-лейтенант Александр Алексеевич Балтийский. Он сдал Фрунзе должность и остался при нем «для поручений» — фактически в качестве военного советника. Обладая такой сильной командой, Фрунзе сделал минимальное число ошибок и быстро учился у своих военных наставников».

Весной 1919 года Фрунзе вступил в командование Южной группой войск Восточного фронта, а летом был назначен командующим войсками Восточного фронта, затем Туркестанского. В сентябре 1920-го ему поручают возглавить Южный фронт, в декабре — войска Украины и Крыма. За годы Гражданской войны Михаил Василевич был дважды удостоен ордена Красного Знамени: в первый раз за ряд успешных операций против Колчака, а во второй — за разгром Повстанческой армии Махно. В истории он остался как один из наиболее крупных военачальников Красной армии, а также как военный теоретик.

Весной 1924 года Михаил Васильевич назначен заместителем председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам (одновременно являлся начальником штаба Красной армии и начальником Военной академии). В январе 1925-го он уже председатель Реввоенсовета СССР и нарком по

военным и морским делам.

Как пишет Д. Волкогонов, «мало кто тогда в деталях знал, сколь большую работу провел Фрунзе для достижения победы на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. Сталин, сам обладавший недюжинной решительностью, поражался спокойной манере руководства этого пролетарского полководца, способного на высшее проявление политической и военной воли. За короткое время пребывания на посту наркомвоенмора Фрунзе очаровал всех глубиной своего интеллекта, новизной подходов к вопросам военной доктрины, реформы вооруженных сил, оперативного искусства в современной войне».

3

Бытующее мнение о том, что М. В. Фрунзе принял решение назначить Котовского своим заместителем, не выдерживает никакой критики. Более того, все факты говорят о том, что Григорий Иванович и сам не собирался покидать свой корпус, по крайней мере в ближайшие годы.

После окончания Гражданской войны Красная армия, как и вся страна в целом, находилась в тяжелейшем состоянии. Уже в начале 1924 года в ходе обследования ее состояния комиссией Центрального комитета партии было установлено, что организованной и обученной армии нет и в настоящем виде она небоеспособна, в связи с чем было принято решение о ее реформировании. Важнейшим элементом этих преобразований явился переход к смешанной системе комплектования (кадровая армия и территориально-милиционные формирования). Первоначально это коснулось стрелковых и кавалерийских соединений, с целью дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производительного труда. Полностью кадровыми оставались только технические рода войск. Новая система всеобщего обучения военнообязанных при необходимости должна была обеспечить быстрое развертывание более или менее подготовленного боевого состава вокруг кадрового состава дивизий. Например, в дивизиях до 20 % штатов составляли кадровые командиры, политработники и красноармейцы, остальной состав ежегодно, в течение пяти лет, призывался на военные сборы сначала на три, а затем на один месяц в году. Все остальное время военнообязанные работали в сельском хозяйстве и промышленности. Переход к смешанной системе был продиктован сокращением численности Красной армии с 5

миллионов до 600 тысяч человек.

Именно в таких предельно трудных условиях Григорию Ивановичу приходилось командовать своим корпусом, вплотную заниматься архисложными делами коммуны и военно-потребительского общества. Стоит подчеркнуть, что все это огромнейшее хозяйство располагалось рядом с Бессарабией. Более того, создание Молдавской Автономной Республики, к которому лично Котовский приложил немало усилий, только подтверждает отсутствие у него каких-либо видимых причин покидать Украину и родные места. Что же касается назначения Григория Ивановича в Москву, заместителем к Фрунзе, то это не более чем желание его близких людей выдать желаемое за действительное, дабы таким образом объяснить причину его убийства. Однако все гораздо проще, чем можно было бы предположить. И здесь вполне достаточно веских причин, утверждающих об обратном.

Итак, Революционный Военный Совет Республики (РВСР), с 28 августа 1923 года — РВС СССР — высший коллегиальный орган военной власти в Советской стране с 6 сентября 1918 по 20 июня 1934 года. Председателем РВСР являлся нарком по военным и морским делам. Первым, как известно, был Лев Давидович Троцкий (1918–1925); вторым стал Михаил Васильевич Фрунзе (1925); третьим — Климент Ефремович Ворошилов (1925–1934). Количество членов РВСР было непостоянным и составляло, не считая председателя, его заместителей и главкома, от 2 до 13 человек.

«При Фрунзе упростилась схема управления вооруженными силами, — совершенно точно подчеркивает Л. Млечин. — Должность главкома ликвидировали — в мирное время она не нужна.

Еще в феврале 1921 года Всероссийский главный штаб и Полевой штаб Реввоенсовета слили в единый Штаб РККА.

Главное управление РККА занималось повседневными нуждами армии. Инспекторат РККА во главе с бывшим главкомом Сергеем Сергеевичем Каменевым ведал ходом боевой подготовки. По предложению Фрунзе инспекторат был влит в Штаб РККА».

У председателя РВС Фрунзе было две должности заместителя. Один из них (должность введена в 1918 году) через Управление делами РВСР и Всероглавштаб руководил центральным и местным военным аппаратом, координировал его деятельность с работой Главного командования, являлся докладчиком по военным вопросам в партийных и правительственных органах. Другой (должность введена в 1924 г.) занимался вопросами боевой подготовки войск. Всего заместителей с 1918 по 1934 год

было восемь: Склянский Эфраим Маркович (22 октября 1918 — 11 марта 1924); Фрунзе Михаил Васильевич (11 марта 1924 — 26 января 1925); Уншлихт Иосиф Станиславович (6 февраля 1925 — 2 июня 1930); Лашевич Михаил Михайлович (6 ноября 1925 — 20 мая 1927); Каменев Сергей Сергеевич (20 июня 1927 — 20 июня 1934); Гамарник Ян Борисович (2 июня 1930 — 20 июня 1934); Уборевич Иероним Петрович (2 июня 1930 — 11 июня 1931); Тухачевский Михаил Николаевич (11 июня 1931 — 20 июня 1934).

Заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя РВС СССР Фрунзе был назначен И. С. Уншлих. «…Занимался сокращением и модернизацией центрального военного аппарата, — пишет Млечин. — Уншлихт вырос и учился в Польше. В 1900 году он стал членом партии «Социал-демократия Польши и Литвы». Шесть раз арестовывался, трижды его отправляли в ссылку, в последний раз в 1916 году сослали в ссылку в Иркутскую губернию. После революции Уншлихт — член коллегии Наркомата внутренних дел, председатель центральной коллегии по делам пленных и беженцев. Член ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии, народный комиссар по военным делам Литвы и Белоруссии. Когда Красная армия ушла из Вильно и Минска, Уншлихта сделали членом Реввоенсовета 16-й армии, потом Западного фронта.

В апреле 1921 года Иосифа Станиславовича назначили заместителем председателя ВЧК. В августе 1923-го перевели членом Реввоенсовета Республики и начальником снабжения РККА с задачей сократить расходы и раздутые штаты тыловых учреждений. 6 февраля 1925 года он был назначен заместителем наркома и председателя Реввоенсовета и оставался на этом посту до 2 июня 1930 года».

Первым заместителем наркома по военным и морским делам, заместителем председателя РВС в ноябре 1925 года стал М. М. Лашевич (отметим, что должность 1-го зама была введена еще в 1924 году, а назначение на нее состоялось только в ноябре 1925-го, Котовского в живых уже не было, не было в живых и Фрунзе. — *Примеч. авт.)*.

Лашевич — один из старейших большевиков, вступивший в партию в 1901 году. Чтобы понять, что это была за личность, достаточно перечислить должности Михаила Михайловича, которые он занимал хотя бы с 1918 года: с апреля по сентябрь 1918 года — политкомиссар Северного участка отрядов завесы, в августе — ноябре член РВС 3-й армии Восточного фронта, а в декабре 1918 — марте 1919 года командующий этой армии. С 23

марта по 16 августа 1919 года член РВС Восточного фронта. Был членом Реввоенсовета Южного фронта с 11 августа по 19 октября 1919 года. В октябре 1919 — августе 1920 года член РВС 7-й армии Западного фронта, а в июле — августе 1920 года временно исполнял должность командующего этой армии. Затем в августе — ноябре 1920 года член РВС 15-й армии.

Некоторое время работал в президиуме Петроградского исполкома, В 1922–1925 годах — председатель Сибревкома, одновременно член Реввоенсовета Западно-Сибирского военного округа и командующий войсками Сибирского военного округа.

Более того, как пишет Млечин, «Лашевич прошел Первую мировую войну, был дважды ранен. В 1917 году, как депутат Петроградского Совета и член Петроградского комитета партии, сыграл большую роль в переходе войск столичного гарнизона на сторону большевиков. 25 октября его отряд захватил телеграф, Государственный банк, казначейство и почту».

Теперь поставим рядом с этими известными революционерами и старыми большевиками Григория Ивановича Котовского, и сразу же возникает вопрос: а мог ли он быть назначен на такую высокую государственную должность? Ответ очевиден: нет, потому что командир кавалерийского корпуса, по вполне объективным причинам выдвижения наверх, этой должности соответствовать пока не мог. Да и сам он покидать родные края, свой корпус, огромное хозяйство, в ближайшее время, судя по всему, не собирался.

4

«Повесть непогашенной луны», которую написал известный тогда писатель Борис Андреевич Пильняк, вышла в майском номере «Нового мира» за 1926 год. Авторское предисловие только усилило интерес к сочинению, сделав его сенсацией: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Все это нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц».

Млечин так описывает разразившийся после выхода в свет скандал: «Получалось, что руководство партии обвиняется в смерти Фрунзе. Тираж пятого номера «Нового мира» был конфискован. Руководителям редакции пришлось объясняться в ЦК».

Повести Пильняка было посвящено отдельное решение

политбюро. Немногие произведения советской литературы удостаивались такого внимания высшего руководства партии и государства.

Политбюро ЦК ВКП (б) 13 мая 1926 года решило:

«а) Признавая, что «Повесть о непогашенной луне» Пильняка является злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии, подтвердить изъятие пятой книги «Нового мира».

б) Поставить на вид членам редакционной коллегии «Нового мира» Луначарскому и Степанову-Скворцову за помещение в «Новом мире» этого рассказа Пильняка, а тов. Полонскому, как члену редколлегии, ответственному за художественный отдел, объявить строжайший выговор.

в) Предложить т. Воронскому письмом в редакцию «Нового мира» отказаться от посвящения Пильняка с соответствующей формулировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК.

г) Редакционной коллегии «Нового мира» одновременно с письмом тов. Воронского опубликовать свое заявление о том, что, присоединяясь к мнению тов. Воронского, она считает напечатайте этого рассказа явной и грубой ошибкой.

д) Снять Пильняка со списка сотрудников журналов «Красная новь», «Новый мир» и «Звезда» (Ленинград).

е) Запретить какую-либо перепечатку или переиздание рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

ж) Поручить тов. Бройдо пересмотреть договор, заключенный Государственным издательством с Пильняком, в целях устранения из издания тех сочинений Пильняка, которые являются неприемлемыми в политическом отношении.

з) Поручить отделу печати ЦК распространить в то же и на остальные советские издательства.

и) Предложить отделу печати ЦК дать печати закрытую директиву по вопросам, связанным с закрытием «Новой России» и изъятием пятой книги «Нового мира», особенно подчеркнув в ней необходимость строго соблюдать разграничение между критикой, направленной на укрепление советской власти, и критикой, имеющей своей целью ее дискредитировать.

к) Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне» не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор».

В сталинской команде повесть Пильняка истолковали как

попытку оппозиции опорочить генерального секретаря в разгар борьбы против Троцкого. (…)

До появления повести Бориса Пильняка тоже говорили, что смерть Фрунзе подозрительна. Но сходились в том, что операция была плохо проведена. Нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин, которого через месяц после смерти Фрунзе положили в ту же Кремлевскую больницу, написал жене: «Лечиться здесь я все равно не буду — особенно после того, когда Фрунзе наши эскулапы так блестяще демонстрировали свое головотяпство».

В «Повести непогашенной луны» речь фактически шла о заговоре.

Когда Фрунзе скончался, Борис Пильняк был за границей. Вернувшись, узнал о смерти председателя Реввоенсовета, наделавшей много шума, и засел за письменный стол. В с читаные недели повесть была закончена.

Многое Пильняку рассказал редактор журнала «Красная новь» литературный критик Александр Константинович Воронский, давно друживший с Фрунзе. Они вместе работали еще в Иваново-Вознесенске, где Воронский редактировал ежедневную газету «Рабочий край».

Потрясенный смертью Фрунзе, Воронский, похоже, и в самом деле считал, что в этом повинно политбюро, которое настаивало на том, что Михаил Васильевич должен активно лечиться. Уже после выхода повести Воронский писал Горькому:

«С высокими людьми после пильняковской вещи у меня довольно натянутые отношения. Меня обвиняют в инспирации Пильняка. Кое-что он, правда, узнал от меня, но в самом главном я неповинен».

У Пильняка, не имевшего медицинского образования, явно был врач-консультант.

Так уж всегда получается, что молва обывателей оказывается сильнее правды. Смерть Котовского в августе 1925 года ее устами до сих пор носит политический оттенок. Смерть Фрунзе после операции в конце октября все того же 1925-го также считается делом рук Сталина и его окружения. Более того, некоторые современные историки и авторы эти две смерти связывают в единый клубок. Ведь так гораздо сложнее и таинственнее. Но, как порой оказывается, в жизни все гораздо прозаичнее;, чем нам бы хотелось это видеть.

Желудочная болезнь у Фрунзе была впервые зафиксирована в 1906 году. Во время своего тюремного заключения во Владимирском централе Михаил Васильевич пожаловался на боли в желудке. В 1916 году ему не очень удачно была сделана операция по удалению острого аппендицита. Спустя время Фрунзе много страдал от болей в желудке, а в годы Гражданской войны ему даже приходилось руководить войсками, не вставая с постели. Диагноз: язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки, со временем проявляла себя опасными кишечными кровотечениями. От лечения Михаил Васильевич просто отказывался и во время страшных болей глотал разведенную в воде пищевую соду.

В 1922 году на тяжесть болезни Фрунзе стали обращать внимание. Центральный комитет партии даже вынес постановление о его лечении. Но Михаил Васильевич продолжал относиться к своему здоровью не совсем серьезно.

В 1925 году он только трижды попадал в автомобильные аварии. В одной из них нарком по военным и морским делам выпал из машины на полном ходу и получил серьезные травмы. Затем вдобавок сильно простудился.

«8 октября под руководством наркома здравоохранения РСФСР Николая Александровича Семашко дюжина врачей осмотрела Фрунзе, — рассказывает Млечин. — Они пришли к выводу, что существует опасность прободения язвы, поэтому больному показана хирургическая операция. Хотя некоторые врачи высказывались за консервативное лечение. В частности, в необходимости операции сомневался Владимир Николаевич Розанов.

Рассказывают, будто Розанова приглашали Сталин и Зиновьев, спрашивали его мнение о состоянии Фрунзе. Розанов предлагал отсрочить операцию, а Сталин будто бы просил не медлить: председатель Реввоенсовета нужен стране и партии. Может быть, не стоит обвинять известного хирурга в сервильности и неспособности отстоять свое мнение. (…)

В реальности Фрунзе не только не сопротивлялся операции, а, напротив, просил о ней. Об этом свидетельствуют письма жене, Софии Алексеевне, которая лечилась в Ялте от туберкулеза. Фрунзе посылал ее и в Финляндию, и в Крым, но ничего не помогало. София Алексеевна чувствовала себя плохо, не вставала. (…)

20 октября 1925 года Фрунзе написал жене:

«Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Я сейчас совсем здоров. Боюсь, как бы не отказались от операции».

В следующем консилиуме 24 октября приняли участие уже

семнадцать специалистов. Они пришли к прежнему выводу: «Давность заболевания и наклонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением».

При этом врачи предупредили Фрунзе, что операция может оказаться трудной и серьезной и не гарантирует стопроцентного излечения. Тем не менее Михаил Васильевич, как рассказывал впоследствии профессор Греков, «пожелал подвергнуться операции, так как считал, что его состояние лишает его возможности продолжать ответственную работу».

Иван Михайлович Гронский встретил Фрунзе в Кремлевской больнице, которая располагалась тогда в Потешном дворце:

«Больница, несмотря на ее громкое название, была более чем маленькой. Да и больных в ней, как я узнал, было немного: всего лишь человек десять — пятнадцать.

В небольшой чистенькой комнате — палате на втором этаже, куда меня поместили, не было ничего примечательного: простая металлическая кровать, два или три венских стула, тумбочка и простой стол, вот, пожалуй, и вся обстановка. Поразили меня только, пожалуй, толстенные стены Потешного дворца..

Тройского предупредили, что его, может быть, придется оперировать.

— Ну что же, — сказал ему Фрунзе, — если понадобиться операция, то поедем в Боткинскую больницу вместе.

— Почему в Боткинскую больницу? — поинтересовался Гронский.

— Хирургического отделения в Кремлевской больнице нет, поэтому хирургических больных и отправляют туда.

— А почему вас, Михаил Васильевич, отправляют туда? Требуется операция? Что-нибудь серьезное?

— Врачи находят что-то не в порядке с желудком. То ли язва, то ли что-то другое. Одним словом, требуется операция…

Через день Гронский вновь встретил Фрунзе:

«Он стоял у гардероба, расположенного рядом с лестницей. Он был в тяжелом состоянии. Лицо приобрело необычный темный цвет. Михаил Васильевич получал одежду. Поздоровавшись, я спросил: уж не в Боткинскую ли больницу он собирается?

— Вы угадали. Еду туда. Когда вы приедете, известите. Продолжим наши беседы…»

В своем последнем письме жене он писал: «Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах.

Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение.

У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснять факты моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь недолго ждать…

Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже и хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая… Все больны, и на всех сыплются все несчастья!…» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе…»

Операция началась 29 октября после полудня, — продолжает рассказ Млечин. — Оперировал Розанов, ассистировали известнейшие хирурги Иван Иванович Греков и Алексей Васильевич Мартынов, наркоз давал Алексей Дмитриевич Очкин. За ходом операции наблюдали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля.

Фрунзе с трудом засыпал, поэтому операцию начали с получасовым опозданием, пишет Виктор Тополянский. Вся операция продолжалась тридцать пять минут, а наркоз ему давали больше часа. Судя по всему, ему сначала дали эфир, но, поскольку Фрунзе не засыпал, прибегли к хлороформу — это очень сильное и опасное средство. Передозировка хлороформа смертельно опасна. Во время операции использовали шестьдесят граммов хлороформа и сто сорок граммов эфира. Это значительно больше, чем можно было использовать.

Выступая перед правлением общества старых большевиков (председательствовал Николай Ильич Подвойский), нарком здравоохранения Семашко прямо говорил, что причиной смерти Фрунзе стало неправильное проведение наркоза, и добавил, что если бы он присутствовал на операции, то прекратил бы наркоз…

Во время операции у Фрунзе стал падать пульс, и ему стали вводить препараты, стимулирующие сердечную деятельность. В те годы таким средством был адреналин, потому что еще не было известно, что сочетание хлороформа и адреналина приводит к нарушению сердечного ритма.

А сразу после операции сердце стало отказывать. Попытки

восстановить сердечную деятельность не дали успеха. Через тридцать девять часов, в пять тридцать утра 31 октября, Фрунзе скончался от сердечной недостаточности».

А дальше, как мы уже знаем, пошли разговоры, была написана повесть, лишь добавившая сплетен и версий на целые десятилетия.

Профессор кафедры судебной медицины Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова Александр Васильевич Маслов профессионально исследовал причины смерти М. В. Фрунзе. В своей книге он авторитетно написал следующее:

«Профессор А. И. Абрикосов, учебник которого является настольной книгой не одного поколения патологоанатомов и судебных медиков, нашел зажившую язву 12-перстной кишки с резко выраженным уплотнением выхода из желудка, т. е. рубцовый дуодено-стеноз — сужение выхода из желудка. Декомпенсированный рубцовый стеноз является показанием к оперативному лечению. Рецидивирующие (повторяющиеся) изъязвления слизистой оболочки желудка и луковицы 12-перстной кишки (синдром Золингера — Элисона) даже в настоящее время, при современных методах лечения и наличия большого количества противоязвенных препаратов, нуждается в хирургическом вмешательстве. Обнаруженное на вскрытии сужение аорты ведет к увеличению нагрузки на сердце, расширению полости его левого желудочка и увеличению (гипертрофии) его мышцы. При недоразвитии страдает кровоснабжение тканей и органов, что приводит, в свою очередь, к тканевой гипоксии (недостаточному снабжению тканей кислородом), особенно важным моментом является недостаточное снабжение кровью самого сердца, и без того перегруженного вследствие недоразвития аорты, и центральной нервной системы. «Ненормально большая зобная железа» ведет к изменению иммунного статуса организма. Таким образом, судя по «Заключению», М. В. Фрунзе был тяжело больным человеком. Состояние больного было резко отягчено грознейшим даже в эпоху антибиотиков осложнением — перитонитом. Недаром хирурги говорят, что порой операцию сделать проще, чем избежать возможных осложнений.

О форме и методике примененного наркоза известно лишь из рассказа Б. Пильняка. «Хлороформатор» применил в качестве наркоза хлороформ, причем «усыпление» длилось в течение 47 минут. Абсолютно нереальное время! Действительно, хлороформ ранее широко применялся для масочного наркоза открытым капельным способом, но при этом больной, без обязательного сочетания с кислородом, получал высокие концентрации

хлороформа. Наркозная широта (время применения) хлороформа чрезвычайно мала, поэтому переход от терапевтической дозы к летальной (смертельной) — опасность передозировки при усыплении очень высока. Учитывая тканевую гипоксию, недостаточное снабжение мозга кислородом, снижение иммунитета, вывести больного из наркоза даже в наше время чрезвычайно трудно.

Таким образом, по доступным источникам, следует полагать, что каких-либо объективных данных, свидетельствующих о навязанной М. В. Фрунзе «ненужной» операции, методических погрешностях, допущенных при ее проведении, умышленном умерщвлении полководца не имеется.

Возможно, некоторых разочарует неподтверждение версии об убийстве М. В. Фрунзе. Но истину не опровергнешь, да и хватит крови, ее пролилось достаточно».

Вывод Л. Млечина также достаточно объективен и вполне соответствует исторической истине: «.. Сталин в 1925 году это не Сталин в 1937-м. Иосиф Виссарионович не родился на свет коварным убийцей. Он стал им постепенно. В 1925 году он еще никого не убивал… И уж если ему нужно было от кого-то избавиться, так это не от Фрунзе, а от Троцкого. Однако к решению уничтожить Троцкого он тоже придет через десять лет…»

6

1925 год был годом разгрома Троцкого, а затем конфликта между Центральным комитетом партии и ленинградской партийной организацией. За всем этим, безусловно, следил и Г. И. Котовский.

В очередном конфликте против Сталина выступил Зиновьев, четко изложив свои взгляды в своей работе «Ленинизм», где напомнил, что Ленин считал новую экономическую политику только лишь стратегическим отступлением, а теория «построения социализма в отдельно взятой стране» ошибочна. Почти через месяц после гибели Котовского Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская подписали «платформу четырех», которая по основным положениям повторяла работу Зиновьева. Это была уже явно опасная оппозиция Сталину и ЦК. Удар по ней будет нанесен только на XIV съезде партии, проходившем в Москве с 18 по 31 декабря 1925 года. Вот как это событие описывает Н. Верт: «Сталин представил отчетный доклад. Он взял на себя роль беспристрастного посредника между «правыми» и «левыми»,

между Зиновьевым и Бухариным. Зиновьев в очень деликатной форме, без каких-либо выпадов против Сталина отверг предположение, что основная угроза исходит от «левых». Обстановка накалилась, когда Крупская, выступая от имени оппозиции, привела в пример Стокгольмский съезд (1906 г.), где большевики оказались в меньшинстве, и сказала, что большинство не всегда право. Всеобщее возмущение вызвал Каменев, обвинивший Сталина в «диктате», заявивший, что тот не способен осуществлять единство большевистского руководства и что он «против идеи вождя». В одном из своих риторических выступлений на съезде Сталин подтвердил, что только коллективное руководство может привести партию к цели. Отчетный доклад Сталина был принят 559 голосами против 65 (ленинградская оппозиция). Снова был увеличен состав ЦК и Политбюро, куда вошли Молотов, Ворошилов и Калинин.

Сразу после съезда Политбюро поручило комиссии под председательством Молотова навести порядок в ленинградской партийной организации. «Обработав» местные партийные организации, произведя кадровые перемещения ответственных работников, воспользовавшись полномочиями, данными ей съездом, комиссия за один месяц добилась почти единогласного (96 %) одобрения ленинградскими коммунистами линии, принятой на XIV съезде. Зиновьева отстранили от руководства ленинградской партийной организацией и вместо него назначили Кирова, вызванного из Баку».

Думаю, несложно понять, даже из этого краткого рассказа, чем были заняты Сталин и его соратники в 1925 году. Это напряженные месяцы борьбы с людьми из ближайшего окружения Ленина. До командира ли конного корпуса им было дело, когда стоял вопрос удержания власти в одних руках?

В 2008 году вышла в свет монография А. А. Здановича «Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОПТУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934)». В этой книге поднят огромный пласт архивных материалов, в том числе и Центрального оперативного архива Федеральной службы безопасности. И среди этой уникальной информации есть весьма любопытная, касающаяся гибели командира корпуса Г. И. Котовского. Черным по белому там написано:

«Чекисты вынуждены были оперативными мерами прикрывать обстоятельства убийства командира 2-го кавалерийского корпуса Г. Котовского. Начальник Одесского отдела ОГТТУ Л. Заковский сообщил Г. Ягоде, что политическим совещанием (в него входил комполит корпуса, начальник особого

отдела и военный прокурор. — А.З) постановлено через прессу настаивать на политической подоплеке убийства» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5 Д. 17. Л. 58).

И далее: «Следствие по факту гибели Г. Котовского взял лично на себя Л. Заковский, развивавший версию о связи убийцы со спецслужбами Румынии». То есть истинные обстоятельства убийства комкора по каким-то неведомым причинам изначально прикрывались чекистами.

В своей книге Б. Соколов называет некую «экономическую» версию убийства Григория Ивановича: «Сахарный завод давал очень большую прибыль. Начальник охраны завода Мейер Зайдер, пользуясь своим служебным положением, совершил крупные кражи сахара или денежных средств, а Котовский узнал об этом. Приблизительно в два часа ночи к Котовскому приехал старший бухгалтер Центрального военно-промышленного управления и сообщил о результатах ревизии. Возмущенный Котовский решил разобраться с начальником охраны завода. Тогда Зайдер попытался шантажировать комкора. Котовский в ярости бросился на Зайдера с кулаками, а тот с перепугу застрелил Котовского».

Но ближе всего к истине оказалось свидетельство, оставленное начальником штаба корпуса Е. С. Шейдеманом: «Через несколько дней после убийства, просматривая бумаги Котовского, я нашел чрезвычайно характерный документ — письмо Зайдера на имя Котовского. В этом письме Зайдер, в то время работавший на нашем сахарном заводе в качестве начальника охраны и совершивший на заводе несколько краж, обращался к Котовскому с целым рядом наглых требований, в том числе с требованием, чтобы Котовский назначил его администратором сахарного завода. Причем в конце письма он позволил себе прибегнуть даже к угрозам. Получив письмо, Григорий Иванович сказал своей жене Ольге Петровне: «Ну, видно настала пора совсем развязаться с Майорчиком, так как его нахальство начинает превосходить всякие границы». Через три дня после этого Зайдер убил Котовского».

Личность Котовского была настолько известной и колоритной, что его заместители и друзья посчитали своим долгом скрыть от народа неприглядную, безусловно, в их понимании, правду гибели командира. Одно дело — легендарный Котовский погиб в банальной ссоре от рук никому не известного начальника охраны завода. И совсем другое — по указанию разведки Румынии, от руки наемного убийцы. Но парадокс заключается в том, что ни та ни другая версии не прижились. Зато появилась третья, по которой Котовского убили по заданию самого Сталина. Именно эту версию мы можем до сих пор найти в

многочисленных публикациях о гибели Григория Ивановича Котовского.

Глава одиннадцатая
Жизнь после смерти

1

Уже на следующий день после убийства Котовского, то есть 7 августа 1925 года, из Москвы в Одессу срочно выехала группа бальзаматоров во главе с профессором В. П. Воробьевым. Именно этот же коллектив успешно трудился над телом В. И. Ленина в 1924 году. На всю работу по бальзамированию тела легендарного комкора ушло всего несколько дней.

Как вспоминают очевидцы, Котовского хоронили помпезно. На одесский вокзал гроб с телом покойного, утопающий в цветах и венках, был доставлен торжественно, в сопровождении почетного караула. В колонном зале окружного исполнительного комитета к нему был открыт доступ всем желающим. В городе были приспущены государственные флаги, а в городах расквартирования 2-го кавалерийского корпуса был дан салют из двадцати орудий. 11 августа 1925 года специальный траурный поезд доставил гроб в Бирзулу, где в 1919 году Котовский начинал свой путь командира Красной армии. Туда же на похороны прибыли видные советские военачальники С. М. Буденный и А. И. Егоров из Москвы, а также командующий войсками Украинского военного округа И. Э. Якир и представитель правительства Украины А. И. Буценко из Киева.

После похорон имя Котовского было присвоено заводам и фабрикам, колхозам и совхозам, пароходам, кавалерийской дивизии, партизанскому отряду во время Великой Отечественной войны.

В честь Котовского были названы в России: город Котовск в Тамбовской области, улица Котовского в Липецке, улицы в Архангельске, Краснодаре, Ивангороде (Ленинградская обл.), Балаково, Брянске, Геленджике, Новосибирске, Томске, Смоленске, Воронеже, Волгограде, Перми, Красноярске, Казани, Махачкале, Владимире, Комсомольске-на-Амуре, Новороссийске, Новосибирске, Новочеркасске, Карасуке (Новосибирская обл.), Ульяновске, Саратове, Саранске (Мордовия), Сарапуле, Рязани, Санкт-Петербурге на Петроградской стороне, Петрозаводске, Омске, Оренбурге, Тюмени, Ржеве, Абакане, Коломне, Чапаевске, Никольске, Реутове, Сергиевом Посаде, Каменске-Уральском, Корсакове, Кандрах (поселок городского типа, Республика

Башкортостан), Ишимбае, Давлеканове, Семёнове, Кстово (Нижегородская область), в городе Узловая Тульской области, Кинешма Ивановской области, Верхняя Салда (Малый Мыс), г. Клин Московской области (проезд Котовского).

На Украине: город Котовск (Бирзула) в Одесской области, где был похоронен Котовский, село Котовского (Зачепиловский район) в Харьковской области, село Котовское в Раздольненском районе АР Крым, поселок Котовского — район города Одессы, дорога Котовского в Одессе (переименована в Николаевскую дорогу), спуск Котовского в Севастополе. Улица Котовского есть в городах Киеве, Белгороде-Днестровском, Балте, Керчи, Бердичеве, Харькове, Хмельницком (в 2000 г. переименована в улицу Проскуровского Подполья), Черкассах, Николаеве, Запорожье, Херсоне, Измаиле, Житомире, Коростене, Луганске, Казатине, Урзуфе, Горняке, Баре, Мариуполе, Сокирянах, Ахтырке, Луцке. В Белоруссии: улица Котовского в городе Минск, улица Котовского в городе Гомель, улица Котовского в городе Полоцк.

В Молдавии: город Хынчешты — с 1965 по 1990 год назывался Котовск, родина Котовского. До начала 90-х годов в Кишинёве одна из центральных улиц носила имя Котовского, позднее переименованная в улицу Хынчешть, ныне улица Александра Село Котовское — Комратский район, Гагаузия, улица Котовского — г. Комрат, Гагаузия.

В Приднестровье: улица Котовского в городе Тирасполь, улица Котовского в городе Бендеры, улица Котовского в городе Дубоссары, улица Котовского в городе Днестровск.

В Казахстане: улица Котовского в городе Актюбинск, улица Котовского в городе Тараз, улица Котовского в городе Щучинск, Акмолинская область, улица Котовского в городе Рудный, Кустанайская область.

Как пишет А. Фомин, «Центральный совет Общества бессарабцев организовал сбор средств на создание авиаэскадрильи «Крылатый Котовский», однако денег удалось собрать всего лишь на один самолет: «Пусть крылатый Котовский будет не менее страшным для наших врагов, чем живой Котовский на своем коне».

Были опубликованы многочисленные воспоминания о Котовском, научные исследования и художественные произведения о нем, вышел кинофильм, в свое время пользовавшийся огромным успехом у зрителей.

Однако апофеозом увековечения памяти о Котовском стал… мавзолей легендарного героя Гражданской войны».

Но это не считая установленных ему памятников: в Котовске Одесской области, в Хынчештах, в музее Котовского в Котовске

Одесской области, в Кишинёве, музей в Кишинёве, памятник Котовскому в Тирасполе в парке «Победа», штаб-музей Котовского в Тирасполе, памятник Котовскому в Бердичеве на Красной (Лысой) горе и в Умани.

Что же касается мавзолея, то, как оказывается, ни в одном из библиографических и документально-художественных изданий о Котовском, вплоть до последнего десятилетия, никогда не говорилось о существовании в тридцатые годы мавзолея героя Гражданской войны. Однако он все же был изготовлен но типу мавзолея Н. И. Пирогова под Винницей и В. И. Ленина в Москве.

Первоначально мавзолей состоял только из подземной части: в специально оборудованном, на небольшой глубине, помещении установили саркофаг, в котором при определенной температуре и влажности сохранялось тело Котовского.

В 1934 году над подземной частью построили фундаментальное сооружение с небольшой трибуной и барельефными композициями. В дни праздников у мавзолея Котовского проводились военные парады и демонстрации. К телу Котовского был открыт доступ трудящихся, которые всякий раз внимательно рассматривали хранившиеся рядом с саркофагом на атласных подушечках три ордена Красного Знамени покоившегося героя. а также лежащее на специальном постаменте его почетное революционное оружие — инкрустированную кавалерийскую шашку.

2

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Очень быстро, начиная отсчет от 22 июня, немецкие войска подошли к городу Котовску. Об этом можно прочитать в интересном материале Светланы Федоровой:

«Для котовчан мирная жизнь была приостановлена оккупацией города. 6 августа 1941 года немецко-фашистские войска вступили в город Котовск. За день до этого, 5 августа, началась оборона Одессы. Советские войска оставили Котовск, не произведя ни одного выстрела. При отступлении в ночь с 5 на 6 августа был подожжен ряд предприятий, в том числе ВРП, нефтебаза, угольный склад и др. С первых дней оккупанты добавили бед жителям города и района — учинили жестокую расправу. В первую очередь подвергались репрессиям работники советских и партийных органов, которые были расстреляны на месте.

Территории Котовска и Котовского района (которые только в

1940 году вошли в состав Одесской области) вошли в состав так называемой «Транснистрии», которая была образована в соответствии с немецко-румынским договором, подписанным в Бендерах 30 августа 1941 года. По этому договору территория между Южным Бугом и Днестром, включающая части Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережную часть Молдавии, переходила под юрисдикцию и управление Румынии. На основании этого договора правивший в Румынии в 1940–1944 гг. Ион Антонеску издал 19 августа 1941 года Декрет № 1 об установлении румынской администрации в Транснистрии с резиденцией управления в городе Тирасполь (в середине октября 1941 года, после ухода Красной армии из Одессы, столица была перенесена туда). Губернатором был назначен профессор Георге Алексяну.

В первый год оккупации был совершен ряд массовых расстрелов, в том числе 1240 мирных жителей в с. Борщи. В городе румынами был создан концлагерь на месте военного городка. Массовому уничтожению были подвергнуты 1000 горожан, которых расстреляли на стадионе в 1941 году. Фашисты карали тех, кто прятал партизан, раненых бойцов, слушал радиопередачи, рассказывал о сводках Советского информбюро. Котовчане, стремясь приблизить время освобождения родного края от оккупации, старались способствовать войскам, совершая диверсии и саботажи.

Созданные в ноябре 1942 года в Котовске подпольные организации установили связь с соседним Балтским подпольем. Представители котовского подполья распространяли сводки Совинформбюро, организовывали побеги советских военнопленных, собирали оружие и боеприпасы. Когда части Советской Армии, ведя освободительные бои, приблизились к Котовскому району, начались аресты подозреваемых. Так, в марте 1944 года были арестованы члены подпольных групп «Чайка» и «Крылья Советов». В румынской сигуранце (тайная полиция Румынии) города Котовска подпольщики подвергались избиению, пыткам. 13 марта 1941 года были расстреляны 23 подпольщика (21 мужчина и 2 женщины) в овраге между г. Котовск и с. Глубочок. 31 марта пришло долгожданное освобождение города Котовска и района. Доблестные войска 326-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора П. А. Фирсова принесли району свободу и избавление от оккупации.

965 дней Котовск находился под оккупацией немецких, а затем румынских захватчиков. Всего за это время число жертв составило 2527 мирных граждан, 2500 котовчан пропали без

вести. В результате поисковой работы по сбору данных на мирных граждан района и города, погибших в годы ВОВ и в послевоенные годы от разрывов бомб, снарядов и мин, установлено 384 фамилии погибших, из них мужчин — 219, женщин — 114, детей — 51. Расстреляны сотни человек, десятки были сожжены заживо, умерли от пыток. Но до настоящего времени 146 захороненных остаются неизвестными».

По трагическому совпадению, ровно через 16 лет после гибели Котовского — 6 августа 1941 года — его мавзолей был разрушен румынами. Они разбили саркофаг и, надругавшись над телом, выбросили останки комкора в свежевырытую траншею, уже забитую трупами расстрелянных местных жителей. Спустя некоторое время железнодорожники из ближайшего депо раскопали траншею и перезахоронили убитых. Останки Котовского опознал и спрятал у себя дома в мешке начальник ремонтных мастерских Иван Тимофеевич Скорубский. Вместе с румынами из мавзолея исчезли ордена и оружие комкора.

После освобождения города специальная комиссия провела экспертизу останков и приняла решение об их повторном захоронении. На этот раз останки Котовского запаяли в цинковый гроб и установили его в уцелевшей подземной части мавзолея. А награды и шашку комкора Румыния официально передала Советскому Союзу сразу же после окончания войны. Они до сих пор хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил в Москве. Торжественное открытие нового монумента Котовскому состоялось лишь в 1965 году: в наземной части установили бюст героя, а подземелье мемориала превратилось в мраморный зал с постаментом, на котором стоял гроб, укрытый красно-черным бархатным покрывалом.

В настоящее время вход в склеп закрыт на замок и дальнейшая судьба мемориала остается неизвестной. До сих пор там не было проведено ни одного ремонта, и грунтовые воды продолжают делать свое нехитрое дело…

3

Село Бирзула своим нынешним названием — Котовск — и статусом города, полученным в 1935 году, безусловно обязано Григорию Ивановичу Котовскому…

«Город Котовск — в двух часах езды от Кишинева, — читаем в весьма познавательном материале Е. Замуры «Будет ли похоронен Котовский?». — В средние века, при турках, вся территория района входила в состав Дуюоссарской райи (единица

административно-территориального деления). Название Бирзула — тюркского происхождения и означает «дань», «подать», которую когда-то сюда свозили с окрестных территорий.

Примечательно, что на картах Румынии Котовск и сейчас именуется «Бирзулой». На Украине он входит в число четырех городов, сохранивших советские названия (остальные три — Кузнецовск, Ильичевск и Артемовск).

В Котовск въезжаешь по главной, очень узкой и длинной, 11-километровой, улице имени 50-летия Октября. Того самого. Есть здесь и улицы 10-, 20-, 30-, 40-летия Октября. А также Ленина, Клары Цеткин и Розы Люксембург, Свердлова, Кирова, Ворошилова, Либкнехта, Дзержинского, Ватутина, Калинина и так далее…

Интеллигентных котовчан, надо признаться, это смущает. На городском интернет-форуме, где давно обсуждается тема переименования улиц, один гражданин с гордостью написал, что он — с улицы Водопроводной. Другие, которым повезло меньше, спрашивают: «Мы вообще где живем, и когда???»

Предлагают дать улицам имена, например, лидера Народного Руха Вячеслава Чорновола или писателя Михайло Коцюбинского, который когда-то приезжал в Бирзулу и читал здесь лекции. «Писал про Бирзулу и был здесь русский писатель Куприн, были проездом Пушкин и Гоголь, императоры Александр Второй и Николай Второй, два генсека Хрущев и Брежнев, премьер Столыпин и министр Витте, барон Врангель и генерал Роман Шухевич… и что??? — с горечью пишет патриот Котовска. — А вот никогда не бывавшие не то что в Котовске, а и вообще в Украине Ленин, Маркс, Тельман, Энгельс почему-то имеют право на увековечение. Позор, по-моему…»

Самый старый бульвар горожане предлагают переименовать в Старобирзульский, площадь перед Вечным огнем дополнить монументом жертвам Голодомора и политических репрессий и назвать площадью Памяти, улице Ленина дать новое имя «Базарная», а парк имени Котовского переименовать в парк Святого Николая. Именно в этом парке находился разрушенный коммунистами Свято-Николаевский собор. Сейчас он отстраивается заново у въезда в город, причем в таких масштабах, что церковь с тремя куполами уже сейчас выше кишиневского кафедрального собора.

О необходимости переименовать улицы и сам город жители говорят на все лады уже много лет. Один молодой посетитель интернет-форума иронически назвал свою родину «городом имени похорон Котовского». Но большинству не нравится название «Бирзула». Кто-то даже выдвинул идею назвать Котовск

«Вистерниченами» в честь молдавского села, поглощенного городом. Но 63 процентов посетителей форума и большая часть горожан хочет жить в Котовске и писать свои адреса по-старому. «Я бы не очень хотел пройтись по площади, названной в честь жертв Голодомора», — смущенно признается один интернет-пользователь. Власти с этим считаются. (…)

Гуляя по улицам Котовска, с удивлением думаешь о том, что его как будто миновали лихие 90-е с волнами приватизации, продажей и разрушением всего и вся. Основной массив города — одноэтажная застройка, особняков не видно, банки и супермаркеты размещаются в довольно-таки стареньких зданиях с обветшавшими фасадами, на рынке районного значения отнюдь не торгует полгорода, как в Молдове. В городе два фонтана, и оба работают. Словом, никаких примет дикого капитализма в молдавском стиле.

Как же в Котовске прошла приватизация? Оказалось, бюджетообразующие предприятия преобразовались в акционерные общества закрытого типа, и теперь работники, владея акциями, получают в конце года дивиденды. Основные активы города не продавались. Фабрики и заводы не закрывались. Рабочих мест столько, что работать могли бы и те, кто стоит на бирже труда, если бы пособие по безработице, выплачиваемое в течение года, не равнялось зарплате. Конечно, котовчане уезжают на заработки за границу, но массовым это явление не стало. Высококвалифицированную работу, которой город предложить не может, ищут в Одессе.

Котовск кормит железная дорога. Железнодорожники — элита города, как в Кишиневе — банкиры. Машинист получает 5000 гривен (10 000 лей). Обидно: сколько молдавских железнодорожников потеряло работу за годы «экономических экспериментов», сколько обезлюдело населенных пунктов, в числе которых город Бесарабка, когда-то живший «железкой»…

Среди крупных предприятий Котовска — мебельная фабрика, которая поставляет продукцию на Запад. В городе три технических супермаркета, один строительный и продовольственные. Все работают по франчайзингу: местные бизнесмены выходят на крупные торговые сети, арендуют или строят помещения и открывают магазины. (…)

В городе живут по 4 тысячи молдаван и русских и около 33 тысяч украинцев. До нынешнего мэра Анатолия Иванова городским головой был молдаванин Иван Думбрава. Куранты напротив вокзала показывают время четырех часовых поясов, и во все четыре стороны — несовпадение в минутах. Такой здесь город: одни живут по Киеву, другие — по Москве, третьи — и

вовсе по своим собственным часам.

Вот как решили в Котовске национальный вопрос. Каждый говорит на том языке, какой знает. Обращаться в государственные органы можно на украинском либо на русском, но отвечают и в целом ведут деловую переписку только на государственном. В Котовске несколько газет, одна из них православная, в каждом номере информация публикуется на двух языках.

Все школы — с украинским языком обучения. Русские закрылись. Дети знают государственный язык независимо от того, родной он или нет. Таким образом, государство терпимо к взрослым, которых переучивать бесполезно, и концентрирует свои усилия на подрастающем поколении. Говоря о школе, отметим такой штрих: ассоциации родителей все денежные сборы ведут по перечислению, финансовые отчеты о собранных и потраченных средствах вывешиваются в учебных заведениях на видном месте!»

Примечательно, что когда на городском интернет-форуме котовчанам предложили обсудить вопрос о том, не пора ли похоронить Котовского на родной земле, ответы были такими: «А кто будет таможенные платежи платить???»

«Вы целиком его хотите или только череп и десяток костей?»

«Абсолютно согласен, тем более, что он наверняка крещен в православии, только это коммунистам еще надо объяснить… Но мне думается, что котовчанам глубоко пофиг».

Известный историк С. В. Волков в одной из своих книг, вышедшей в 2004 году, констатирует следующий факт: «Молдаване избавились от памяти «батьки», и город недалеко от Кишенева, носивший имя Котовск, теперь называется Хынчешты. Русские же и украинцы терпят Котовского и по сей день — в Тамбовской и Одесской (бывшая Бирзула) областях города и сейчас носят название Котовск, а в Волгоградской области есть поселок имени Котовского — центр административного района. В Санкт-Петербурге есть улица Котовского».

4

Семья Котовского после смерти Григория Ивановича переехала из Умани в Киев. Весьма примечательно, что даже мебель на новом месте жительства ей покупали за счет кавалерийского корпуса. Своего у них не было почти ничего.

В день похорон комкора Ольга Петровна родила дочь Елену (Лелю), но и эта радость не могла разбавить страшного горя, постигшего семью. И в дальнейшем их жизнь была очень и очень

сложной… В 1936 году Ольга Петровна рассказывала о детях, о материальном положении писателю Шмерлингу следующее: «Гриша учится в русской 13-й школе… все отлично. Кончает 6-й класс. Леля — все отлично, в 3-м классе русской 25 школы. Оба пионеры, звеньевые пионер, отряда им. Котовского. Гриша в Учкоме — уважаемое лицо. У Гриши масса работы, сочинение он перешлет позднее. Сообщаем Вам большую новость — у нас с 20/IV рояль Шредера. Купили за 3500 руб. Две тысячи внесли, а остат. в рассрочку. На полгода закабалились, продать нечего, чтобы сколотить тысчонку. Лелечка все свободное время проводит за роялем. В балете занимается, а как не знаю, очевидно хорошо, если она переведена в числе 3-х из 40 во вторую группу еще с самого начала».

Григорий Гигорьевич впоследствии станет востоковедом-индологом, историком и общественным деятелем. О том, как получилось, что сын не пошел по стопам отца, он поведает в интервью А. Беляеву: «Как ни странно, меня с детства, которое прошло в Киеве, никогда не влекло к профессии военного. Может быть, это определялось тем, что меня и мою младшую сестру [Елену, первый муж — Вадим Ильич Пащенко, в 1964 году — заместитель декана факультета иностранных языков по французскому языку, заслуженный альпинист СССР], которая родилась в день похорон отца, воспитывали мама и ее сестра тетя Лиза. А может быть, это было заложено в моей внутренней организации, в самом генотипе.

С раннего детства, которое прошло в Киеве, экскурсии в Киево-Печерскую лавру, Софийский собор, музеи изобразительного искусства оформили мою еще полуосознанную тягу к историческим предметам. Окончив школу, я поступил на истфак МГУ. Но началась война, и на второй курс я пришел только после ее окончания. В это время открылось в МГУ отделение Востока. Все языковые группы были уже сформированы, и меня могли принять только в индийскую группу с изучением санскрита. Так я попал в индологию — чисто случайно.

Правда, разочароваться мне в своем выборе не пришлось. В значительной степени это объяснялось тем, что моим научным руководителем на старших курсах был выдающийся востоковед, основатель советской индологии Игорь Михайлович Рейснер, происходивший, кстати, из замечательной семьи (его отец, профессор Михаил Андреевич Рейснер, был автором первой Конституции РСФСР).

Большое влияние оказали на меня еще два видных ученых-педагога, у которых я занимался: историк-медиевист Моисей

Менделеевич Смирин, научивший меня работать с источниками средневекового периода, и крупный специалист по истории России Константин Васильевич Базилевич.

Я не жалею, что выбрал индологию. Индия — это субконтинент, целый мир, изумительная страна, величайшая цивилизация, интереснейший объект обществоведческих исследований… Не случайно в современной американской социологии и экономике специализация по Индии занимает одно из ведущих мест.

Первая моя работа была опубликована в 1952 году, затем вышло более 300 работ, посвященных самым разным аспектам исследований как Индии, так и вообще Востока».

Кстати сказать, после размещения этого интервью в Интернете в комментариях к нему появилось следующее сообщение: «Спасибо большое за очень хороший и искренний рассказ. Я в 1980-х училась в Киевском университете, русский язык у нас преподавала Елена Григорьевна Котовская, дочка легендарного командира. Удивительно спокойная, мягкая и интеллигентная была женщина. Помимо правил русского языка она рассказывала нам об упражнениях йоги, которой сама увлекалась, а также давала советы о правильном питании, опять же с точки зрения йоги. Теперь мне стало понятно, откуда черпала она свои познания. Еще раз спасибо за теплые воспоминания. Замечательные дети выросли у Котовского».

В переписке с писателем Шмерлингом Ольга Петровна раскрыла еще одну маленькую тайну Котовского. Оказывается, кроме родных детей Григория и Елены в их семье жил еще и приемный мальчик: «Как попал Митя? В 1923 г. Митя был курьером в Красной гостинице в Харькове. Григ. Иван, всегда останавливался в этой гостинице, и Митя выполнял его поручения. Григ. Ив. обратил внимание на ровного, точного в исполнении, всегда с книжкой под мышкой мальчика. В один из своих приездов он спросил Митю, откуда он, почему не учится, и быстро решил судьбу. Через 3 часа едем в Умань, у тебя будет мать (моя жена), она позаботится о тебе, и из тебя выйдет человек. Митя в тот же день выехал в Умань с Верховским, а Григ. Ив. задержался. По приезде в Умань он вспомнил о Мите, кот. находился у Верховского и страдал от того, что был на положении нежелательного приживальщика. Григ. Ив. сразу догадался, что Митя морально страдает, и сейчас же привел его домой. Лето он прожил у нас, поправился, и к 1/IX устроили его на рабфак в Софиевке, там он жил в общежитии, но редкий день он не был [у нас в] свободное время, хотя расстояние было порядочное — 5–6 км, но он привязался к нам. Да и питание там

было плохое, Лиза сердобольная, бывало, еще ему на завтрак в карманы насует и сала и хлеба. Он считался членом нашей семьи.

Когда получалось жалованье, то Григ. Ив. выдавал им карманные деньги — Мите, Кальке и ординарцу. Мы получали тогда 190 руб., и он выдавал им по 10 руб.».

Ольга Петровна Котовская после смерти мужа продолжала работать врачом в Киевском окружном госпитале. Сохранилась фотография, на которой майор медицинской службы Котовская запечатлена в парадном кителе с наградами на груди: орденом Красной Звезды и медалями («XX лет РККА», «За победу над Германией»). По всей видимости, снимок сделан в день Победы. Вдова Котовского скончалась в 1961 году.

Судьба сына Котовского оказалась и вовсе непростой. В годы войны на его долю выпали тяжелейшие испытания плена. В 1941 году студент Григорий Григорьевич Котовский был мобилизован и направлен в Ленинградское училище ПВО. В мае 1942 года лейтенант Котовский получил назначение на должность командира пулеметного взвода 61-го зенитного артиллерийского полка Черноморского флота в Севастополе. А 2–3 июля 1942 года практически весь командный состав 61-го полка и свыше 1000 матросов и сержантов погибли, попали в плен либо пропали без вести.

Григорий Котовский попал в плен, будучи раненым, находясь на излечении в госпитале. В официальных документах зафиксировано: «Пропал без вести 3.7.42 г. (Пр. КУ № 0337 от 6.10.42 г)». В неволе он находился под чужой фамилией Ассовский, вплоть до самой капитуляции Германии. После войны, оказавшись в запасном батальоне, Григорий Григорьевич пожалуется в письме Шмерлингу: «Чувство радости «второго рождения» [отравляется] горечью положения бывшего пленного. Ведь мои сверстники уже капитаны, их грудь в орденах. Сверстники окончили в этом году МГУ и другие вузы, а у меня 3 года вычеркнуты из жизни. Плен это кошмар, это самая суровая школа жизни. Это испытание Человека, ибо там он гол как перст без «чинов и регалий».

Вот еще одна глава жизни человечества, прочтенная несколькими миллионами русских людей. Но ничего. Если будут драться с японцами, то, если возьмут, пойду туда».

История плена Григория Котовского-младшего достаточно подробно описана в письме его матери Маршалу Советского Союза С. М. Буденному:

«Я — вдова героя Гражданской войны, погибшего комкора 2-го кав. Котовского Григория Ивановича, обращаюсь к Вам с великой просьбой.

Мой сын Котовский Григорий — студент исторического факультета МГУ — в апреле 42 г. окончил ПВО ВМФ, получил звание лейтенанта и был направлен на фронт в Севастополь, куда прибыл 2/V 42 г. и всю оборону командовал пулеметным взводом. 30/VI был ранен в ногу и привезен в эвакогоспиталь в Камышовой бухте (Севастополь). 2/VII 42 г. госпиталь был занят немцами.

До половины января 43 г. находился на лечении в различных госпиталях и по выписке вывезен этапом в Германию, откуда в марте 43 г. попал в транспорте 1000 чел. в Сев. Норвегию под Нордкап, где пробыл до конца 44 г.

За антинемецкую работу в июле 44 г. был направлен в штрафную команду и приговорен к расстрелу, но вследствии капитуляции Финляндии их штрафников вместе с остальными военнопленными привезли в г. Бодэ, где снова 1/IV 45 г. был отправлен в штрафлагерь.

Изменник Власов вербовал из наших военнопленных в свою армию, распускал версию, что всех в/пленных лишили советского гражданства и вернуться на родину можно будет только с его армией. Котовский проводил разъяснительную работу и спас многих от такого способа возвращения на родину.

Ему удавалось читать немецкие газеты, догадываться о действительном положении и сообщать т.т. по лагерю. В Нордкапе он организвывал побег, кот. не удался, т. к. лопари выдали их.

Немцы ожидали открытия второго фронта высадкой англоамериканских войск в Норвегии. Сын приступил к организации вооруженного побега к союзным войскам — предатель из их организации выдал. Сыну были предъявлено обвинение:

1) антинемецкая пропаганда;

2) саботаж;

3) организация побега;

2) подготовка к вооруженному восстанию.

Как потом видно было из материалов, 10/V сын должен был быть расстрелян, но 7/V Германия капитулировала и стража в тот же день сбежала.

Будучи ранен в левое бедро, он был доставлен в тяжелом состоянии на перевязочный пункт товарищем, кот. отобрал у него оружие и лишил его возможности застрелиться в момент пленения.

16/VI 42 г. он по боевой характеристике был принят в члены ВКП(б), но кандидатской карточки еще не получил. Комсомольский билет он спрятал в Севастополе в камни скалы и

надеется, что найдет его.

В настоящее время 17/VII с.г. он прибыл и находится в Суслонгере в запасной дивизии на проверке. В плену был под чужой фамилией. 27/VII я встретилась с ним. У него слепое осколочное ранение нижней $^1/_3$ лев. бедра — осколок не удален. Часто наблюдается обострение воспаления сустава — осколок подлежит удалению. У него отморожены обе стопы и отсутствуют фаланги всех пальцев, т. к. он и зиму и лето был босый в деревян. колодки. Лысеет голова.

Как и у всех смертников, как было и у его отца (зачеркнуто), у него повышенная нервная возбудимость. По его словам, он неплохо воевал, за месяц с небольшим, имея 2 […] пулемета, он сбил 4 неприятельских самолета, не раз отражал вражеские атаки.

Фашистские прихвостни из-за угла убили Котовского-отца. Фашистские изверги мучили его сына. Дорогой Семен Михайлович, во имя памяти о бывшем товарище Григории Ивановиче, спасите мне сына. Он гордился, что попал в ряды защитников города-героя. Тяжело раненый он был [….] госпиталь (далее зачеркнуто).

Любовь к родине, преданность, образ волевого отца сохранили в нем непоколебимую стойкость (далее зачеркнуто).

Я бы просила Вас, если возможно, уволить его из армии, чтобы он мог в семейной обстановке [восстановить…] учебу в университете (далее зачеркнуто).

Годы и горе надломили меня. После смерти Григория Ивановича я 18 лет работала врачом в Киевском Окружном госпитале. В личной жизни у меня одно желание — видеть детей уже с законченным высшим образованием и работающими на благо родины».

Вполне вероятно, благодаря хлопотам матери, Григория Григорьевича из Марийской республики перевезли на Лубянку в Москву. Затем уволили из армии, и он благополучно вернулся в родной МГУ, где занялся востоковедением, новой и новейшей историей Индии.

Сын легендарного Котовского известен как автор более 500 научных работ, лауреат международной премии им. Джавахарлала Неру, основатель и руководитель российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

В ноябре 1985 года, в очередной юбилей Великой Победы, Григория Григорьевича наградили орденом Отечественной войны 1-й степени. В октябре 2001 года он умер. Произошло это в момент записи им собственного имени в Книге почетных гостей,

во время приема в резиденции посла Индии в России.

5

Непростыми оказались судьбы и боевых товарищей Григория Ивановича. Например, Николай Николаевич Криворучко после гибели Котовского с 1925 по 1935 год командовал 2-м кавалерийским корпусом. В 1933 году окончил Военную академию им. Фрунзе. В 1935-м ему было присвоено звание комкора, а к двум орденам Красного Знамени добавился орден Ленина. В этом же году он — заместитель командующего Киевским военным округом по кавалерии, в 1937-м — заместитель командующего Белорусским округом по кавалерии, член Военного совета при наркоме обороны СССР. В феврале 1938 года его вызвали телеграммой в Москву, где 21-го числа арестовали. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за участие в военно-фашистском заговоре комкор Криворучко был расстрелян 19 августа 1938 года.

Военкома 2-го кавалерийского корпуса корпусного комиссара Григория Герасимовича Ястребова арестовали 20 сентября 1938 года. Но ему повезло. В декабре 1939 года Ястребова освободили и уволили в запас Красной армии. С 1943 года он числился как персональный пенсионер.

Бывший начальник штаба корпуса комбриг Евгений Сергеевич Шейдеман, одним из первых написавший о Котовском биографический очерк, сгинул в период сталинских репрессий в 1938 году. О его судьбе практически ничего не известно.

Больше всех повезло Константину Фомичу Юцевичу. Начальник штаба отдельной кавалерийской бригады Котовского, а потом и начальник штаба 17-й кавалерийской дивизии, участвовал в Великой Отечественной войне и благополучно дожил до 1971 года. Подполковнику в отставке Юцевичу не хватило двух лет, чтобы отпраздновать свой восьмидесятилетний юбилей.

Сам корпус не подвел своего первого командира. 22 июня 1941 года он вошел в состав 9-й отдельной армии (с 24 июня — Южного фронта). В начале ноября 1941 года из района г. Новый Оскол по железной дороге корпус перебросили в Москву, где он вошел в состав Западного фронта. 26 ноября 1941 года 2-й кавалерийский корпус преобразовали в 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

До 11 мая 1945 года кавалерийский корпус, сформированный Григорием Ивановичем Котовским, успешно сражался в составе

войск Южного, Юго-Западного, Западного, снова Юго-Западного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов. В годы войны он принимал участие в оборонительных боях на территории Молдавии, на сумском (17 июля 1941 г. — Ромны), белгородском направлениях, в Московской битве, отражении наступления немецких войск из района Жиздра (август 1942 г.), в освобождении Украины, а также в Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дуклинской, Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской, Берлинской и Пражской наступательных операциях.

За боевые заслуги корпус был награжден орденом Красного Знамени. Ему присвоено почетное наименование «Житомирский». А 37 его бойцов стали Героями Советского Союза.

6

Григорий Иванович Котовский был, безусловно, человеком своего времени. Такие личности, как он, рождаются один раз в столетие. Поэтому и неудивительно, что борец за справедливость в глазах простого народа и опасный преступник для царского режима, он сумел найти и полностью реализовать себя в революции, став в годы Гражданской войны командиром отдельной кавалерийской бригады — одной из самых боеспособных и надежных в Красной армии. Об этом, кстати, можно прочитать в документах того времени.

Весьма показательно, что после своей смерти Котовский не оставил своей семье абсолютно никаких материальных благ, кроме своего громкого имени и славы. А еще, будучи самым настоящим разбойником, он не убил ни одного человека, хотя такая возможность ему представлялась не однажды. И это тоже говорит о своеобразном кодексе чести народного героя, о его действительной, а не мнимой борьбе за народную правду.

А единственная любовь к женщине, матери его детей — не это ли очередное подтверждение чистоты души и сердца этого человека?

На сегодняшний день о Котовском написано немало книг, очерков, рассказов и статей. О нем сняты художественные фильмы и сериалы. Однако среди целого вороха огромного количества самой противоречивой информации можно столкнуться и с чистой ложью, и с ложным пафосом. Все зависит от времени, в которое все это появлялось.

В советские времена Котовского превозносили и боготворили. В настоящем его пытаются изобразить, прежде всего, как

уголовника и преступного авторитета. И порой сложно разобраться в хитросплетениях жизненного пути разбойника, вдруг ставшего красным командиром, а потом и военачальником. Но, как мы все знаем, истину человеческой изнанки нужно искать в обыкновенных поступках, в делах человека. Сам же Григорий Иванович всей своей жизнью доказал праведность своего пути. При этом надо помнить, что он не соскакивал с уголовной дорожки в период революции, он просто нашел в ней единственный законный выход для своей единоличной борьбы. И не ошибся.

Что же касается мифов, которые он создавал сам о себе, когда умышленно искажал факты из своей биографии либо приукрашивал события, то это скорее привычка человека, постоянно находящегося вне закона, в подполье, когда, во имя собственной безопасности, нельзя говорить правды. А еще это вполне понятное желание сгладить шероховатости собственной биографии, когда меняется статус и в новом времени становится все труднее объяснять некоторые события. И все же это единственный и самый большой изъян в личности легендарного героя Гражданской войны.

Котовский был очень мужественным и храбрым человеком. Именно в нем эти редкие качества приобрели черты феноменальности. Его же образованность удивительным образом сочеталась с редчайшим для того жестокого времени благородством. В 1920 году именно он спас от верной смерти тысячи белогвардейцев и членов их семей. Об этом эпизоде сегодня упоминает доцент кафедры Одесского университета И. Шкляев:

«В феврале Красная армия взяла Одессу, и они уходили на Румынию. Но в Тирасполе перекрыли железную дорогу. Они метались между Тирасполем и Овидиополем. Котовский дал честное слово, что никто не будет отдан в руки ЧК. И сдержал его».

Профессор В. Гросул был лично знаком с несколькими котовцами. И вот что он рассказывает: «Двоюродный брат моего отца Панфилий Гросул служил у Котовского, и он был первым, кто рассказал мне, тогда ребенку, о своем командире. Встречался я и с котовцами, жившими в Москве, в частности, с генералом В. Л. Цетлиным. Старый генерал, выйдя в отставку, часто захаживал в Центральный архив, что на Большой Пироговской, где во время обеденного перерыва мы порой прогуливались по садику, и он мне рассказывал о Котовском, Якире и других участниках тех далеких событий.

Котовцы, вспоминал генерал, боготворили своего командира,

и не только за его колоссальную физическую силу, природный ум и необычайную смекалку. Пожалуй, больше всего обожали за органическую потребность в справедливости. Вот эта потребность и привела его в начале минувшего века в число бунтарей, которые открыто выступили против произвола, царившего в дореволюционной России. Он выбрал свой путь борьбы. В то время экспроприации считались одной из форм революционного сопротивления. Изъять неправедно присвоенные богатства и направить их на поддержку революционного движения или передать беднякам считалось делом достойным».

Оказывается, муж родной тети профессора, как и Котовский, был родом из Ганчешт. Он знал по именам всех своих односельчан, «которым Котовский оказал в то время материальную помощь: кому-то помог купить корову, кому-то — починить крышу. И когда я в середине 60-х годов впервые посетил Ганчешты, которые тогда назывались Котовское, сотрудница местного дома-музея его имени рассказывала, что в селе еще есть люди, знавшие Григория Ивановича. Рассказы о его дерзких налетах и о помощи бедным расходились по всей Бессарабии. Его называли российским Робин Гудом, бессарабским Дубровским, молдавским гайдуком, а гайдуков в Молдавии считали народными мстителями».

О другой стороне деятельности Котовского, о которой в советские годы не очень было принято распространяться, профессор Гросул также говорит со знанием дела: «Он оказывал материальную поддержку эсерам и анархистам-коммунистам. Тем не менее уже тогда об этом рассказывал лично знавший его С. Г. Сибиряков, а позднее — писатель М. И. Новохатский.

Котовский был участником революции 1905 года, и молдавский историк А. С. Есауленко еще в 1955 году опубликовал книжку под названием «Г. И. Котовский в годы первой русской революции». Сама охранка рассматривала Котовского не как уголовника, а как политического. Достаточно зайти в Государственный архив Российской Федерации и посмотреть картотеку Департамента полиции, чтобы убедиться: там есть карточка на Котовского, благодаря которой можно ознакомиться с теми делами, где он фигурирует.

Так вот, упоминается Котовский в делах по Особому отделу Департамента о социалистах-революционерах и анархистах-коммунистах. Тогда в Бессарабии не было сильных большевистских организаций, и многие из тех, кто шел в революцию, присоединялись поначалу к другим революционным партиям».

Как известно, Котовский слыл одним из самых сильных

людей своего времени. Полиция боялась его задерживать, если количество филеров было менее 10 человек. Неудивительно, что и в Красной армии Котовского побаивались не меньше. Подобный случай описан в мемуарах генерала армии А. Т. Стученко:

«Побывал у нас Григорий Иванович Котовский. Вместе с нами учились несколько бойцов из его корпуса. Котовский внимательно следил за их успехами. Среди котовцев, как мы называли этих товарищей, выделялся Альфред Тукс, за боевые заслуги награжденный двумя орденами Красного Знамени. Курсант выпускного класса, он отличался большой усидчивостью и добросовестностью в учебе и пользовался в школе всеобщим уважением. Но как-то получилось, что у него возник конфликт с нашим Карповым. Будучи человеком горячим, Тукс повел себя непозволительно. Это справедливо было расценено как серьезное нарушение дисциплины, и Тукса, отчислив из школы, отправили в корпус.

Через неделю он вернулся. Привез его сам Котовский. В кабинете начальника школы разыгралась бурная сцена.

— Ппп-о-о-чему, кто смел о-отчислить Тукса и за что? — гремел, чуть заикаясь, Котовский. Голос его раскатывался громом. В кабинете послышался треск. Это Григорий Иванович в пылу гнева опустил свой могучий кулак на стол. Кулак выдержал, а стол пришлось отправлять в ремонт.

Потом Котовский обошел классы, спальни, столовую, побывал на манеже. Словом, всю школу осмотрел. Гнев его остыл. Комкор тепло разговаривал с курсантами, расспрашивал их об учебе. Уехал он умиротворенным, оставив Тукса заканчивать школу».

Таким и был Григорий Иванович Котовский, ценивший правду и справедливость превыше всего на свете.

Приложения

Оперативный портрет Котовского, подписанный кишиневским полицмейстером С. Славинским (1915 год)

«СЕКРЕТНО. МВД. Господам Полицмейстерам, Уездным Исправникам и Начальникам Сыскных отделений.

В сентябре — декабре месяцах прошлого года в городе Кишиневе шайкой разбойников совершен целый ряд вооруженных грабежей из квартир зажиточных обывателей. В грабежах участвовало, обыкновенно, 5–7 человек, действовали всегда по одному и тому же, очевидно, заранее выработанному плану. Являлись они к своим жертвам вечером в пять-семь часов, вооруженные револьверами, причем некоторые из них одевали примитивные маски, обвязывая лица какой-нибудь материей, с прорезями для глаз. Все занимали места и действовали по указанию главаря шайки. Грабили денежную наличность и ценные вещи. Затем та же шайка совершила два таких же грабежа в городе Одессе и городе Балте.

Произведенным дознанием об означенной шайке грабителей установлено, что она организована и действовала под руководством известного в Кишиневе по грабежам 1905 года, осужденного в каторжные работы Григория Иванова Котовского… Котовский прекрасно говорит по-русски, молдавски, румынски и еврейски, а равно может объясняться на немецком и чуть ли не на французском языках. Производит впечатление вполне интеллигентного человека, умного и энергичного; в обращении старается быть со всеми изящным, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех, имеющих с ним общение. Выдавать он себя может за управляющего имениями, а то и помещика, машиниста или помощника машиниста, садовника, представителя какой-либо фирмы или предприятия, представителя по заготовке продуктов для армии и т. д., стараясь заводить знакомства и сношения в соответствующем кругу. Котовский 35 лет от роду; росту выше среднего, плотного телосложения, шатен, открытое выразительное лицо, на голове большая лысина; волосы обыкновенно стриг очень низко; иногда носил усы, но потом их сбрил; бороду также брил; на лице под глазами имел значки-горошки от татуировки, но места эти выжег, отчего образовались как бы ямки от прыщей; в разговоре довольно заметно заикается; несколько сутуловат, во время ходьбы качается; одевается прилично и может разыграть настоящего джентльмена; любит хорошо и изысканно питаться и

наблюдать за своим здоровьем, прибегая к изданным по этому вопросу книгам и брошюрам».

Письмо в «Известия одесского Совета Рабочих Депутатов»

«Я, Моисей Винницкий, по кличке Мишка Япончик, приехал четыре дня тому назад с фронта, прочел в «Известиях» объявление ОЧК, в котором поносят мое доброе имя.

Со своей стороны могу заявить, что со дня существования ЧК в Одессе я не принимал никакого активного участия в его учреждении.

Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по Указу Временного правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, — могу показать документы, находящиеся в контрразведке, а также приказ той же контрразведки, в котором сказано, что за поимку меня обещано 100 тысяч рублей, как организатор отрядов против контрреволюционеров, только благодаря рабочим массам я мог укрываться в его лачугах, избежать расстрела.

Весной нынешнего года, когда пронесся слух о предстоящим погроме, я не замедлил обратиться к начальнику Еврейской боевой дружины тов. Кашману с предложением войти в контакт с ним для защиты рабочих кварталов от погромов белогвардейцами всеми имеющимися в моем распоряжении средствами и силами.

Я лично всей душой буду рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян отзовется и скажет, что мною был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется.

Что касается буржуазии, то если мною предпринимались активные действия против нее, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ее, но именем такого грабителя я горжусь, и покуда моя голова на плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой.

Как один из примеров провокации моим именем, даже при советской власти, приведу следующий факт.

По просьбе начальника отряда тов. Трофимова мы совместно отправились к начальнику отряда Слободского района тов. Каушану с просьбой, чтобы тов. Каушан разрешил мне препроводить в ОЧК для предания суду революционного трибунала Ивана Гричко, который, пользуясь моим именем, убил рабочего и забрал у него 1500 рублей. У Гричко были также мандаты для рассылки с вымогательскими целями в разные места

с подписью Мишка Япончик. Тов. Каушан разрешил, и я препроводил убийцу рабочего в ЧК.

В заключение укажу на мою деятельность с приходом советской власти. Записавшись добровольцем в один из местных боевых отрядов, я был назначен в конце апреля 1919 года в 1-ю Заднепровскую дивизию, куда я незамедлительно отправился.

Проезжая мимо станции Журавлевка ЮЗЖД, стало известно, что под руководством петлюровского офицера Орлика был устроен погром в Тульчине, куда пошел отряд 56-го Жмеринского полка для ликвидации погромной банды. К несчастью, командир отряда был убит, не дойдя к месту назначения. Красноармейцы, зная мою железую волю, на общем собрании избрали меня командиром.

Завидуя моему успеху, некоторые несознательные элементы изменническим образом передали меня в руки бандита Орлика, который хотел расстрелять меня, но благодаря вмешательству крестьян села Денорварка (в нескольких верстах от Тульчина), стоящих за советскую власть, я был спасен. Все вышеуказанное подтверждая документами выданными мне Тульчинским военным комиссаром за № 7.

После целого ряда военных испытаний я попал в Киев, где после обсуждения всего вышеизложенного я получил от Народного военного комиссара назначение в 1-й Подольский полк, где военным губернским комиссаром была возложена на меня задача, как на командира бронепоезда № 870932, очистить путь от ст. Вапнярка до Одессы от григорьевских банд, что мною было выполнено; подтверждается документом командующего 3-й армией за № 1107.

На основании вышеприведенного я отдаю себя на суд рабочих и крестьян, революционных работников, от которых жду честной оценки всей моей деятельности на страх врагам трудового народа.

Моисей Винницкий под кличкой Мишка Япончик. 30 мая 1919 г.».

Из биографии Мишки Япончика (Википедия)

«В мае 1919 года получил разрешение сформировать отряд в составе 3-й Украинской армии, позднее преобразованный в 54-й им. Ленина советский революционный полк. Адъютантом у него был Мейер Зайдер по кличке Майорчик, впоследствии застреливший Котовского. Полк Япончика был собран из одесских уголовников, боевиков-анархистов и мобилизованных студентов Новороссийского университета. Красноармейцы Япончика не имели единой формы, многие ходили в шляпах канотье и цилиндрах, но каждый считал делом чести носить тельняшку.

Попытки наладить в сформированной части «политработу» провалились, так как многие коммунисты отказались вступать в полк для ведения в нем пропагандистской работы, заявив, что это опасно для жизни. Официальным комиссаром полка был назначен анархист Александр Фельдман. По данным исследователя Виктора Ковальчука, прибывшего в полк комиссара Фельдмана «бойцы» Япончика встретили громовым хохотом.

Полк был подчинен бригаде Котовского в составе 45-й дивизии Ионы Якира и в июле направлен против войск Петлюры. Перед отправкой в Одессе был устроен пышный банкет, на котором командиру полка Мишке Япончику были торжественно вручены серебряная сабля и красное знамя. Начать отправку удалось только на четвертый день после банкета, причем в обоз полка были погружены бочонки с пивом, вино, хрусталь и икра.

Дезертирство «бойцов» полка началось еще до отправки. По данным исследователя Савченко В. А., в итоге на фронте оказалось лишь 704 человека из 2202. Уже тогда комдив Якир предложил разоружить полк как ненадежный. Тем не менее командование 45-й дивизии признало полк «боеспособным», хотя бандиты всячески сопротивлялись попыткам наладить военное обучение.

Первая атака полка в районе Бирзулы против петлюровцев была успешной, в результате чего удалось захватить Вапнярку и взять пленных и трофеи, но последовавшая на следующий день контратака петлюровцев привела к разгрому и бегству полка. Оставшаяся часть полка после этого дезертировала. По легенде, полк якобы взбунтовался и захватил два поезда, чтобы вернуться в Одессу. По другим сведениям, комдив Якир приказал Япончику, чтобы изолировать его от полка, направиться в Киев в распоряжение командующего 12-й советской армией.

Япончик с ротой охраны численностью 116 человек в Киев не поехал, а дезертировал и попытался вернуться в Одессу, однако в Вознесенске попал в организованную чекистами засаду и был убит при аресте. Оставшиеся «бойцы» 54-го полка были частично перебиты кавалерией Котовского, частично выловлены частями особого назначения; уцелел только бывший «начальник штаба» полка, бандит Мейер Зайдер по кличке «Майорчик». Кроме того, до 50 человек были направлены на принудительные работы.

Уцелевшие люди Япончика обвинили в его смерти комиссара полка Фельдмана и убили его в октябре 1919 года. По данным исследователя Савченко, Фельдман прибыл на могилу Япончика лишь через четыре часа после похорон и потребовал раскопать ее, чтобы удостовериться, что там действительно похоронен Япончик. Через два дня на место прибыл наркомвоен Украины Н. Подвойский, потребовавший снова вскрыть могилу.

В то же время, согласно архивным данным, в действительности Мишку Япончика расстрелял уездный военный комиссар Никифор Урсулов, награжденный за это орденом Красного Знамени. В своем рапорте на имя одесского окружного комиссара по военным делам Урсулов ошибочно назвал Мишку Япончика «Митькой Японцем»»

Доклад уездвоенкома М. Синкжова одесскому Окружному комиссару по военным делам

«4-го сего августа 1919 года я получил распоряжение со станции Помашная от командующего внутренним фронтом т. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелоном командира 54-го стрелкового советского украинского полка Митьку Японца. Во исполнение поручения я тотчас же отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Вознесенского отдельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона т. Урсуловым, где распорядился расстановкой кавалеристов в указанных местах и стал поджидать прибытия эшелона.

Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я прибыл совместно с военруком, секретарем и командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено.

По прибытии Японца я объявил его арестованным и потребовал от него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой.

В это время, когда было приступлено к обезоруживанию, Японец пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего был убит, выстрелом из револьвера, командиром дивизиона.

Отряд Японца, в числе 116 человек, арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию».

Юцевич К. Ф. «Вперед, герои! К победе, орлы!»

Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников

«Во время похода Южной группы войск я служил в штабе 2-й бригады, входившей в 45-ю дивизию. Командование этой дивизии состояло в основном из лиц, хорошо знавших друг друга по революционным дням 1917 года в Кишиневе, по схваткам с буржуазией на молдавской земле. Начдив Н. Э. Якир, начальник штаба И. И. Гарькавый, комбриг Г. И. Котовский, военком бригады Ф. Левензон, заведующий политотделом А. Гринпггейн… Можно и дальше перечислять имена тех, кого сдружил боевой поход и кто занимал командные посты в 45-й.

Как эти люди оказались снова вместе, хотя годом раньше, после отступления бессарабских отрядов к Воронежу, военная судьба разбросала их по разным участкам? А вот как. Успехи Красной армии весной 1919 года в Причерноморье породили надежду на скорое освобождение Заднестровского края. Приближалось время воссоздания бессарабских советских воинских частей, в связи с чем в Одессу съехались И. Э. Якир и его товарищи.

У Ионы Эммануиловича установились не просто добрые, а самые близкие и доверительные отношения с председателем Одесского губкома партии Я. Б. Гамарником. И когда выяснилось, что из-за яростного сопротивления противника сроки освобождения Бессарабии отодвигаются, Ян Борисович помог приехавшим товарищам влиться в 45-ю дивизию, что позволило укрепить ее ряды.

В дивизию вошли бессарабские отряды и остатки частей бывшей 3-й Украинской армии, ослабленные потерями в боях. Прежний начдив, зараженный духом партизанщины, не был способен навести в частях дивизии революционный порядок. Безвольным, к тому же больным оказался его начальник штаба. Между тем полки, разбросанные по сильно растянутому фронту, испытывали упорное давление врага и вынуждены были отступать. Чтобы стабилизировать участок фронта, нужны были кардинальные меры. Одной из таких мер и явилась смена командования дивизии, осуществленная Реввоенсоветом 12-й армии по рекомендации Одесского губкома партии.

Вместе с Якиром в дивизию прибыл ее новый комиссар Николай Голубенко, состоявший ранее членом РВС 3-й Украинской армии. Это был молодой по возрасту политработник, но уже прошедший школу политической борьбы. Рабочий-

металлист, он еще юношей стал революционером, успел побывать в сибирской ссылке. Голубенко глубоко вникал в дела дивизии, работал с Якиром и Гарькавым дружно и согласно, был волевым и смелым военкомом.

Становлению 45-й дивизии Ян Борисович помогал всячески. Его воздействие мы особенно ощущали, когда он стал членом Реввоенсовета Южной группы войск. Не говоря уже о боевых приказах, которые он подписывал вместе с командующим Якиром, об обращениях Реввоенсовета или «Памятке бойца Южной группы» — все эти проникновенные документы оказывали большое влияние на красноармейцев, — Гамарник часто бывал в наших частях, причем в наиболее трудные моменты, когда деловой совет, практическое указание опытного политработника имели особую значимость.

В моей памяти образ Яна Борисовича отложился ярко и неизгладимо. В нем органически сочетались глубокая убежденность, сильная воля, высокое чувство ответственности, собранность, предельная скромность. Настоящий военный комиссар!

А какую роль сыграл Гамарник в судьбе Григория Ивановича Котовского! Человек небывалой отваги, Котовский еще в годы первой русской революции проявил себя народным героем. Прославился он и в боях 1918 года — как командир конного разведывательного отряда под Тирасполем, руководитель диверсионных групп в тылу немецких оккупантов. Однако нашлись люди, которые противились назначению Григория Ивановича на должность командира 2-й бригады, распространяли слухи о его «партизанщине» и неизбежном превращении в «батьку». Гамарник решительно отмел подобные поклепы, поддержал кандидатуру Котовского. И не ошибся: Григорий Иванович в последующих боях показал себя талантливым командиром.

Оперативным планом Южной группы Г. И. Котовскому отводилась важная роль. Возглавляя левую колонну войск, он двумя бригадами — 1-й и 2-й — должен был по крайней мере двое суток сдерживать натиск петлюровцев на линии железной дороги Крыжополь — Рудница — Кодыма и около близлежащих сел, что позволило бы центральной колонне уйти от Бирзулы (Котовск) подальше на север, к Умани. Лишь после этого частям левой колонны надлежало оторваться от противника и следовать в тот же район.

Двое суток… Сколько они потребовали от воинов мужества и хладнокровия, небывалой стойкости, а от командиров, помимо всего, и умелой распорядительности! Трудности усугублялись

тем, что прекратилась связь с центральной колонной и мы не знали, далеко ли она продвинулась, когда нам можно идти ей вслед. Решение целиком зависело от Котовского, и он сознавал свою огромную ответственность. Ведь в составе центральной колонны находились штаб и Реввоенсовет Южной группы, партийно-советский актив из Одессы, громоздкие обозы с боеприпасами, продовольствием, со спасенными ценностями одесского банка. Хотелось надеяться, что начальник штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавый с 3-й бригадой, дивизионной школой, возглавляемой храбрецом Иваном Базарным, другими подразделениями сумеет провести эту колонну по намеченному маршруту. А вдруг?.. Нет, лучше уж принять на себя еще один удар, но прикрыть, надежно прикрыть боевых товарищей… И Котовский, его подчиненные продолжали схватку.

Две небольшие по численности бригады стойко отбивали натиск двух петлюровских дивизий. Беспрерывно трещали пулеметы, пока вода не закипала в кожухах. Ружейный огонь то и дело сменялся звоном скрестившихся штыков. Отбивали одну вражескую цепь, а уже напирала другая. Два полка 1-й бригады почти полностью полегли в этой сече, заметные потери понесла и 2-я бригада. Но петлюровцы получили достойный отпор, откатились, оставив на поле боя много трупов своих солдат.

Выиграв время, Котовский отдал приказ об отходе. Совершить отход было не просто, но проходил он организованно, быстро, люди проявляли находчивость и военную хитрость… На станции Рудница скопились красноармейцы, местные жители, беженцы. Неразбериха, казалось, полнейшая, перемешались подразделения и обозы. Команды старшин не действуют на возбужденную толпу. Но вот комбриг приказывает собрать духовой оркестр — звучит музыка, и бойцы строятся поротно. Открывается летучий митинг. Григорий Иванович произносит короткую речь. Он воздает славу героям, погибшим в боях. Хвалит полки за отвагу и стойкость. Призывает бойцов и командиров к выдержке и дисциплине. Напоминает — впереди еще долгий и трудный путь.

Части дивизии, погрузив поклажу на крестьянские подводы, под покровом ночи двинулись к югу. Да, именно к югу. Такое неожиданное направление было подкреплено заведомо распущенным слухом: «Уходим в родную Бессарабию!» А пройдя полтора десятка верст, войска круто поворачивают на восток, затем на север. 6 сентября мы переправились через реку Буг в районе села Хощеваты. Этот крюк, конечно, отнял драгоценные часы, зато запутал противника. Двигаясь ускоренным темпом, делая самые короткие привалы на ночлег, левая колонна через

несколько дней догнала центральную.

Считаю долгом назвать наиболее близких и надежных помощников Котовского, которые обеспечивали выполнение боевой задачи. Это командир 1-й бригады Грицов и военком Левензон, с которыми Григорий Иванович действовал в контакте и согласии, командир 399-го полка этой бригады Попа, неунывающий, богатырского сложения человек, участник Первой мировой войны, один из организаторов известного Хотинского восстания. Попа дрался с петлюровцами мужественно. Он оставался с горсткой бойцов, но позиций врагу не уступил. Из нашей 2-й бригады назову командиров полков Колесникова, Дьячишина, Криворучко и Нягу, людей стойких и умелых. Бойцы верили им безгранично, шли за ними в огонь и воду. Не могу умолчать о начальнике бригадного штаба Каменском, в прошлом поручике и левом эсере, который, однако, твердо встал на позиции советской власти. В походе он помогал Котовскому руководить заградительным сражением. Вместе они придумали и обманный крюк. Работая в штабе под началом Каменского, я все больше убеждался в его незаурядных способностях. Это был советчик Котовского, надежный исполнитель его приказов и распоряжений.

Дальнейшее продвижение 45-й дивизии было несколько легче, но и оно изобиловало стычками то с петлюровскими частями, наседавшими слева, то с местными кулацкими бандами, пытавшимися прощупать нас в пути и на привалах…

Относительно длительный отдых нам выпал в селе Самгородок, что в десяти верстах юго-западнее Сквиры. Запомнился он приездом сюда командующего Южной группой И. Э. Якира и члена Реввоенсовета Я. Б. Гамарника, той новостью, которую они сообщили.

В Самгородке на привале находился 402-й полк, выставивший вокруг сторожевое охранение. И тут произошел маленький конфуз: автомобиль, на котором приехали к селу командующий и член Реввоенсовета, был задержан заставой. Пришлось ждать, когда конный связной доставит разрешение пропустить. Командир полка Ф. Е. Криворучко, старый служака, был явно смущен, встречая машину у своего штаба. Думал: «Ну, сейчас попадет…» Однако Якир и Гамарник ни словом, ни взглядом не выразили недовольства, наоборот, похвалили Федора Ефимовича за то, что его бойцы бдительно и строго несут службу.

Новость же, сообщенная прибывшими, была поистине радостной: дивизионной полевой радиостанции наконец-то удалось выйти на связь с 44-й дивизией.

Радисты обменялись позывными. И хотя они были известны

обеим сторонам, радисты из 44-й не сразу поверили, что вызывает наша станция, от которой давно не было ни слуху ни духу. К аппаратам подошли Иона Эммаиуилович Якир и начдив 44-й Иван Наумович Дубовой. Они-то хорошо знакомы, да нужно ведь «узнать» друг друга в процессе радиообмена, «Как имя жены деда?» — принял наш радист и, читая свою запись вслух, недоуменно посмотрел на командующего. Якир улыбнулся: то, что было загадочным для радиста, ему, Якиру, понятно. В командирской среде Южного фронта «дедом» называли командарма 10-й Ворошилова, и именем его жены Дубовой воспользовался как паролем. «Передавайте, — сказал командующий радисту, — Екатерина Давыдовна».

Вот и стало все ясно. Перешли к делу: стороны договорились двигаться навстречу друг другу, чтобы совместным ударом разорвать вражескую линию и соединенными силами взять Житомир.

…Пока Якир был занят с Криворучко, красноармейцы окружили Гамарника. Посыпались вопросы, завязалась беседа. Ян Борисович любил такого рода летучие митинги, охотно выступал перед бойцами, не уходил от самых острых тем. На этот раз разговор был особенно приятным и радостным, согретым ободряющей вестью. Гамарник, чувствовалось, и сам был необычайно взволнован, в приподнятом настроении, и эта его одухотворенность передавалась всем, кто его слушал. Люди, казалось, сбросили с себя усталость.

Ну как, вспоминая об этом, не привести заключительных слов из приказа, подписанного И. Э. Якиром и Я. Б. Гамарником перед походом: «Вперед, герои! К победе, орлы!» Теперь орлы расправляли крылья, герои распрямляли плечи — к новым боям звал их комиссар, к завершающему победному броску.

Решительное сражение произошло через несколько дней, когда дивизия вышла севернее Сквиры к железнодорожной линии. 3-я бригада появилась у станции Бровки, наша 2-я — в районе станции Попельня. Против 3-й были петлюровцы, против нас — деникинцы. Прежде конфликтовавшие, они действовали теперь согласованно, надеясь разбить Южную группу на этом рубеже. Но наше командование сознавало, что именно здесь нужны и особая стойкость войск, и самое гибкое управление боем.

Местность перед Попельней открытая, ровная. Наши цепи как на ладони видны вражеской пехоте, укрывшейся за железнодорожным полотном, откуда она ведет массированный ружейно-пулеметный огонь. Два бронепоезда, подошедшие со стороны Киева, оказывают ей огневую поддержку. Да, в этих

условиях атаковать противника сложно.

Котовский и Каменский, получая через связных донесения из полков, мучительно размышляли: как быть? Но вот в клубах пыли подъехал автомобиль, в нем Якир, Гамарник и Гарькавый. Котовский поспешил навстречу, доложил обстановку, расположение сил.

Тем временем прискакал взвод всадников, с ним — командир кавалерийского полка М. С. Няга. Ян Борисович что-то шепнул Гарькавому и направился к кавалеристам. Поздоровался, поговорил. Убедился: настроение у всех боевое, люди рвутся в атаку.

— Кавалеристы готовы выполнить боевой приказ, — доложил ему Няга.

Гамарник снова подошел к Гарькавому, кивнув на конников, сказал:

— Не пора ли им вступать в дело?

Так рождался замысел комбинированной атаки.

Котовский обосновал предложение: пехоте пока залечь, вести лишь перестрелку, а кавалерийский полк зайдет справа в тыл попельнинской группировке. Затем ударим по врагу одновременно с двух сторон, с тыла и фронта.

Получив «добро» командующего, Котовский и Няга при поддержке левофланговых частей 58-й дивизии приступили к прорыву деникинского заслона. Обойдя станцию, кавалеристы дали сигнальную ракету «Мы на месте». Огневой и рукопашный штурм вражеских позиций начался. Противник был ошеломлен. На него напирала красная пехота с фронта, а конники с тыла. Деникинцы поспешно удирали, бросая убитых и раненых, вооружение и вагоны с имуществом.

Итак, бой выигран. Станция Попельня взята 2-й бригадой. Левее 3-я бригада геройской атакой захватила Бровки. Справа 58-я дивизия также перешла железнодорожную насыпь. Вперед, герои! Осталось совсем немного: еще рывок, и мы у цели!

По ту сторону железной дороги простирались леса. Идти стало легче — прохладно, не слишком мучит жажда: выручают ручьи и речки. Только вот обозам тесно на узких проселках, но тут помогают молча и упорно неутомимые бойцы.

Наконец-то свершилось заветное! На реке Гуйва встретились передовые отряды 45-й и 44-й дивизий. Начдивы Гарькавый и Дубовой поднимаются на мост, крепко жмут друг другу руки, обнимаются. А к реке, к обеим ее берегам, все прибывают и прибывают роты, пешие и конные… Мы соединились!

Не буду вдаваться в подробности взятия Житомира силами двух дивизий, Радомысля — 58-й дивизией, а также последующих

боевых действий. Это тема особая. Теперь же хотелось бы сказать о взаимоотношениях Котовского и Гамарника.

Мне повезло: с Григорием Ивановичем, под его началом, я не только участвовал в походе Южной группы, но служил в последующее время, когда он командовал отдельной кавалерийской бригадой и дивизией. И, вспоминая былое, смею утверждать, что его знакомство с Яном Борисовичем, начавшееся летом 1919 года, переросло затем в искреннюю дружбу и личную привязанность.

В послевоенном Киеве мне доводилось быть свидетелем их встреч. Бывало, увидятся, случайно или по уговору, к примеру, в фойе гостиницы «Континенталь», где Котовский обычно останавливался, приезжая в командировку, разведут оба руками, искренне улыбнутся, и пошел разговор с шутками, восклицаниями. А на улицу выходят подтянутые, деловые. Впрочем, это ненадолго. Завидев живых героев, окружают их мальчишки, и опять веселая беседа. Любили Ян Борисович и Григорий Иванович неугомонную, полную задора детвору. Так и идут говорливой кучкой до здания губисполкома.

И практические дела государственной важности решали они в дружеском согласии. Весной 1922 года перед Киевской губернией возникла трудная задача — вывезти из глубинных пунктов семенной фонд, предназначенный для перенесшего засуху Поволжья. Кто это выполнит, где взять силы и транспорт? Ян Борисович пригласил к себе начдива 9-й Крымской Котовского: «Выручай, Григорий Иванович!» А того уговаривать не надо, сам понимает, как ценен застрявший в глубинках груз. И он тут же связывается с вышестоящим начальником — заручается его согласием. Личный состав кавалерийских полков, узнав о полученном задании, поработал на славу. Семенное зерно в предельно короткий срок было отправлено на поволжские поля.

Не сомневаюсь: дружба и общение этих замечательных людей, совместная работа на благо Родины духовно их обогащали».

Ф. Каменецкий
Эскадронный боец, не знающий страха

«Среди награжденных пятью орденами Красного Знамени Маршалы Советского Союза П. Ф. Батицкий, К. С. Москаленко, С. К. Тимошенко, маршалы авиации П. С. Кутахов, Н. С. Скрипко, В. А. Судец, маршал артиллерии В. И. Казаков, генералы армии А. П. Белобородое, А. С. Жадов, И. В. Тюленев, И. И. Федюнинский, адмирал С. Е. Чурсин и другие. В числе этих очень немногих других — Николай Филиппович Скутельник.

Из книги Ефима Морозова «Рассказы о котовцах».

«…Котовский развернул карту и поглядел на Ульрика (своего заместителя. — *Ф.К.):*

— Сейчас же пошли эскадрон Скутельника вот сюда! — Он указал место на карте. — Там пылит не то обоз, не то пехотная колонна. Наша пехота еще позади, стало быть, пусть проверит и действует по обстоятельствам.

Ульрих сделал карандашом пометку на своей карте и побежал в рощу. А через две-три минуты эскадрон Скутельника и взвод пулеметных тачанок вынеслись из рощи, пересекли дорогу и скрылись в солнечном мареве.

…Неожиданно появился эскадрон Скутельника. Всадники показались с солнечной стороны на узкой проселочной дороге, петлявшей в буйных хлебах. Впереди эскадрона торопливо шагала толпа обезоруженных петлюровцев, скрипело десятка два повозок и пылил небольшой табун оседланных коней…»

…Уютная двухкомнатная квартира на улице Космонавтов. Мягкий солнечный свет пробивается сквозь листву посаженной хозяином вишни, скользит по мебели, полу, висящей на стене большой фотографии: командир с полковничьими шпалами на петлицах. На ладно схваченной портупеей гимнастерке редкие в ту пору ордена Красного Знамени.

— Снимок этот сделан в самом начале Великой Отечественной, — говорит Николай Филиппович Скутельник.

В музее обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны на стенде, посвященном 386-й стрелковой дивизии, командиром которой был в дни обороны города Н. Ф. Скутельник, есть такая запись:

«Командир дивизии своим героизмом и бесстрашием зажигал бойцов. Он умело руководит боем. Часто бывал в траншеях каждой роты, на передовых позициях. О нем воины дивизии говорят как о чутком, мужественном, храбром командире. В

период июньского штурма он последним ушел с КП на Сапун-горе. Николая Филипповича тяжело ранило. Он потерял сознание и слух».

Свои воспоминания, которые хранятся в Республиканском музее Г. И. Котовского и С. Г. Лазо, Николай Филиппович начинает словами: «Хочу рассказать о храбрости, находчивости некоторых бойцов нашего кавполка во время чрезвычайной опасности». Он описывает подвиги командира первого кавполка, много теплых, задушевных слов адресовано им любимому комбригу — Г. И. Котовскому. А о себе — всего несколько слов: «О моем участии во взятии Одессы и Тамбовском рейде написано в «Коммунисте Молдавии» № 2 за 1965 год, и я лучше не напишу».

На освобождение Одессы Николай Скутельник награждается орденом Красного Знамени. Вот его огромный рассказ об этом событии: «В ночь на 7 февраля 1920 года мой эскадрон был выделен головным отрядом от кавалерийской бригады во время наступления на Одессу. На рассвете на окраине Пересыпи удалось окружить белогвардейскую заставу, что способствовало проходу всей бригады через Пересыпь без сопротивления со стороны белых. Вот за что был награжден орденом Красного Знамени».

Николай Филиппович — участник борьбы против белополяков, банд Махно, Антонова, Тютюнника и др. В приказе № 41 от 26 сентября 1921 года по войскам Тамбовской губернии о награждении красноармейцев и командиров отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовского за отличия в боях при ликвидации банд Антонова говорится, что вторым орденом Красного Знамени награждается командир 1-го эскадрона 1-го кавполка «т. Скутельник Николай Филиппович, как боец, со дня формирования бригады не знающий страха, что может свидетельствовать бой с бандитами под с. Шепетовка со сводной группой Селянского, когда т. Скутельник один врезался в ряды бандитов, рубя их направо и налево». В приказе указывается, что Скутельник является 59-м в Советской Республике красным воином, удостоенным двух орденов за Гражданскую войну.

Настало мирное время, но Николай Филиппович не оставляет рядов Красной армии. Командует некоторое время территориальным эскадроном, базировавшимся в местечке Ободовка Винницкой области, ведет борьбу с вылазками кулачества против колхозного строительства, проводит большую военно-патриотическую работу среди сельской молодежи, готовившейся к службе в рядах Красной армии. И в то же время упорно учится. Он получил военное образование, принимал активное участие в жизни страны, дважды избирался членом ЦИК

Молдавской АССР.

В 1939 году за отвагу и мужество в боях с белофиннами Николай Филиппович был награжден третьим орденом Красной Звезды.

За храбрость, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он награждается орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, многими медалями.

В 1967 году, когда вся страна отмечала 50-летие своего рождения, Президиум Верховного Совета СССР удостоил Н. Ф. Скутельника еще одной награды — пятого ордена Красного Знамени.

— Николай Филиппович, вы упомянули, что являетесь участником четырех войн. Какая для вас была первой?

— Конечно же 1-я мировая. В 1914 году я был призван на военную службу. В октябре 1916 года перешел в партизанский отряд Барбуцы, который формировался для освобождения Бессарабии из-под ига румынских бояр, участвовал в Хотинском восстании. Весной 1919 года партизанский отряд влился в первый Бессарабский кавполк, а в июле я стал бойцом первого кавполка второй стрелковой бригады, командиром которой был Г. И. Котовский. Все мои качества бойца и командира я унаследовал от своего первого комбрига.

В начале 80-х годов общественность города-героя Одессы, боевые товарищи торжественно отметили 90-летие со дня рождения Николая Филипповича Скутельника. Несмотря на преклонный возраст, член ленинской партии с шестидесятилетним стажем Н. Ф. Скутельник, насколько позволяли силы, продолжал трудиться: учил молодежь, выступая на предприятиях, в школах Одессы…

Мне часто приходится проходить мимо дома, где в уже прошлом веке жил Н. Ф. Скутельник. На его дереве алеют вишни…»

А. Тукс
Котовцы. (Биографические очерки)

«Кавалерийская бригада Г. И. Котовского была поистине интернациональной. В ее рядах сражались русские, украинцы, молдаване, болгары, евреи… Среди них был и Тукс Альфред Мациевич — эстонец по национальности.

Родился А.М. в 1900 г. в г. Валк Лифляндской губернии в семье сапожника. В возрасте 12 лет он уже работает на музыкальной фабрике. В 1914 г. Тукс переезжает в г. Нарва. В июне 1915 г. поиски заработка привели А. Тукса в Петербург. Работает в качестве чернорабочего в инженерно-строительной дружине. В ее составе он и попал на фронт.

«В период между Февральской и Октябрьской революциями я стал понемногу разбираться в происходящих вокруг меня событиях и вошел в доверие (группы) социал-демократической партии большевиков, которая подпольно существовала среди рабочих под руководством Попова…» — пишет он. Свершилась Великая Октябрьская Социалистическая Революция — А.М. не задумываясь вступил в красногвардейский отряд, который участвовал в разоружении и аресте контрреволюционно настроенных офицеров царской армии.

При продвижении на Одессу отряд натолкнулся на большую белогвардейскую часть и был разбит. Оставшиеся в живых красногвардейцы с трудом пробрались в оккупированную интервентами Одессу и установили связь с подпольем.

Альфред Тукс по заданию большевиков вел политическую пропаганду среди рабочих на разных заводах Одессы. В конце 1918 г. оккупанты выследили и арестовали его.

Вступившая в Одессу в апреле 1919 г. Красная армия освободила А. Тукса из тюрьмы. В июне А. Тукс добровольно вступил в ряды 45-й стрелковой дивизии красноармейцем и проделал вместе с нею легендарный поход…

А. Тукс — участник жестоких боев под Киевом, Одессой, Тирасполем. В апреле 1920 г. он стал бойцом отдельной кавбригада Г. И. Котовского. Сначала рядовым, затем помощником командира взвода. Участвовал в боях против белопанской Польши, банд Антонова, Тютюнника.

За боевые заслуги А. М. Тукс был награжден 2-мя орденами Красного Знамени, грамотами и многими ценными подарками. В приказе по войскам Тамбовской губернии № 41 от 25 сентября 1921 г. о награждении красноармейцев и командиров отдельной

кавбригады Г. И. Котовского за отличия в боях при ликвидации банд Антонова говорится, что награждаются орденами Красного Знамени помощник командира взвода 2-го эскадрона 2-го полка Тукс А. М. и командир взвода 1-го эскадрона того же полка Баламчук Степан Алексеевич «за проявленную ими храбрость, неустрашимость в бою под селом Надежина, где указанные товарищи проявили себя одними из самых отважных и решительных бойцов за свободу».

Второй орден Красного Знамени А. М. Тукс получил за отличия в боях с бандой Тютюнника осенью 1921 г. В приказе по войскам Киевского военного округа, № 1279 от 30 мая 1922 г. отмечалось, что награждается помкомвзвода 2-го кавполка тов. Тукс А. за то, что в бою под селом Звиздаль 17 ноября 1921 г. «первым бросился в шашки на укрепившуюся в селе группу тютюнниковцев и, несмотря на убийственный их пулеметный огонь, продолжал храбро сражаться, проявляя личную инициативу и способствуя быстрому вытеснению бандитов из названного села».

В ноябре 1925 г. А. Тукс оканчивает Украинскую кавалерийскую школу им. С. М. Буденного и остается при школе в должности командира взвода. В 1932 г. А.М. стал слушателем Военной академии им. Фрунзе. В 1935 г. в связи с 15-летним юбилеем 3-й кавалерийской дивизии им. Г. И. Котовского Альфред Мациевич был награжден Почетной грамотой ЦИК Союза ССР.

В 1936 г. он окончил основной факультет Военной академии им. Фрунзе по первому разряду.

Находясь в отпуске в Крыму, он заболел и в октябре 1936 г. скончался».

Е. И. Морозов
Рассказы о котовцах
Рабочий день комкора

«Командир корпуса вставал рано, почти каждый раз опережая сигнал будильника минут на пять, а то и больше. Комкор уже на ногах, стоит в трусах и тапочках перед высоким трюмо, выполняет одно за другим гимнастические упражнения по излюбленной им системе доктора Анохина, а будильник, словно спохватившись, неожиданно срывается на нервический трезвон, будто бы возмущаясь, что хозяин опередил его.

По сигналу будильника в передней комнате скромного особняка, отведенного комкору под жилье в одном из тихих переулков Умани, вскочили с постелей вестовой и коновод комкора и так же, как он, начали утреннюю зарядку с ходьбы на месте, усердно топая ногами, шумно вдыхая и выдыхая воздух.

Закончив комплекс гимнастических упражнений, вестовой и коновод энергично растерлись до пояса мокрыми полотенцами, затем проворно оделись, обулись и затихли, ожидая приказаний комкора. Но комкор не торопится. Стоя то перед трюмо, то перед настежь распахнутым окном, он обстоятельно и сосредоточенно делает одно за другим волевые сокращения мышц, сочетая каждое упражнение с ритмичным, глубоким дыханием. Мышцы его то вздуваются, то расслабляются, а глаза устремлены на озаренное ранним солнцем летнее небо с таким видом, словно готов взлететь ввысь и парить там, как огромная птица, влюбленная в жизнь, в необозримые просторы вселенной.

Завершив упражнения, комкор упругой, бодрой походкой пошел в дальний угол двора и там под струями душевого распылителя долго и энергично массировал своими широкими ладонями мышцы, шумно расплескивая воду.

После водной процедуры комкор быстро оделся, выпил стакан простокваши, затем легко вскочил в седло и неторопливо загарцевал по сонным еще улицам Умани за город, где целый час на разных аллюрах разминал и тренировал своего любимого Орлика.

В восемь утра комкор возвратился, позавтракал, наскоро просмотрел свежие газеты, а в девять уже пришел в штаб, где его ожидали с докладами начальник штаба Гуков, его помощники и начальники служб.

Ответив кивком головы на приветствия своих подчиненных и пригласив всех садиться, комкор неторопливо опустился в кресло,

достал из полевого планшета толстый карандаш и поглядел на начальника штаба:

— Как идут заготовки сена?

Начальник штаба достал из папки и положил на стол испещренную цифрами сводку о заготовках кормов для конского поголовья корпуса.

Молча пробежав глазами сводку, комкор удовлетворенно кивнул головой.

— А как с выпечкой хлеба? — спросил Котовский после небольшой паузы.

Начальник штаба встал, слегка щелкнул шпорами и, положив на стол сводку о хлебопечении, снова сел.

Ознакомившись с цифрами, комкор озабоченно потрогал себя за кончик носа и опять поглядел на начальника штаба:

— Жалобы на качество хлеба поступают?

— Нет, Григорий Иванович, пока не жалуются.

— Хорошо, — раздумчиво промолвил Котовский. — Однако полностью доверяться донесениям нельзя. Надо обязать политаппарат всех звеньев корпуса систематически проверять качество выпекаемого хлеба. Плохо выпеченный хлеб — источник недомогания бойца, причина плохого настроения.

Начальник штаба тем временем положил на стол сводку обеспечения корпуса ковочными материалами.

Внимательно прочитав сводку, Котовский сухо промолвил:

— Мне известно, что в полковых цейхгаузах накопился чудовищный запас подков для лошадей артиллерийских упряжек, а ходовых подков, нужных для ковки строевого коня, по-прежнему не хватает. Почему в сводках об этом умалчивается?

К столу шагнул низкорослый и крутой в плечах начальник снабжения корпуса Верховский.

— Наши приемщики в Харькове, — зачастил начснабкор с хрипотцой в голосе, — вынуждены пасовать перед интендантами округа, которые буквально навязывают артиллерийские подковы. Не возьмешь нагрузку — недополучишь нужных подков, а заодно и ухналей.

Котовский вспыхнул, откинулся на спинку кресла, крепко сжал подлокотники и, оглядев присутствующих, уставился на Верховского.

— И вы терпите такое безобразие? Уму непостижимо! Да я бы на вашем месте лично выехал в округ и поднял бы там такую бучу… — Досадно вздохнув, скосил глаза на начальника штаба. — Сегодня же подготовьте протест за моей подписью на имя начальника снабжения округа. Нельзя мириться с косностью и нецелесообразностью, какими позволяют себе манипулировать

окружные интенданты. В корпусе у нас всего-навсего два артиллерийских дивизиона, — щелкнул костяшкой пальца по сводке, — а подков накоплено на две артиллерийские бригады, если не больше.

И Котовский заерзал в кресле, весьма выразительно пошевелил губами.

Отпустив начснабкора, Котовский занялся вопросами демобилизации красноармейцев и командиров старших возрастов.

В те трудные, горячие дни, когда многонациональная Советская Республика все свои силы отдавала делу ликвидации разрухи и восстановления огромного хозяйства страны, в частях корпуса шла демобилизация. Многие из демобилизуемых были уроженцами Бессарабии, родина которых еще в начале 1918 года оказалась под властью королевской Румынии.

Котовский тяжело переживал сложное положение своих земляков-бессарабцев и упорно добивался перед правительством Украины решения о передаче корпусу крупного имения бывшего помещика в селе Ободовке, неподалеку от Бершади, для создания в нем сельскохозяйственной коммуны котовцев. Идея Котовского разрешить таким образом вопрос о предоставлении демобилизуемым бессарабцам пристанища, работы и средств к существованию пришлась по душе будущим коммунарам.

Они давно были готовы к отъезду в Ободовку и с нетерпением ждали решения в верхах.

Котовский достал из полевого планшета бумагу и передал начальнику штаба.

— Прошу вызвать по этому списку в штаб корпуса ветеранов Гражданской войны — заслуженных бойцов и командиров, уроженцев Бессарабии. У них положение более чем трагическое. У одних семьи остались за Днестром, у других живут на Левобережье. — Подумав немного, продолжал, делая пометки в записной книжке. — Командующий округом вчера сообщил мне, что на днях Совнарком Украины утвердит решение о передаче нам имения графа Сабанского в Ободовке. Таким образом, не за горами день, когда бессарабцы будут наконец устроены. Уверен, что коммуна принесет пользу и коммунарам, и делу популяризации преимущества коллективного труда перед трудом единоличника.

Котовский встал, прошелся из конца в конец кабинета и снова сел.

— Надо предупредить Левицкого и Гажалова, будущих организаторов коммуны, чтобы были наготове. Нелегкое дело поручается им, — продолжал комкор, постукивая пальцем по

крышке стола. — Создать среди моря единоличных крестьянских хозяйств островок невиданного доселе коллективного землепользования, воспитать в каждом коммунаре новое отношение к труду, к коллективу, к бескорыстному и справедливому распределению продуктов его труда — дело совершенно необычное и, конечно же, очень трудное…

Котовский встал, подошел к распахнутому окну и, глядя на безоблачное небо, на голубей, беспокойно вертевшихся на крыше соседнего дома, о чем-то задумался.

Командир корпуса высоко ценил деловые качества и способности Виктора Левицкого и Николая Гажалова в решении хозяйственных задач. Эти бывалые воины и неутомимые помощники Котовского после Гражданской войны, в дни широко развернутого строительства Красной армии, оказали корпусу неоценимую услугу. Это они по заданию комкора взяли на себя основные тяготы по организации корпусного военно-потребительского общества, закупили разноцветное мундирное сукно, в короткий срок обеспечили пошив и одели все части корпуса в красные галифе и светло-серые гимнастерки, пошили отличные красные и синие фуражки с желтыми и белыми околышами, придав таким образом всей кавалерии Котовского нарядный вид, вызвавший всеобщее восхищение рабочих и крестьян Правобережной Украины в дни первых военных маневров Красной армии на территории Украинского военного округа.

И снова они, в способностях которых Котовский не ошибся, обеспечили приобретение строительных материалов, завершили с помощью бойцов и командиров капитальный ремонт крепко обветшалых за годы Гражданской войны казарм и конюшен на Лысой горе, в Бердичеве. Там же, в Бердичеве, они организовали производство железных кроватей, деревянных столов, прикроватных тумбочек, табуреток и других изделий для оборудования красноармейских общежитий, жилищ комсостава, красных уголков, полковых клубов, медицинских пунктов, дивизионного госпиталя…

Выйдя из раздумья, Котовский, продолжая глядеть в окно, убежденно промолвил:

— Жаль, конечно, расставаться с такими энергичными и способными организаторами, как Левицкий и Гажалов. Их бы сейчас перебросить в Тульчин, где ремонт казарм для 9-й Крымской дивизии затягивается. Однако задача создания коммуны в Ободовке — дело более серьезное, чем все то, что ими уже сделано. — Котовский отошел от окна и затеплившимися глазами поглядел на штабистов. — Уверен, если корпус окажет

коммуне реальную помощь, коммунары оправдают возлагаемые на них задачи и надежды. Коммуна будет создана, будет жить и развиваться, и непременно станет притягательной силой для многих хлеборобов-единоличников Правобережной Украины.

Штабисты переглянулись, одобрительно зашептались, понимающе закивали головами.

В эти минуты Котовскому и не думалось, что пройдет всего лишь несколько лет, как успехи Бессарабской коммуны в Ободовке намного превзойдут его мечты и ожидания. Она добьется неслыханных успехов, станет эталоном для организации многих коммун на обширной территории Страны Советов, что молва о ней перешагнет границы континентов и станет доказательством несравненного преимущества советского строя перед строем и образом жизни землепашца любой капиталистической страны.

Котовский снова прошелся по кабинету и остановился перед начальником штаба.

— Сообщите Левицкому и Гажалову о готовящемся решении Совнаркома Украины. Подчеркните, что им надо быть наготове, и пусть в ближайшие дни представят мне свои предложения.

Черкнув в блокноте еще несколько слов, начальник штаба положил на стол одну за другой сводки о ходе в частях корпуса строевой подготовки, о результатах стрельб по дальним мишеням, о выездке лошадей, обучения молодых воинов искусству верховой езды, рубки лозы и преодоления препятствий, а поверх всего положил и прижал рукой сводку о ходе физической подготовки личного состава корпуса.

Подойдя к столу, комкор снова сел в кресло, отодвинул все бумаги в сторону, поручив изучение их начальнику штаба, а сам углубился в сводку о ходе физической подготовки.

— Опять отличается эскадрон связи, — досадно вздохнул Котовский и с укоризной в глазах поглядел на корпусного инспектора физкультуры Кушакова. — Опять комэск связи не сводит концы с концами, чтобы довести занятия в эскадроне по физкультуре до совершенства.

— Трудный он человек, товарищ комкор, — пожал плечами Кушаков и вытянул руки по швам. — Я ему о пользе физкультуры, а он мне о важности гибкой связи штаба корпуса с его частями и подразделениями.

Глядя на Кушакова, Котовский резко сказал:

— Передайте ему, что я запрещаю мешать божий дар с яичницей. И связь и физкультура важны в равной степени, и ни о каком делячестве в этом вопросе не может быть речи.

— Я ему так и толкую, товарищ комкор, — переступил с ноги

на ногу Кушаков, — а он знай свое: «Связь превыше всего» — и прочие несуразности.

Котовский досадно покрутил головой и кивнул начальнику штаба:

— Подготовьте приказ о несерьезном отношении командира эскадрона связи к делу физической подготовки эскадрона. Вмажьте ему что причитается и прикажите немедленно, со всей решительностью наверстать упущенное и поднять на должную высоту физическое воспитание связистов.

Начальник штаба снова внес пометки в свой блокнот.

В это время к крыльцу штаба подъехал на рослом, неспокойном коне военком корпуса Ястребов. Единым духом преодолев несколько ступенек, военком деловито прозвенел шпорами по гулкому коридору и вошел в кабинет комкора.

— Извини меня, Григорий Иванович, — начал Ястребов, протягивая руку комкору. — Побывал сегодня с утра у батарейцев и в артшколе, потом задержался в корпусной школе младшего комсостава. Должен сказать, что во всех подразделениях порядок, повсюду идет учеба, и боевая и политическая. Следует отметить успехи младших командиров в политической учебе: на все вопросы отвечают бойко, правильно, не задумываясь.

Особенно понравились выступления курсантов на плацу, на котором были продемонстрированы гимнастические упражнения всем составом школы младших командиров.

Надо признать, Григорий Иванович, что курсанты во всем преуспевают. Одним словом, молодцы!

— Твои добрые вести кстати, — сказал Котовский, показав рукой на стул. — Садись и слушай, о чем мы здесь толкуем.

И комкор вкратце рассказал Ястребову о неудовлетворительном состоянии физической подготовки в корпусном эскадроне связи, о том, что дал указание подготовить приказ о наложении взыскания на командира эскадрона.

— Правильное решение, — согласился Ястребов. — Только, думается мне, в первой части приказа надо сперва отметить успехи у батарейцев и курсантов, а потом уже недостатки у связистов.

— Разумеется, — пробасил Котовский и снова кивнул начальнику штаба, чтобы отметил у себя в блокноте.

Состояние физической подготовки бойцов и командиров в корпусе давно не удовлетворяло Котовского.

Как страстный спортсмен, испытавший на себе благотворное влияние силовых видов спорта, Котовский считал недостаточным одной физической зарядки, установленной в частях Красной армии. Он давно вынашивал план сочетания физической зарядки

со всеми видами спорта, а также считал обязательным заниматься еще и гимнастикой по системе доктора Анохина, воспитывающей в человеке силовые, волевые и душевные качества.

«Если бы не было гимнастики, давно не было бы Котовского, — не раз говаривал комкор, выступая перед красноармейцами или командирами. — Только гимнастика и только по методу доктора Анохина, именно эта, а не другая, волевая и силовая, не требующая никаких снарядов, спасла мне жизнь на каторжных работах в рудниках Горного Зерентуя. Только эта система упражнений, при изнурительном труде и мизерном питании, дала мне силы вырваться на волю, преодолеть тысячи верст по дикой тайге Сибири, пересечь Урал и тайно пробраться на родину, в далекую Бессарабию».

Влияние Котовского на сознание командиров было огромным. Внушая им важность таких факторов, как доверие своим подчиненным и уважение их личности, он требовал от командиров самодисциплинированности, выдержки, трезвости и умения высоко нести честь, достоинство и звание красного командира. «Хочешь командовать, руководить, воспитывать, — напоминал Котовский, — научись сперва командовать и управлять собой, своими чувствами. Командир-формалист, который придерживается во всем только уставных правил, не может быть другом и наставником своих подчиненных, а тем более, как говорится, «отцом-командиром»…

Настенные часы в кабинете комкора пробили одиннадцать утра. По намеченному распорядку на этот день комкор должен был заняться проверкой состояния боевой подготовки в саперном эскадроне. Однако давно поставленная перед собой задача дать новый толчок делу физического воспитания советского воина, особенно воина-кавалериста, на этот раз была воспринята им более остро, чем прежде, и он решил приступить к выполнению задуманного без промедления.

Сделав запись в блокноте о переносе проверки у саперов на следующий день и отпустив штабистов и начальников служб, Котовский остался в кабинете с Гуковым, Ястребовым и К Ушаковым. Он поглядел на ближайших своих сотрудников глазами заговорщика и неторопливо, словно взвешивая каждое слово, высказал ряд соображений о назревшей необходимости широкого развития физической культуры в частях корпуса, включая все виды силового спорта.

— Оболваненному буржуазной идеологией и забитому муштрой солдату любой капиталистической страны, — говорил Котовский, — мы должны противопоставить воина нового типа, советского воина, особенно конника, закаленного телом и духом,

хорошо знающего, кто его враг и кто друг. Занятия одной лишь физической зарядкой приведут к застою и не дадут желаемых результатов. Физкультура и спорт должны быть тесно связаны и представлять гармоничную, целесообразную и последовательную физическую культуру широкого размаха, осуществляемую волевыми усилиями каждого бойца и командира…

Котовский снова, в который раз уже, встал с кресла, прошелся из конца в конец кабинета, затем остановился перед окном, за которым давно уже шла размеренная жизнь тихой Умани. Откуда-то доносился неторопливый перестук колес таратайки извозчика, где-то в соседнем дворе квохтали куры, и острый запах душистого борща струился в окно, дразня обоняние.

— Мирно, тихо, — констатировал вслух Котовский, разглядывая внутренность двора… — А с каким трудом и лишениями было завоевано это достояние! Наша задача — сохранить мир как можно дольше. Надо не покладая рук работать и работать, чтобы достойно и во всеоружии дать отпор любой неожиданности.

— Ты опять о войне, Григорий Иванович, — сказал Ястребов.

— Нет, — ответил Котовский, — я только о преимуществах мира перед войной, не больше.

И, широко распахнув руки, комкор глубоко втянул в себя большой заряд еще прохладного летнего воздуха, задержал его в недрах своей богатырской груди, затем шумно выдохнул и, подойдя к столу, снова сел в кресло.

— В коннице значение физической культуры и спорта должно быть неизмеримо выше, чем, скажем, в пехоте, — продолжал Котовский. — В данном случае объектом физического воспитания, кроме человека, является конь. Таким образом, чтобы человек и конь в равной степени представляли собою то, что мы называем всадником, надо обоих тренировать неустанно и всесторонне, в самом широком спортивном смысле. Только всадник спортсмен, стрелок, джигит, уверенный в себе и в правоте дела, за которое ему предстоит сражаться, может быть надежным защитником завоеваний нашей революции.

Высказав еще ряд конструктивных и реальных положений в пользу физического воспитания и закалки бойца-кавалериста, Котовский предложил установленную в частях корпуса физподготовку проводить в дальнейшем в сочетании со всеми видами гимнастического и легкоатлетического массового спорта, а также установить усиленную подготовку коня, приближенную к условиям боевой службы в поле, а не на плацу и манеже.

— Спорт — это венец физической культуры, — заключил Котовский. — Спорт — это та основа, от прочности которой будет

зависеть крепость боевой мощи всей Красной армии и особенно ее авангарда — красной кавалерии.

Ястребов, Гуков, Кушаков слушали Котовского с большим вниманием, явно восхищаясь его незаурядной эрудицией в деле физического и спортивного воспитания бойцов и командиров.

Комиссар корпуса вынул портсигар, закурил от карманной зажигалки папиросу и, попыхивая душистым дымком, поглядел на Котовского влюбленными глазами.

— Значит, ты решил в корне изменить в нашем корпусе установленный в Красной армии метод физического воспитания? Одобряю, Григорий Иванович! Твои предложения больше чем целесообразны. Они новы и рациональны. Я целиком разделяю их и голосую обеими руками за развитие физкультуры и спорта в частях корпуса в самом широком масштабе.

— А зачем голосовать? — пожал плечами Котовский. — Возьмем быка за рога и… на обе лопатки. Приказным порядком введем в частях массовые, коллективные, групповые занятия всеми видами спорта; упраздним скаковые конюшни и жокейские скачки; скаковых лошадей в виде поощрения передадим лучшим командирам-наездникам; создадим в полках конноспортивные кружки, усилим занятия по конному спорту и владению холодным оружием; словом, добьемся создания такой конницы, чтобы душа пела, а тело играло, чтобы другие конные корпуса равнялись на нас, а гидра мировой контрреволюции чтобы даже не смела помышлять о войне и захватнических планах…

— Хороший ты пропагандист, Григорий Иванович! — воскликнул Ястребов, когда Котовский умолк. — Слушая тебя, аж дух захватывает!

— На то в здоровом теле и здоровый дух, — отшутился Котовский. — Нельзя же застаиваться на одной физзарядке.

Предложение комкора было обсуждено во всех деталях и единодушно одобрено.

— Теперь дело за приказом, — кивнул Ястребов начальнику штаба. — Каждый из нас сформулирует свои предложения и представит тебе для обобщения. — Поглядев на Котовского, улыбнулся. — Правильно я толкую, Григорий Иванович?

— Безусловно, — кивнул комкор, откидываясь на спинку кресла. — Только на этот раз забота о составлении проекта приказа не отнимет у вас ни усилий, ни времени. Проект приказа выношен мною, продуман и вчерне сформулирован давно, однако любые дополнения к нему будут только полезны.

Так было заложено в этот день начало новой вехи в деле физического и спортивного воспитания в соединениях и частях кавалерийского корпуса Котовского.

Назначив день и время для окончательного оформления приказа, комкор в сопровождении Ястребова, Гукова и Кушакова вышел на крыльцо штаба.

Со ступенек торопливо поднялись два крестьянина в выгоревшей, запыленной одежде. Сняв с головы видавшие виды брыли [Брыль — соломенная шляпа (укр.)], они уважительно поклонились красным командирам и попросили извинения, что отнимают у них время.

— Чем могу быть полезным? — улыбнулся Котовский хлеборобам.

— Нам треба повидать самого Котовского, Григория Ивановича, — зачастил хлебороб с обвислыми, седеющими усами.

— Я Котовский, — приосанился комкор и прищурил глаза на хлеборобов. — Говорите, зачем пожаловали?

Хлеборобы переглянулись и облегченно вздохнули, словно сбросили с плеч непосильную ношу.

— Мы пришли к вам издалека, — засопел седоусый, торопливо доставая из-за пазухи полотняной сорочки вчетверо сложенную бумагу. — Сход нашего села поручил просить у вас продать нам с торгов по сходной цене хотя бы десяток забракованных лошаденок, если можно. Сейчас самая пора косить да копнить сено, — протянул Котовскому «прошение», — а нашим шпакам [Шпак — скворец (укр.). Отсюда местное название коня по цвету оперения птицы] не под силу от зари до зари таскать жнейки по луговинам. Иной раз…

Седоусого хлебороба перебил его напарник — взлохмаченный бородач с сучковатой палкой в жилистых руках:

— Наши шпаки работают только по холодку, а припечет солнце — и стоп машина. Слабосильны наши мышастые коняшки, беда с ними в страдную пору. — И бородач сокрушенно покрутил головой.

— А кто вас надоумил обратиться к нам за помощью? — спросил Котовский седоусого.

— Земля слухом полнится, — расплылся в улыбке хлебороб. — В одном из сел нашей волости еще в марте мужики пригнали небольшой табунок из Тульчина [Тульчин на Винничине — место расположения частей 9-й Крымской кавдивизии корпуса Котовского].

Добрые кони достались тем мужикам, что в пахоте, что в извозе.

Прочитав «прошение» хлеборобов из дальнего села Винничины, Котовский и Ястребов понимающе переглянулись.

— Добро, — сказал Котовский. — Торги будут завтра. Приходите с утра к командиру наших артиллеристов, и он

поможет вам. — Котовский достал из кармана гимнастерки блокнот, черкнул несколько слов, вырвал листок и передал седоусому. — Там, у батарейцев, и переночуете и подкрепитесь.

И, пожав руки «ходокам», Котовский, откозыряв Ястребову, Гукову и Кушакову, зашагал по теневой стороне улицы к своему дому.

Два извечных хлебороба, два ветерана Русско-японской войны и первого мирового побоища, словно завороженные, долго глядели вслед комкору и диву давались, что их сложная и маловероятная миссия закончилась вдруг легко и просто.

— Большой души человек, — сказал седоусый, когда комкор завернул за угол дальнего дома.

— На то он и Котовский, — заключил бородач. — Недаром про него добрые песни сложены.

Переступив порог калитки, Котовский остановился.

У крыльца дома, на длинной скамейке, сидел в парадной форме взводный Василаки — давний соратник Котовского. Завидев комкора, Василаки порывисто встал, шагнул ему навстречу, и они дружески обнялись.

— Здравствуй, кунак, здравствуй, приетен, давненько мы с тобой не виделись, — молвил Котовский, отпуская из объятий земляка-бессарабца. — Зачем пожаловал, рассказывай?

— Приехал к вам с разрешения командира полка, а зачем — сами понимаете, Григорий Иванович, — смущенно ответил Василаки, теребя в пальцах кожаный темляк на эфесе сабли.

Котовский сел на скамью, жестом руки пригласил сесть Василаки.

— Как здоровье, настроение? — вопрошал Котовский, разглядывая Василаки. — Что там у вас, в Бердичеве, какие новости?

Василаки опустил голову, глубоко вздохнул:

— Болит душа у бессарабцев, Григорий Иванович. Соберутся наши молдаване и хотинцы после вечерней поверки на бережку бердичевской Гнилопятки, поговорят, повздыхают, глядя на другой берег, словно за Днестр, померещутся каждому свои близкие и родные, и опять все разойдутся по казармам. — Поразмыслив, поглядел на Котовского вопрошающе. — А что слышно, Григорий Иванович, насчет разрешения организовать нашу коммуну в Ободовке? Засохло это дело, что ли?

Котовский по-отечески положил свою широкую ладонь на плечо Василаки.

— А ты легок на помине, приетен, приехал в самую пору. Решение правительства о передаче нам имения в Ободовке будет на днях подписано. Спасибо товарищу Фрунзе. Это его заботами

продвинут вопрос о создании на угодьях графа Сабанского нашей бессарабской коммуны.

Морщинки на лице Василаки разгладились, глаза оживились.

— Спасибо товарищу Фрунзе. Значит, болеет человек душой за судьбу бессарабцев.

— Все болеют, друг мой, — задумчиво сказал Котовский. — И партия, и правительство, и все честные люди нашей страны болеют за судьбу красных бойцов, утративших родину. А вопрос о коммуне решен окончательно, теперь дело за нами.

И Котовский обстоятельно рассказал Василаки о том, как будет проведена демобилизация бессарабцев и организован их отъезд в Ободовку.

— Дадим вам по долгосрочному кредиту, — продолжал Котовский, загибая пальцы, — и деньги, и тягло, выделим повозки и упряжь, обеспечим на дорогу фуражом, продуктами, словом, в обиду не дадим, поможем всем, что будет в наших силах, только бы дать вам возможность на первых порах надежно осесть на земле и по-настоящему взяться за новое, большое и важное дело…

Василаки слушал, удовлетворенно покачивая головой, и внимательно разглядывал такие знакомые и дорогие ему черты мужественного лица прославленного земляка и военачальника, на которого всю Гражданскую войну котовцы-бессарабцы уповали как на человека, кто мог и страстно желал освободить их родину от засилья оголтелой военщины и жадных, мстительных бояр королевской Румынии.

— Неужто навсегда зажился на нашей земле румынский боярин? — сказал Василаки глухим голосом и, подняв потемневшие глаза на небо, глубоко вздохнул. — Неужто не изгоним всю эту нечисть с земли нашей дорогой Бессарабии?

Котовский тоже вздохнул, задумался, потом снова положил руку на плечо Василаки и убежденно промолвил:

— Черная неправда так же, как и подколодная гадина, живет недолго. Пройдет немного времени, и наша правда восторжествует. В ближайшие годы наш народ, наша Красная армия наберут силы, встанут грозной стеной на берегах Днестра, и королевская Румыния образумится и уберется с нашей земли…

Котовский поглядел на наручные часы, решительно поднялся со скамьи и пригласил Василаки в дом, где Ольга Петровна, жена Котовского, накрывала стол белоснежной хрустящей скатертью, постукивала тарелками и столовыми приборами.

— Пойдем, земляк, отдадим дань гостеприимству Ольги Петровны. А о бессарабских делах, о делах нашей будущей коммуны обстоятельно поговорим вечером.

Василаки поблагодарил за приглашение и вслед за Котовским благоговейно переступил порог дома радушного хозяина.

После обеда Котовский, как правило, воздерживался от отдыха. На этот раз он совершил с Василаки прогулку по аллеям и площадкам знаменитого в Умани парка «Софиевка», заложенного еще в конце XVIII века художниками и садовниками надменного польского магната Потоцкого, без ума влюбленного в свою жену, красавицу Софию. Словно заправский гид, Котовский водил Василаки по парку, показывая ему все его достопримечательности. Вместе они побывали в искусственных и таинственных гротах, походили возле удивительных фонтанов, несколько раз обошли вокруг художественно оформленных, расточающих благоухание цветочных клумб, наконец посидели на сверкающей белизной садовой скамейке, поговорили еще о том о сем, а когда Василаки докурил папиросу, то встали и покинули парк.

— Роскошно жилось польским панам на земле Украины, — качнул головой Василаки при выходе из парка.

— Жили, пока наши деды да прадеды прозябали, — согласился Котовский. — Теперь пришел наш черед жить по-человечески, свободно, равноправно…

К воротам парка подходили в четком строю пионеры. Впереди отряда отбивали гулкую дробь два барабанщика. Завидев Котовского, стриженная «под мальчика» юная смуглянка, возглавлявшая отряд, голосисто подала команду:

— Почетному шефу пионеров, красному полководцу Котовскому Григорию Ивановичу — пионерский салют!

Барабаны забили громче, зазвучала труба горниста, пионеры, печатая шаг, вскинули над головами полусогнутые руки, дружно и молодо прокричали:

— Салют! Салют!

Котовский взволнованно глядел на маршировавших юнцов, и едва уловимая улыбка блуждала на его плотно сжатых, волевых губах.

Василаки стоял рядом с Котовским, держа руку у козырька фуражки, и с трудом сдерживал охватившее его волнение. Глядя на задорные лица пионеров, на их пламенные галстуки, он мысленно представил себе, в каких условиях живет и растет его сынишка, оставленный в Бессарабии вместе с женой и престарелой матерью в дни поражения Хотинского восстания.

— Молодцы пионеры, — гордо сказал Котовский, когда отряд скрылся в глубине парка. — Это наша смена, Василаки, которую мы обязаны растить, пестовать и воспитывать в военно-патриотическом духе. Это им, юным и задиристым, предстоит

принять из наших рук боевые знамена революции и довести до конца дело строительства социализма.

Василаки молча кивал головой, думая о чем-то своем…

Проводив Котовского до крыльца штаба корпуса, в этот предвечерний час Василаки долго еще бродил один по улицам Умани, а Котовский работал в штабе, решая со своими помощниками административные и хозяйственные вопросы, связанные с большой жизнью вверенного ему партией и народом крупного кавалерийского соединения.

Остаток дня Котовский провел с Василаки в своем тесном семейном кругу за вечерним чаем.

— Почему бы тебе не остаться в кадрах, друг мой? — уговаривал Котовский Василаки, прихлебывая чай из блюдечка. — Ты кавалер ордена Красного Знамени, рослый, статный, немного подучишься и, гляди, примешь эскадрон, а то и дивизион.

— Нет, Григорий Иванович, — уклончиво отвечал Василаки. — Лучше будет, если я уеду в Ободовку, поближе к Днестру. В коммуне я больше принесу пользы. Я люблю пахать землю, растить хлеб, Григорий Иванович, — вздохнул мечтательно Василаки. — Мой покойный отец, когда я был еще подростком, основательно обучил меня сельскохозяйственной премудрости. А случись что, — стиснул в руке эфес сабли, — так я первый возьмусь за оружие…

Котовский не стал убеждать Василаки, понимая его тоску и по семье, неведомо где мыкающей горе по ту сторону Днестра, и по земле-кормилице, по которой истосковались его большие и сильные руки.

— Ну что же, — примирительно коснулся Котовский плеча Василаки. — Коммуна сегодня тоже фронт, и такие люди, как ты, тоже нужны этому фронту…

А часом позже, когда гость уснул в столовой на жестком диване, Котовский уединился в своем домашнем кабинете. При свете настольной лампы, затененной зеленым абажуром, он снова, как и вчера, вносил новые пометки в свой настольный блокнот.

Перечень задач, которые ставил перед собой комкор в этот вечер, был обширен и многообразен. Перелистывая листок за листком, он крупным, размашистом почерком сильного человека записывал: «Проверить время сбора 3-й Бессарабской и 9-й Крымской дивизий по боевой тревоге; максимально повысить состояние боевой и политической подготовки в дивизиях; обязать политработников всех звеньев корпуса повысить политико-моральное воспитание личного состава (отметить случаи

пьянства, сквернословия, потери бдительности часовыми на посту, пререканий между красноармейцами и младшими командирами); убедить в личной беседе заслуженных командиров-ветеранов остаться в кадрах для обучения и дальнейшего прохождения службы в корпусе; организовать в Бердичеве проводы демобилизуемых бессарабцев-котовцев в Ободовку; проверить, как идут строительство, ремонт и оборудование казарм и конюшен в Тульчине». [В те дни нижние этажи казарм города Тульчина были заняты под конюшни, а на вторых находились общежития красноармейцев, оборудованные деревянными нарами].

Выполнению каждой задачи комкор ставил определенный или предположительный срок исполнения. Задумываясь над сущностью той или иной задачи, он мысленно формулировал ее, глядя на абажур настольной лампы, затем склонялся над блокнотом и записывал.

Покончив с записью стоящих перед ним задач, комкор встал, напружинил мышцы рук, ног, снова сел и внимательно стал перечитывать и делать поправки в проекте приказа о перестройке физической подготовки бойца и коня в частях корпуса.

Только поздним вечером, когда настенные часы мелодично отсчитали одиннадцать ударов, Котовский, верный личному распорядку дня, собрал и запер в ящик стола бумаги, завел будильник, погасил свет и здесь же, в кабинете, отдался на своем спартанском ложе крепкому, здоровому сну.

Так прошел еще один рабочий день комкора — легендарного полководца, предводителя и организатора грозной конницы Красной армии. Сильный, энергичный, волевой, преисполненный творческих замыслов и жажды кипучей деятельности, он отдыхал под воздействием волевого самовнушения, что сон является всего лишь зарядкой для продолжения труда, без которого жизнь считал пустой и бессмысленной.

Над зубчатой вершиной дальнего леса всходила луна. Теплое небо обволакивало засыпавшую Умань тишиной и покоем. Только за полуоткрытыми окнами квартиры, в глубине двора, в бревенчатой конюшне, бодрствовал в одиночестве, изредка вздыхая и всхрапывая, добродушный рыжий Орлик, боевой конь Котовского».

Протокол вскрытия М. В. Фрунзе

Анатомический диагноз. Зажившая круглая язва двенадцатиперстной кишки с резко выраженным рубцовым уплотнением серозного покрова соответственно расположению упомянутой язвы. Поверхностные изъязвления различной давности выхода желудка и верхней части двенадцатиперстной кишки. Фиброзно-пластический перитонит в области выхода желудка, области печеночно-двенадцатиперстной связки, области слепой кишки и области рубца старой операционной раны правой подвздошной области. Острое гнойное воспаление брюшины. Паренхиматозное перерождение мышцы сердца, печени, почек. Ненормально большая сохранившаяся зобная железа. Недоразвитие (гипоплазия) аорты и крупных артериальных стволов. Рубец стенки живота в правой подвздошной области и отсутствие червеобразного отростка после бывшей операции (1916 г.).

Заключение. Заболевание, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции — удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвитие аорты и артерий, а также сохранившаяся зобная железа является основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцовых разрастаний.

Вскрытие производил профессор А. И. Абрикосов.

Подписали: Замнаркома здравоохранения З. П. Соловьев. Зав. Мосздравотделом В. А. Обух. Главный врач С. С. Молоденков. Профессора: А. И. Абрикосов, И. И. Греков, А. В. Мартынов,

В. Н. Розанов, П. Н. Обросов, Д. Д. Плетнев. Доктора Б. Я. Шимшелнович, А. Д. Очкин, П. Т. Приданников.

Кто убил Робин Гуда революции?

Сын Григория Котовского выдвигает версию гибели своего отца.

Александр Беляев, Денис Денисенко

Григорий Котовский — один из легендарных командиров Гражданской войны, чье имя и гибель окутаны до сих пор тайной. В ушедшем году исполнилось 75 лет со дня гибели этого романтика революции. Наш разговор — с сыном замечательного командарма Григорием Григорьевичем Котовским, ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН, крупнейшим индологом России.

— ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, как так получилось, что сын героя Гражданской войны стал индологом, вместо того чтобы пойти по кавалерийским стопам отца?

— Как ни странно, меня с детства, которое прошло в Киеве, никогда не влекло к профессии военного. Может быть, это определялось тем, что меня и мою младшую сестру, которая родилась в день похорон отца, воспитывали мама и ее сестра тетя Лиза. А может быть, это было заложено в моей внутренней организации, в самом генотипе. С раннего детства, которое прошло в Киеве, экскурсии в Киево-Печерскую лавру, Софийский собор, музеи изобразительного искусства оформили мою еще полуосознанную тягу к историческим предметам. Окончив школу, я поступил на истфак МГУ. Но началась война, и на второй курс я пришел только после ее окончания. В это время открылось в МГУ отделение Востока. Все языковые группы были уже сформированы, и меня могли принять только в индийскую группу с изучением санскрита. Так я попал в индологию — чисто случайно. Правда, разочароваться мне в своем выборе не пришлось. В значительной степени это объяснялось тем, что моим научным руководителем на старших курсах был выдающийся востоковед, основатель советской индологии Игорь Михайлович Рейснер, происходивший, кстати, из замечательной семьи (его отец, профессор Михаил Андреевич Рейснер, был автором первой Конституции РСФСР). Большое влияние оказали на меня еще два видных ученых-педагога, у которых я занимался: историк-медиевист Моисей Менделеевич Смирин, научивший меня работать с источниками средневекового периода, и крупный специалист по истории России Константин Васильевич Базилевич. Я не жалею, что выбрал индологию. Индия — это субконтинент, целый мир, изумительная страна, величайшая цивилизация,

интереснейший объект обществоведческих исследований… Не случайно в современной американской социологии и экономике специализация по Индии занимает одно из ведущих мест. Первая моя работа была опубликована в 1952 году, затем вышло более 300 работ, посвященных самым разным аспектам исследований как Индии, так и вообще Востока.

— Извините за дилетантский вопрос: что представляет собой дисциплина «востоковедение»?

— В общем-то, такой науки нет. Востоковедение — комплекс общественных наук, изучающих страны Востока, в котором соединились история, экономика, социология, философия, филология, культурология… Что касается меня, то мои работы по истории Индии охватывают во временном отношении период от XVII века до нашего времени и посвящены в первую очередь социально-экономической истории и национально-экономическому движению. Но большая часть работ — это исследования аграрного строя и социально-классовой организации индийского общества в XX столетии. Есть также работы по проблемам культуры, историографии, библиографии… К сожалению, в отличие от многих своих товарищей, посвятивших себя только научной работе, у меня очень много времени и сил ушло на научно-организационную деятельность, а также работу по линии различных научных международных организаций (например, с 1964 по 1986 год я представлял СССР в исполкоме Международной ассоциации историков-экономистов). Это отнимало много времени, хотя оказалось и полезным: во-первых, я познакомился с большим числом крупных экономистов-историков Западной Европы, США и Японии; во-вторых, у меня завязалась личная дружба с двумя крупнейшими величинами европейской науки — крупнейшим французским историком Фернаном Броделем и центральной фигурой кембриджской исторической школы Майклом (а фактически — Михаилом Михайловичем!) Постаном, издавшим знаменитую кембриджскую «Экономическую историю Европы».

— Говорят, Майкл Постан — человек удивительной судьбы…

— Мы познакомились с ним весьма примечательно: в 1964 году я выступал с докладом на Четвертом Международном конгрессе экономической истории, проходившем в университете штата Индиана, расположенном в маленьком университетском городке Блумингтоне. После выступления началось обсуждение, которое вел выдающийся американский экономист Саймон Кузнец, с которым я познакомился в 1956 году. Один из выступивших — пожилой краснощекий лысый человек с внешностью классического Панча из английских юмористических

журналов — сел на свое место впереди меня, обернулся ко мне и на великолепном русском спросил: «А вы не сын знаменитого бессарабского разбойника Котовского?» Я ответил: «Да, сын!» Он сказал: «Видите, как тесен мир! Мой отец в то время был адвокатом в Кишиневе и, когда вашего отца первый раз арестовали, возглавил общественный комитет его защиты…» Так мы познакомились с Постаном, который в 1970 году благодаря усилиям академика В. А. Виноградова и моим первый раз посетил родину. Вообще-то, он должен был приехать в Россию еще в 1943 году, когда являлся одним из советников Черчилля. Но уже по дороге в Москву наш МИД учел его «белогвардейское происхождение» и отказал ему в визе. В 1970 году, когда Майкл Постан приехал в Ленинград, на Пятый Международный конгресс экономической истории, мы даже планировали устроить ему поездку на родину — в Кишинев. Его отец был крупным кишиневским адвокатом. В результате его романа с секретарем-машинисткой в генеральном консульстве Великобритании в Одессе родился Майкл Постан, который по английским законам стал считаться подданным Великобритании. В 1918 году его отец и мать прибыли в Англию.

Кстати, неординарное рождение его вызвало много лет спустя головную боль у бюрократии Кембриджского университета: по английским законам, преподаватель университета, достигший 65 лет, должен уходить в отставку. И лишь с помощью сложных расчетов чиновники вычислили дату рождения Постана. Но и пребывая на пенсии, он оказывал большое влияние на научную жизнь Англии. Для меня очень ценны его суждения о советской исторической школе. Так, в начале 90-х, когда после Третьей буржуазной революции в России (так я ее называю) среди группы наших обществоведов начался крестовый поход против марксизма как научного инструментария, я в дискуссиях с ними приводил слова Постана, ярого антикоммуниста и классического представителя английской исторической школы. «Сила вас, марксистов, — говорил он, — заключается в том, что у вас системный подход к исследованию общества на том или ином этапе исторического развития…» Ну а просмотрев подаренную им книгу, я увидел, что на Западе можно быть ярым антикоммунистом, но в области методологии — столь же ярым марксистом! Политическая ориентация и научная концепция исторического развития могут быть и не связаны между собой.

— Григорий Григорьевич, в годы Третьей буржуазной революции развернулась кампания ниспровергательства, которая затронула и вашего отца. С чем вы связываете это явление?

— Тенденция эта возникла поначалу в Молдавии в 1989–1990

годах. Дело в том, что для молдавских правых радикалов-националистов Котовский был не только символом Октябрьской революции, но и, что не менее важно, — неразрывности судеб Молдавии и России в XX столетии. Выпады против отца появлялись и на страницах некоторых московских изданий. Это, конечно, было связано с тем, что Котовский являлся одной из самых популярных фигур в советской истории, а генеральной задачей новой идеологии была полная дискредитация советского общества. Я сам критически оцениваю советский опыт, но решительно против антинаучного очернительства. Ясней ясного, что «развенчивание» Котовского было продиктовано чисто социально-политическими целями. Лучшим ответом клеветникам стали новые исследования о жизни и деятельности отца. И в постсоветский период к нему не ослабел интерес как к необыкновенной личности. Характерно, что Александр Солженицын написал рассказ, посвященный одной из выдающихся военных операций отца. Очень хорошо, что издательство «Молодая гвардия» выпустило несколько лет назад вышедшую на Западе в 30-х годах книгу очерков о советских военачальниках Романа Гуля, белоэмигранта, убежденного противника советской власти. В своем превосходном очерке о Котовском, написанном еще в начале 30-х, он просто восхищается им. Из новых работ о Котовском я бы назвал в первую очередь обстоятельный очерк о Котовском Н. Зеньковича и недавно вышедшую капитальную биографию Котовского, написанную С. Буриным. Конечно, и в этих, и в других работах об отце, вышедших в последние 10–15 лет, есть и неточности, и спорные оценки. Но важно то, что названные выше авторы воссоздали в общем правдивую историю жизни отца, дали объективную оценку ему как исторической личности.

— Но ведь дореволюционный период жизни Котовского, когда он грабил богатых и прослыл русским Робин Гудом, в самом деле можно свести к уголовному знаменателю.

— Теоретически легче всего все свести к простой уголовщине: мол, поначалу был простым уголовником, а потом приспособился к советской власти. Правда, на пути разработчиков этой версии есть определенные трудности. Даже в оценках царской администрации встречаются признания, что Котовский вступил на путь грабежа и сколотил свою дружину отнюдь не ради простого обогащения. Накоплено достаточно много документальных фактов, доказывающих, что основной его задачей была раздача награбленного бедным. В этом смысле отец, конечно, очень неординарный человек. Общая беда исследователей — и тех, кто писал об отце в целом

положительно, и тех, кто пытается его дискредитировать, — в том, что им непонятна мотивация социальной справедливости, Это настолько для них чуждо, нередко вообще не учитывается. А ведь моя покойная мама рассказывала, что отец в разговоре с ней однажды обмолвился: «Моим героем с юности был Дубровский».

— Кажется, с Дубровским вашего отца роднило и дворянское происхождение?

— По линии своего отца Григорий Котовский происходил из старинного польского аристократического рода, владевшего имением в Каменец-Подольской губернии. Его дед за связи с участниками польского национального движения был досрочно уволен в отставку. Позднее он разорился, и мой дед, инженер-механик по образованию, вынужден был переехать в Бессарабию и перейти в мещанское сословие.

— И все-таки, согласитесь, разбойничья деятельность Котовского (как, впрочем, и Сталина, и Камо) подпадает под уголовную категорию.

— Никогда не соглашусь. Предположим, отец и в самом деле был просто уголовником. Но как тогда объяснить такой факт: после того как он бежал с каторги из Сибири в Россию, он устроился управляющим крупного имения по подложным документам. Казалось бы, получил хорошее место с хорошим жалованьем. Блестяще справлялся со своими обязанностями. Что еще нужно? Но отец вновь начинает грабить богатых. Почему? Что, он уголовник по своему психофизическому состоянию? Конечно, рядом с ним были настоящие одесские бандюги, которые после грабежа получали свою часть (попробовал бы отец с ними не поделиться!). Но свою часть награбленного раздавал окрестным жителям и часть средств переправлял в Бессарабию. Значит, он действительно грабил по идейным соображениям и был своего рода Робин Гудом XX столетия. Это была «экспроприация экспроприаторов». Помнится, в 1940 году, когда состоялось воссоединение Бессарабии с Россией, органы НКВД устроили нам с мамой и сестрой поездку в Бессарабию, сперва в Кишинев, а потом в местечко Ганченггы, где родился и провел детство отец. Мы приехали как раз на торжества открытия первого в Молдавии памятника отцу работы скульптора Б. Н. Иванова. Этот памятник был просто отлит из бетона. Отец был изображен сидящим, опирающимся на шашку. Все знали, что приедет семья Котовских. В старом «ЗИСе» мы подъехали к центральной площади Ганчешты. Сейчас это уже процветающий городок, а в то время типичное захолустное румынское село. Ко мне подошли несколько местных стариков, стали целовать мне руки, говорили: «Мне ваш отец лошадь дал, забрал у богатых… а

мне корову…» и т. д. Эти старики были живыми свидетелями деятельности отца в 1915–1916 годах. Но главное не это, а жизнь отца после Революции. Если бы Котовский действительно был человеком с уголовными наклонностями, то и после Революции он продолжал бы грабить для собственного обогащения. Но Котовский был уникумом, человеком, у которого вообще не было личной собственности.

— Судя по книгам и статьям о вашем отце, он был кумиром женщин.

— После оглашения решения суда, приговорившего его к повешению, в ожидании казни (а Одесский военно-окружной суд находился в подчинении командующего Юго-Западным фронтом прославленного генерала А. А. Брусилова) он написал трогательное письмо супруге генерала Брусилова, к которому приложил автобиографию, где рассказывал о тяжелой жизни и единственной цели в ней — борьбе за справедливость. И Брусилова сперва упросила одесского губернатора и генерал-губернатора отложить казнь Котовского, а затем убедила мужа воспользоваться своим правом командующего и заменить смертную казнь Котовскому на бессрочную каторгу…

— А как ваш отец познакомился с вашей мамой?

— С мамой они познакомились осенью 1918 года. Это была романтическая история, которая в значительной степени искажена в книгах об отце. Поэтому рассказываю ее со слов мамы, так сказать, из первоисточника. Ольга Петровна тоже была незаурядным человеком. Она происходит из волжских крестьян: ее отец в Сызрани был прасолом — покупал, нагуливал и перепродавал овец. Их родственники владели местным кожевенным заводом. Родители у моей матери умерли рано. Начальница местной гимназии взяла мою мать в учебу и казенный кошт. Вместе со своей сестрой Елизаветой они купили в рассрочку швейную зингеровскую машину, которая, кстати, дожила до наших дней, тетка что-то шила, мама вышивала. На это жили. После окончания гимназии мама устроилась корректором в местную — социал-демократическую — газету. Здесь работала сестра Ленина — Анна Ильинична Ульянова, а издавал газету ее супруг Марк Елизаров. Марк Тимофеевич за мамой ухаживал, и Анна Ильинична ревновала ее. Мама была бесприданницей, и ей надо было устраивать жизнь. В 18 лет ее познакомили с земским врачом по фамилии Шакин из города Кузнецка, что недалеко от Сызрани. Он ею увлекся, хотя был старше ее чуть ли не на 30 лет, и они очень хорошо прожили два года. Детей не было. Шакин заболел раком. Зная об этом и будучи благородным человеком, он повез мать сначала в

Петербург, чтобы она поступила на медицинский факультет университета к Бехтереву. Но там что-то не вышло, и они поехали в Москву. В 1914 году мама поступает на медицинский факультет Московского университета. Вскоре Шакин умирает, мать с теткой продают дом в Кузнецке и кладут деньги в банк, который в 1917 году лопнул. Тетя Лиза работала в то время кастеляншей в Сызранской больнице, где после 1917 года главврачом стал брат Ленина Дмитрий Ульянов. Тетка о нем говорила плохо. Ленина она боготворила, а вот его брата считала человеком весьма посредственным, да и изрядно выпивавшим. Мама продолжала учебу в Москве и после революции поступила работать в отдел металлов ВСНХ техническим работником. Мама рассказывала, что в то время Москва спасалась от голода семечками: вся столица утопала в семечках, которые были важным источником калорий. Мама вступила в партию в 1918 году. Она была любимой ученицей великого русского хирурга Н. Н. Бурденко, и, когда заканчивала учебу, он хотел оставить ее в своей ординатуре. Но как член партии, она добровольцем поехала на Южный фронт. В поезде она встретилась с отцом, который догонял бригаду после перенесенного тифа. В это страшное время, конечно, каждая женщина хотела прислониться к плечу мужчины. Мама впоследствии рассказывала со слов отца, почему она ему понравилась: он увидел в ней облик своей матери, которую потерял, когда ему было три года. Начался роман. Котовский предложил поехать к нему в бригаду. Врачей у него не было, и он назначил ее сразу бригадным врачом. Это было в конце 1918 г. Когда они поженились, бойцы преподнесли им в подарок кровать. Эта кровать (сохранившаяся до ВОВ в нашей квартире в Киеве) и была всем их семейным имуществом. После Гражданской войны Котовский, вместе со своим штабом второго кавалерийского корпуса, которым он командовал, был дислоцирован в украинском городе Умань, где его с женой поселили в доме бывшего военного коменданта города, в котором продолжали проживать вдова коменданта и ее племянница. Их хотели выселить, но Котовский запретил это делать. Я хорошо помню, как двухлетним малышом бегал к этой генеральше, которая из-за болезни всегда лежала на кровати, помню и племянницу. Вот так мы и жили в Умани до середины злосчастного 1925 года. Каждое утро Котовский пешком ходил в штаб, хотя были и машина, и штабные экипажи. Помнится, однажды разразился скандал — у него не оказалось сапог. Свои накануне он отдал какому-то беженцу из Бессарабии. (В 1981 году — в юбилейный год столетия со дня рождения отца — я написал в своей статье о Котовском, напечатанной в «Известиях» об этом

случае. Но редакция этот эпизод вычеркнула — уж больно он контрастировал с жизнью нашей партийной элиты восьмидесятых.) Мама в это время уже не работала врачом, вела хозяйство вместе с теткой, таскали продукты с рынка, весь день стояли у плиты, потому что за стол менее 20 человек не садилось: адъютант, ординарцы, конюхи, беженцы из Бессарабии и т. д. Однажды мама заикнулась: нельзя ли взять для поездки на рынок экипаж? Отец очень рассердился: «Не дай Бог, потом скажут, что мадам Котовская ездит на экипаже». Разве эта маленькая деталь не говорит о его облике?! Более того, когда отца убили и мы переехали в Киев, у нас ничего из имущества не было, и командир корпуса Николай Николаевич Криворучко купил нам кое-какую мебелишку. Все ли военачальники так жили? Отнюдь нет.

— Ходят слухи о противостоянии Котовского и Якира. С чем это было связано?

— Об этом очень мало написано. Отношения Котовского с Якиром были очень сложными. Оба они были из Бессарабии. Якир происходил из богатой еврейской семьи, которая держала аптеку. Жена Якира Сара Лазаревна была дочерью богатого торговца-оптовика, который владел магазинами готового платья в Одессе и Киеве. Продвижение Якира в годы Гражданской войны проходило с подачи Троцкого, с которым он был в родстве. Конечно, Якир — способный и по-своему талантливый человек, но это родство сыграло очень важную роль. У меня после пожара на даче, к сожалению, пропали документы, переданные мне старыми котовцами, о том, что даже свой первый орден Красного Знамени Якир получил незаконно. (Я, правда, эту инициативу котовцев не поддержал.) Во время Гражданской войны произошло несколько столкновений отца с Якиром. Так, в 1919 году на крупной станции, кажется, Жмеринке, взбунтовался отряд из бывших галичан. Якир, оказавшийся в это время на станции, сел в штабной вагон и укатил. Тогда Котовский применил следующую тактику: его бригада начала быстрым аллюром мотаться по всем улочкам местечка, создавая впечатление огромного количества кавалерии. Небольшими силами он подавил это восстание, после чего на паровозе догнал Якира. Отец был страшно вспыльчивым, взрывной натуры человек (по рассказам мамы, когда домой приходили командиры, они прежде всего спрашивали: «Как затылок у командира — красный или нет?»; если красный, то лучше было не подходить). Так вот, отец вскочил в вагон к Якиру, который сидел за письменным столом, и крикнул: «Трус! Зарублю!» И Якир спрятался под стол… Конечно, таких вещей не прощают. Был и такой случай. В 1920 году во время войны с

Польшей, с белополяками, во время их успешного наступления на Киев был взят город Белая Церковь, где была главная резиденция графов Браницких, крупнейших землевладельцев среди поляков в дореволюционной России. Вслед за войсками в Белую Церковь вернулись и Браницкие. Во время контрнаступления Красной армии бригаде Котовского было поручено взятие Белой Церкви. Блестяще проведя эту операцию, Котовский с бригадой пошел дальше, а в Белую Церковь подошел обоз бригады, в составе которой был перевязочный отряд мамы. Как она вспоминала, Браницкие так поспешно покинули свой дворец, что в дворцовой столовой на столе оставались чашки с горячим кофе. Мама велела своим медицинским сестрам и санитарам пройти в гардеробную и разыскать постельное белье, чтобы нарезать из него своего рода перевязочный материал типа бинтов. Когда она вошла в графскую спальню, то обратила внимание на стоявший в комнате большой кожаный чемодан. Раскрыв его, мама увидела в нем кружева и перламутровую ложку в золотой оправе. Вдруг позади нее раздался крик: «Не трогайте, это мое!» Мама обернулась и увидела жену Якира. «Пожалуйста, — сказала Ольга Петровна, — мне ничего не надо. Мне нужны только бинты». (Несколько позже ей рассказали, что при Якирше, как называли ее красноармейцы, находились двое агентов из фирмы ее отца, которые чемоданы с «трофеями» отвозили в Одессу.) Через несколько дней разразился скандал: ЧК обнаружила, что было похищено столовое серебро Браницких. Сара Лазаревна указала на Котовскую, которая первая со своими санитарами побывала во дворце. Конечно, сразу стало очевидно, что это не так. Прошли годы. В 1924 году отец с матерью возвращались из Москвы в Умань через Харьков, где тогда жил Якир, находившийся в должности командующего украинским военным округом. Котовские были приглашены Якиром на званый обед, во время которого мама обратила внимание на столовое серебро с вензелем «Б». «Так вот где серебро Браницких», — громко воскликнула она, всегда очень острая на язык. Воцарилось неловкое молчание, а Якир побагровел, как рак.

— Вы полагаете, что и эти эпизоды сыграли свою роль в смерти вашего отца?

— Подобно этим было довольно много других эпизодов. Но если я отвечу на ваш вопрос положительно, то это будет означать, что я считаю Якира одним из организаторов убийства Котовского. Однако у меня нет никаких доказательств. Важно другое: что происходило в следующее пятилетие после убийства отца. Вначале все материалы затребовал к себе Фрунзе. Затем, через три месяца, М. В. Фрунзе погибает, и дело Котовского

возвращается в Одессу. По моему глубокому убеждению, одним из основных мотивов убийства отца оказалась его дружба с М. В. Фрунзе. Отец сблизился с ним в 1922 г. Исследователи жизни и деятельности отца связывают эту дружбу с их этнической принадлежностью — оба были полумолдаване. Но не это главное. В их жизненном пути было много общего: и происхождение, и образованность, и знание иностранных языков (кроме русского и молдавского отец немного говорил по-французски, по-немецки и по-еврейски), и тяжелые годы каторги и ссылки. Смелые побеги, а главное — сходная мотивация вступления на путь борьбы с царизмом. Оба стали военными профессионалами в горниле Гражданской войны. Постепенно Котовский становится правой рукой Фрунзе в армии. Как рассказывала мама, в 1925 году Фрунзе принял решение назначить отца своим заместителем (наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета). После отдыха в июле — августе в Чабанке, около Одессы, отец по возвращении в Умань должен был передать командование корпусом Н. Н. Криворучко и выехать в Москву. Но был убит в ночь накануне отъезда из Чабанки. Напомню, что именно в эти 1924–1925 годы шла острая борьба за власть между группировками Сталина и Троцкого. После снятия последнего с поста наркомвоенмора его позиции постепенно ослабели, но влияние и в армии, и в других властных структурах все еще было велико. Выдвижение Фрунзе внесло новый момент в эту борьбу. Смерть Котовского в один год с М. В. Фрунзе вызвала вздох облегчения не одного политика в Москве и в Харькове, тогдашней столице Украины. Дело в том, что Котовский всегда был «трудно управляемым», постоянно демонстрирующим независимость в мыслях и поступках. Сохранилась его любопытная докладная записка Фрунзе, в которой он излагал план воссоединения Бессарабии с Россией еще в 1924 г. Он предлагал, что с одной из своих дивизий переправится через Днестр в Бессарабию, в течение нескольких дней разгромит румынские войска при поддержке большинства населения, которое восстанет при известии о появлении Котовского. Советское правительство при этом объявит Котовского вне закона, а он создаст в Бессарабии новую власть, которая выскажется за ее воссоединение с Россией. Этот вполне реалистический план был отвергнут Фрунзе из-за опасности серьезных международных осложнений. В 1923 году Котовский выиграл крупнейшие после окончания Гражданской войны военные маневры, после чего на совещании в Москве высшего комсостава выступил с предложением преобразовать ядро кавалерии в автобронетанковые подразделения. Однако этот план не был принят из-за противодействия Ворошилова и

Буденного. (Кстати, в 1949 году С. М. Буденный во время встречи с матерью и мной в Кишиневе на праздновании 25-летия восстановления молдавской государственности признал правоту отца, поскольку этот план начал осуществляться накануне ВОВ.) Короче говоря, Котовский в 1925 году входил в «первую пятерку» комсостава Красной армии. Одновременно Котовский получил известность как блестящий хозяйственник-рыночник, восстановивший ряд промышленных предприятий и создавший на Правобережной Украине сеть сбытовой и потребительской кооперации, как основатель крупных сельскохозяйственных предприятий — коммун. Сохранилась высокая оценка Котовского как хозяйственника в записке Куйбышева, адресованной Кирову. А Дзержинский вообще предлагал демобилизовать Котовского и назначить начальником Трудфронта, организации по восстановлению промышленности. И только Фрунзе отстоял Котовского в армии. При условии перевода Котовского в Москву тандем Фрунзе — Котовский мог бы изменить конфигурацию расстановки политических сил. Какая из двух основных соперничавших группировок могла быть причастна к убийству отца? Окончательный ответ дать сегодня нельзя. Но я склоняюсь к версии о «троцкистском следе». Косвенным доказательством этого является судьба убийцы Котовского, которого «прикрыли силовые структуры» Харькова и Одессы. (Кстати, еще в 1926-м, уже после гибели Котовского, Сталин дал ему блестящую характеристику, ставшую известной биографам отца лишь после ВОВ, в которой он назвал его «храбрейшим среди скромных наших командиров и скромнейшим среди храбрых».)

— Как произошло убийство Котовского?

— В совхозе Чабанка, о котором я уже упоминал, накануне возвращения, в Умань Котовский зашел в правление. Он дружил со специалистами совхоза, поскольку в юности сам закончил сельскохозяйственное училище. Возвращался домой поздно вечером. За несколько шагов до дома раздалось три выстрела. Когда мама выбежала из дома, она увидела отца, который лежал вниз лицом, широко раскинув руки и ноги. Пульса не было. Пуля попала в аорту, и смерть наступила мгновенно. Когда Котовского внесли на веранду, объявился и сам убийца. Это был Мейер Зайдер. Упав перед мамой на колени, он бился в истерике: «Это я убил командира». Потом он скрылся и был схвачен только на рассвете. Кто такой Зайдер? До революции он содержал в Одессе публичный дом. Своей жене, бывшей проститутке, покупал драгоценности. Однажды во время оккупации Одессы, когда город был наводнен деникинцами, петлюровцами, поляками, французами, англичанами, он дал прибежище на ночь

Котовскому, который в то время выполнял задания подпольного большевистского ревкома. В 1922 году, когда публичный дом был закрыт, Зайдер, памятуя обещание Котовского отблагодарить его сторицей за помощь в 1918-м, явился в Умань. При помощи Котовского стал начальником охраны Перегоновского сахарного завода близ Умани. В злополучном августе 1925 года Зайдер приехал в Чабанку на машине, вызванной для переезда Котовского, якобы помочь семье командира собраться в дорогу… Следствие тянулось очень долго. Его вел некто Карлсон (или Каупельсон?), вскоре возглавивший НКВД Украины. Только осенью 1926 года суд вынес приговор — убийце Котовского дали 10 лет (по иронии судьбы в тот же день этот же суд приговорил другого подсудимого за убийство зубного врача и ограбление — к расстрелу). В харьковской тюрьме бывшего содержателя публичного дома делают завклубом с правом свободного выхода. Уже через два года после приговора его выпустили на свободу, и он стал работать сцепщиком железнодорожных вагонов. В 1930 году, когда 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия праздновала юбилей и на праздник были приглашены ветераны-котовцы, они сказали маме, что Зайдер приговорен ими к смертной казни. Мама возражала: Зайдера ни в коем случае нельзя убивать — он единственный свидетель смерти отца, тайна которой была не разгадана. Мама сообщила о намерении котовцев в особый отдел дивизии. Однако властями ничего не было предпринято. Зайдера задушили, его тело положили на рельсы, чтобы имитировать несчастный случай, но поезд опоздал. Главным организатором убийства Зайдера был котовец-одессит Вальдман, расстрелянный в 1939 году.

— Создается впечатление, что кому-то было очень нужно убрать всех свидетелей убийства Котовского?

— В 1936 году матери дали понять, что убийство Котовского было политическим. И сообщил ей об этом маршал Тухачевский. Во время приема в честь участников съезда жен командного состава Красной армии он подошел к ней и, пристально глядя в глаза, сказал, что в Варшаве вышла книга: ее автор утверждал, что Котовского убила советская власть. Кстати, в 1969 году я нашел эту книгу в библиотеке Варшавского университета, где в самом деле утверждалось, что Котовского убила советская власть, поскольку он был человеком прямым и независимым и, обладая огромной популярностью в народе, мог повести за собой не только воинские подразделения, но и массы населения Правобережной Украины. (Действительно в ходе коллективизации по инициативе снизу только на Украине более 120 колхозов и совхозов были названы его именем, хотя

официальная пропаганда практически забыла о нем.) В 1940 году мама по совету секретаря Союза писателей и члена ЦК ВКП(б) В. Ставского направила в ЦК письмо о пересмотре в судебном порядке дела об убийстве Котовского. Мама изложила многие обстоятельства гибели отца, но никакой реакции властей не последовало. Имя отца оставалось популярным в народе, однако поначалу властями его память не очень-то культивировалась. В 1935 году Алексей Толстой задумал написать об отце сценарий фильма и книгу. Он вел переписку с матерью, и она послала ему несколько писем Котовского. Однако в дело вмешался Гарькавый, командовавший тогда Ленинградским военным округом и хорошо знавший отца по Гражданской войне. Гарькавый представил Толстому Котовского как «рубаку» и посоветовал написать книгу об обороне Царицына. Так родился у Толстого «Хлеб». Остается добавить, что в Гражданскую Гарькавый служил комиссаром у Якира, а его жена была сестрой жены Якира. Я не оставляю надежды, что когда-нибудь в недрах архивов ФСБ будет найдена разгадка тайны убийства Котовского. Меня натолкнул на это разговор со знакомым военным следователем в 1946 году. Он вел дело захваченного в Маньчжурии атамана Семенова. В конце 20-х годов этот следователь, проходивший в Киеве военную службу, бывал в нашей семье. От него я узнал, что в сверхсекретном архиве органов госбезопасности он познакомился с делом Котовского. Оказывается, что еще при жизни отца, в 20-е годы, в Москву о нем поступали агентурные сведения. Стало быть, Котовский был одним из тех людей, за которыми ЧК официально следило.

— Вы не опасаетесь, что у читателей может сложиться образ Котовского-антисемита? Смотрите, в его оппонентах и недоброжелателях — Зайдер, Троцкий, Якир…

— Котовский был интернационалистом, в его бригаде были бойцы чуть ли не 14 национальностей — даже китайцы. Под командованием Котовского служило очень много евреев, в основном из Одессы и Бессарабии. Кстати, он дал «путевку в музыку» Н. Рахлину, впоследствии знаменитому режиссеру-симфонисту. И Леонид Утесов знавал Котовского по Одессе и до конца жизни вспоминал о нем с теплотой. Котовский и антисемитизм — это несовместимые понятия. Отец был подлинным интернационалистом. Полуполяк-полумолдаванин, он в анкетах писался русским, но в то же время был великим патриотом Бессарабии и молдавского народа, основавшим в 1924 году автономную Молдавскую ССР, ныне Приднестровскую Молдавскую республику. Я не хотел бы, чтобы отец прослыл антисемитом. Напротив, известно немало случаев и до

революции, и после, когда отец останавливал еврейские погромы. Один крупный израильский экономист-аграрник в 60-е годы меня упрашивал приехать в Израиль, говорил, что меня там очень хорошо примут, поскольку Котовский спас очень много евреев. Но и от того факта, что главные недруги Котовского были евреями, не отмахнуться. Ну и что? То время — это поистине золотой век подлинного интернационализма и утверждения дружбы народов бывшей царской России. Дело не в этнической принадлежности, а в связях с Троцким и его окружением. Конечно, все это очень сложно. Откроется ли вся правда до конца? Не знаю. Я сам склоняюсь к версии, что все это идет скорее по линии Троцкого, чем по линии Сталина. Вряд ли Котовский был опасен группировке Сталина, а Троцкий в 1925 году был еще очень силен. Хотя, может быть, я в этом не прав. Нельзя обвинять без документов. Одно совершенно ясно: убийство Котовского — одно из первых политических убийств в Советском Союзе, за которым последовали десятки и сотни подобных.

— Григорий Григорьевич, вам вот-вот исполнится 78 лет, но вы все еще ведете научную работу?

— В этом нет ничего особенного: ведь я принадлежу к профессиональной и социальной группе «научные работники», члены которой, пока голова ясная, продолжают трудиться. В этом их привилегия по сравнению с пенсионерами — бывшими чиновниками. Если бы не это, то Российская академия наук уже перестала бы существовать.

— Вы продолжаете вести какую-то международную деятельность?

— Разумеется, хотя и не так активно, как в прошлом. Во-первых, я продолжаю оставаться членом Исполкома Всемирной Федерации научных работников (Париж), которая по моей инициативе приняла обращения — в 1992 году к президенту Ельцину, в 1996-м к нему же, а также к премьеру Черномырдину и председателю Думы Селезневу, в которых выражала глубокую озабоченность положением российской науки и ученых. К сожалению, ответа мы так и не получили. Во-вторых, я продолжаю руководить моим «детищем» — Российско-индийской комиссией по сотрудничеству в области общественных наук, которой в прошлом году исполнилось 25 лет. В-третьих, я направляю сотрудничество с французскими индологами.

Основные источники и литература

Ананьев Г. А. Котовский. ЖЗЛ. М., 1982.

Беляев А., Денисенко Д. Кто убил Робин Гуда революции? Независимая газета. 20 января 2001 г.

Белоус Л. По страницам истории города. Приднестровье. Интернет.

Берг Л. С. Бессарабия: страна, люди, хозяйство. Пг., 1918.

Братющенко Ю. В. Военно-потребительское общество (ВПО). Энциклопедический Фонд. Интернет.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Википедия: свободная энциклопедия. Мишка Япончик. Интернет.

Волков С. В. Черная книга имен, которым не место на карте России. М., 2004.

Волкогонов Д. Сталин. Вожди. В двух книгах. Книга 1. М., 1996.

Герчшу А. Ангел смерти Григория Котовского. Труд-7, 2010 г. Интернет.

Гуль Р. Красные маршалы. М., 1990.

Гросул В. Каким был подлинный Котовский? Правда, 3 апреля 2013.

Замура Е., Тимошин А., *Лисневский Я.* Будет ли похоронен Котовский? 7 октября 2008 г. Интернет.

Замура Е., Власова О. Манук-бей Мирзоян — секретный агент в Турции, 21 сентября 2012 г. Интернет.

Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008.

Зинько Ф. Сердце Котовского. Новые документы о странном герое. Независимая газета, 26 июня 1999 г.

Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918–1920 гг.). Кишинев, 1964.

Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений. Криминальный Петербург. 1861–1917. Блистательный и преступный. СПб., 2008.

Иконников-Галицкий А. Хроники петербургских преступлений. Криминальный Петербург. 1917–1922. Черные тени красного города. СПб., 2008.

Казаков В. Кто убил Котовского? Знамя № 5, 1989 г.

Каменецкий Ф. Эскадронный. «Порто-франко» № 16 (863), 04.05.2007 г. Интернет.

Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

Козлов С. Я. О чувстве такта: Полемика с Григорием Котовским. Независимая газета № 9, от 20 января 2001 г.

Кольцов С. В. М. М. Криворучко. Днепропетровск, 1969.

Копелев Л. И сотворил себе кумира. Л., 1990.

Котовский Г.И. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1961.

Котовский Г. И. Документы и материалы. Кишинев, 1956.

Котовцы. Биографические очерки. Кишинев, 1979.

Лупашко М. Бессарабец. Кишинев, 2012.

Маслов А. Смерть не поставила точку. М., 1999.

Млечин Л. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002.

Морозов Е. Рассказы о котовцах. М., 1975.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.

Нехамкин С. Эхо похоронных оркестров 1925 года. Смерть с политикой и без. Аргументы недели, 28 сентября 2010 года.

Первый гвардейский кавалерийский Житомирский ордена Ленина, Краснознаменный, орденов Суворова и Кутузова корпус им. СНК УССР. Сайт Кавалерийские корпуса РККА. Интернет.

Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сталин: время, люди, Империя. Интернет.

Последнее интервью с Владиславом Галкиным. Новостной портал «О полиции. ру», 20 апреля 2011 г. Интернет.

Протокол вскрытия М. В. Фрунзе. «Правда» от 1 ноября 1925 года. РГВА. Путеводитель. В двух томах. Том 2. М., 1993.

РГВИА. Ф. 16142. On. 2. Д. 41. Л. 773–776.

РГВИА. Ф. 162. On. 1. Д. 16. Л. 96–97.

Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков, 2000.

Савченко В. А. Котовский. М., 2010.

Сайт ветеранов 8-й отдельной армии ПВО. Интернет.

Сайт «Владимир Шмерлинг 1909–1992».

Самошкин В. В. Антоновское восстание. М., 2005.

Сборник. Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. М., 1978.

Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным Революционным оружием. М., 1926.

Сергеев Д. Котовский: тайна, не раскрытая в сериале, 5 мая 2010 г. Портал: Вокруг ТВ. Интернет.

Смыслов О. С. Накануне 1941 года. М., 2007.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., 1948.

Стученко А. Т. Завидная наша судьба. М., 1968.

Соколов Б. Котовский. ЖЗЛ. М., 2012.

Урусов С. Д. Записки губернатора. М., 1907.

Федорова С. 70 лет со дня оккупации Котовска: страшные странички истории нашего города, 20 августа 2011 г. Сайт города Котовска. Интернет.

Фомин А. Если погибают комкоры, значит это кому-то нужно. Интернет.

Хенсин М., *Нестеров Н.* Застенки Смоленска. Смоленск, 2007 г.

ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1048. Л. 41–75. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. 1925 г. М., 2002.

ЦВМА. Ф.864. Оп. 1. Д. 1333; Ф. 3. Оп. 1. Д. 34.

Шабанов В. М. Из дневника И. В. Брусиловой. ВИЖ № 8,1990 г.

Шульгин В. В. Дни. 1920. Записки. М., 1989.

Шмерлинг В. Г. Котовский. Кишинев, 1950.

Яруцкий Л. Котовский в Мариуполе (1988 г.). Старый Мариуполь, 16 декабря 2010 г. Интернет.

Иллюстрации

Г. И. Котовский

Г. И. Котовский с соратниками на Украине

Участники Тамбовского восстания

М. В. Фрунзе

Н. Э. Якир

В. М. Примаков

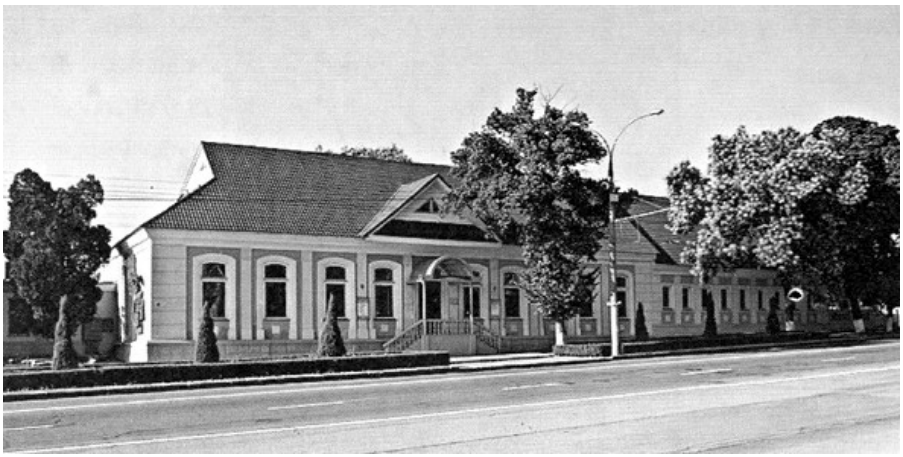
Г. И. Котовский в годы Гражданской войны

Г. И. Котовский на польском фронте

М. Зайдер

Тело Г. И. Котовского в день убийства

Вдова Г. И. Котовского во время прощания с ним



Тираспольский объединенный музей, частью которого является Музей штаба кавбригады Г. И. Котовского

Мавзолей в честь Григория Котовского в г. Котовск Одесской области, где Котовский был похоронен

Памятник Г. И. Котовскому в Кишиневе

Памятник Г. И. Котовскому в Котовске